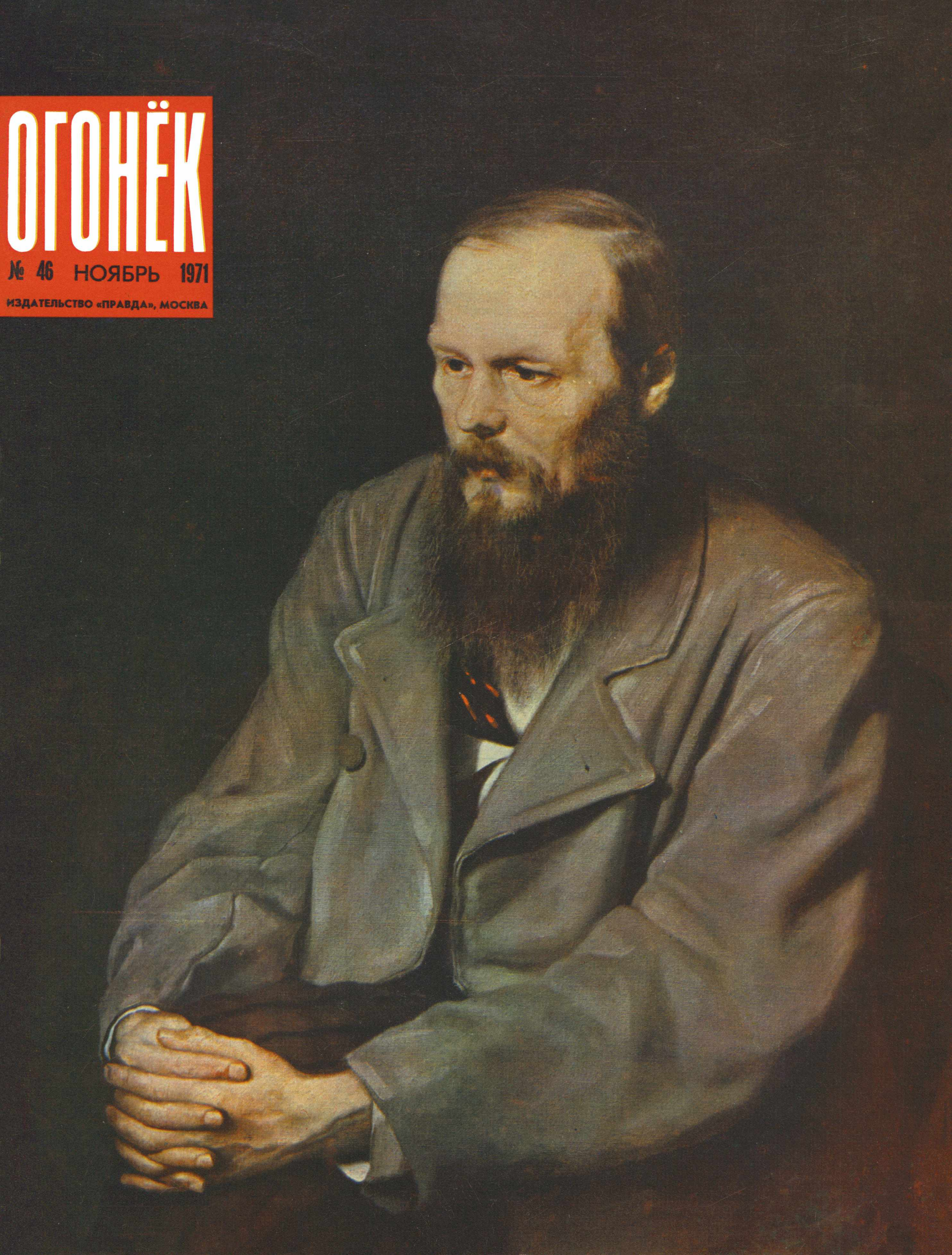

ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 46 (2315)

13 НОЯБРЯ 1971

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩ

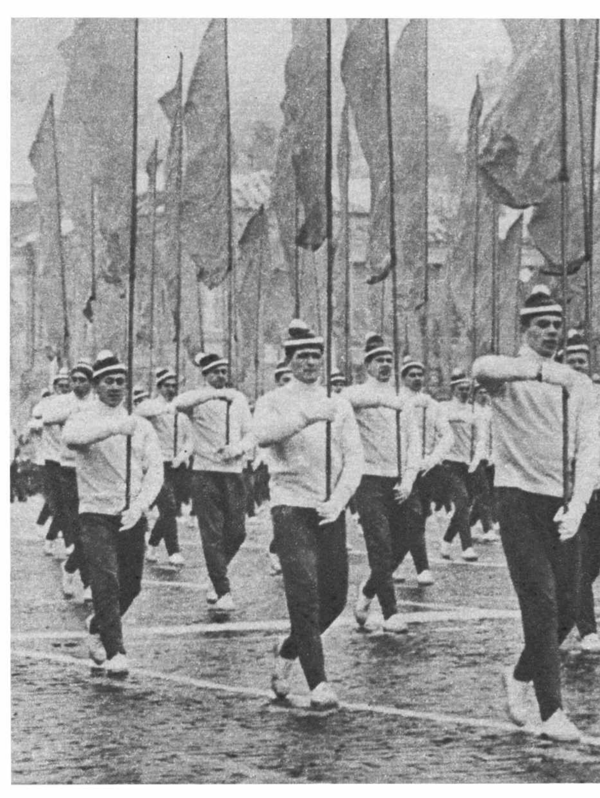

АДЬ 7 НОЯБРЯ 1971 ГОДА

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩ

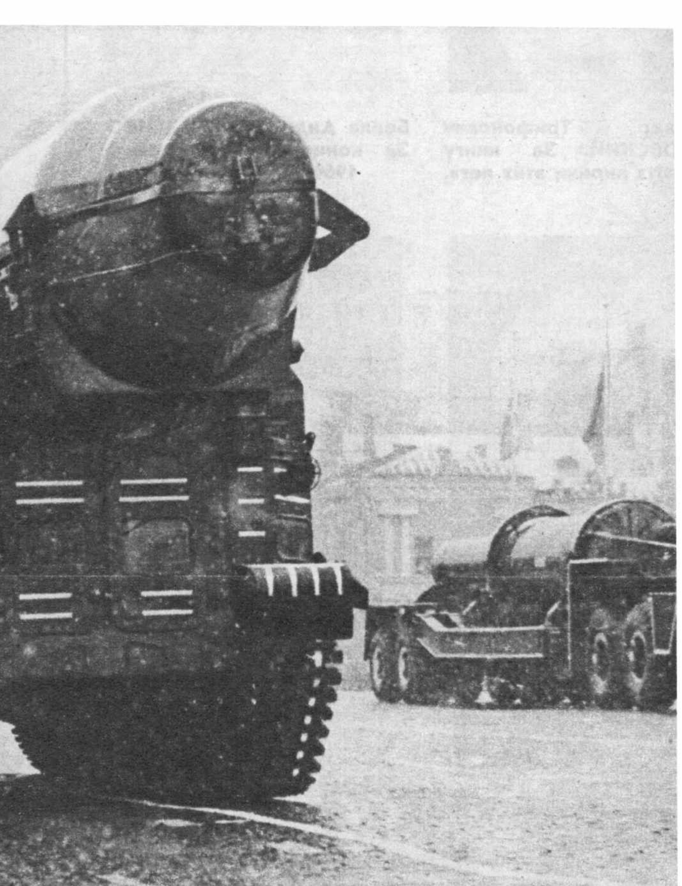

АДЬ 7 НОЯБРЯ 1971 ГОДА

Репортаж с Красной площади фотокорреспондентов Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА, А. ГОСТЕВА, Г. МАКАРОВА, Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

МОСКВА, 6 НОЯБРЯ 1971 ГОДА, К

Состоялось торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся и городского комитета Коммунистической партии Советского Союза, посвященное празднованию 54-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Горячими аплодисментами встретили собравшиеся появление в президиуме заседания товарищей Л. И. Брежнева, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.

С докладом выступил тепло встреченный собравшимися член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

На снимке: в президиуме торжественного заседания, посвященного 54-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

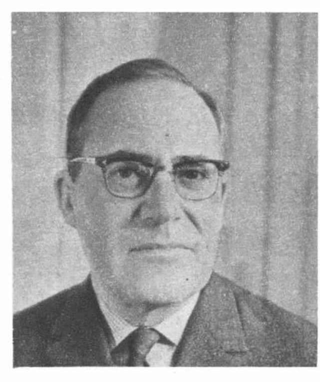
Фото А. ГОСТЕВА.

Рисунок американского художника А. Рефрежье. Специально для «Огонька».

ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР

В день праздника Великого Октября опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Государственных премий СССР 1971 года в области науки и техники и в области литературы, искусства и архитектуры. Новыми лауреатами стала большая группа ученых и техников, а также работников литературы, искусства и архитектуры.

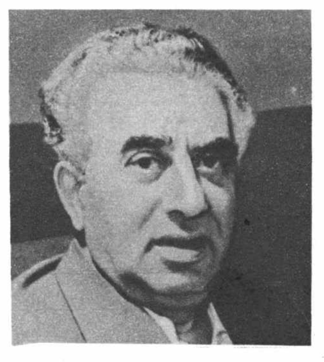
Вадим Михайлович КОЖЕВНИКОВ. За повести «Особое подразделение» и «Петр Рябинкин».

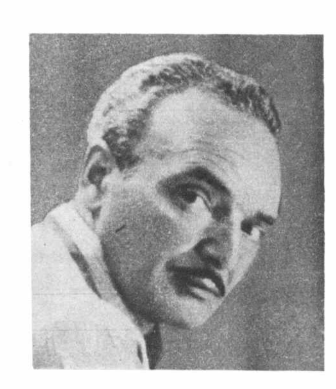
Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ. За книгу стихов «Из лирики этих лет».

Белла Андреевна РУДЕНКО. За концертные программы 1969—1970 годов.

Арам Ильич ХАЧАТУРЯН. За триаду концертов-рапсодий.

Ираклий Алексеевич ОЧИАУРИ. За чеканные пластины и панно.

Сергей Аполлинарьевич ГЕРАСИМОВ. За режиссуру и сценарий фильма «У озера».

РЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ

ПАМЯТНИК МАРКСУ В ГДР

Карел ХЕМЦАЛЬ

Карл-Маркс-Штадт — один из крупнейших промышленных центров ГДР. Традиции рабочего движения глубокими корнями уходят в прошлое этого города. Бывший Хемниц, этот город помнит много сражений немецких рабочих за свою свободу, и поэтому ныне он носит имя основоположника научного коммунизма.

Партия рабочего класса социалистической Германии и трудящиеся этого города решили именно здесь воздвигнуть памятник великому сыну немецкого народа. Многие предприятия Карл-Маркс-Штадта приняли участие в финансировании строительства монумента, а за создание его взялся известный советский скульптор, лауреат Ленинской премии Л. Е. Кербель.

И вот он стоит на гранитном постаменте, выполненный в бронзе, скульптурный портрет вождя. За памятником, на фасаде нового здания, начертаны на русском, немецком, французском и английском языках слова, знакомые нам с детства: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Эти слова, рассыпанные по металлической стене, образуют развевающееся знамя.

«120 лет назад,— сказал тов. Э. Хонеккер на открытии монумента, которое состоялось по случаю 22-й годовщины ГДР,— социализм был еще «призраком»... Ныне он стал нашей победоносной действительностью».

Берлин, по телефону.

УЗБЕКИСТАН
НОВАЯ ПОБЕДА
ХЛОПКОРОБОВ!

На поле голодностепского совхоза «Пахтакор».

Фото А. Горокрика. УзТАГ.

НЕ УСТАВАТЬ ВАМ, МАСТЕРА!

М. КОСЫХ,

Вяч. КОСТЫРЯ

Когда в минувшем году Узбекистан дал рекордный урожай хлопка-сырца, неосведомленному человеку могло показаться, что это во многом результат счастливого стечения погодных и прочих обстоятельств. Но вот в году 1971-м весна выдалась капризная, недружная, с частыми осадками и похолоданиями, а изнуряющее зноем лето преподнесло еще одно труднейшее испытание: маловодье, и особенно в главном водном бассейне — на Аму-Дарье.

И тут-то сработало главное, что добывалось десятилетиями и ныне определяет уровень развития нашего сельского хозяйства: богатейший опыт, высокая техническая оснащенность, кропотливый труд ученых-селекционеров, агрономов и химизаторов. А постоянная забота партии и правительства о хлопкоробах создала то поистине вдохновенное трудовое напряжение на каждом участке бескрайних полей, которое и родило столь замечательный итог: 4 миллиона 500 тысяч тонн отменного узбекистанского белого золота в первом году девятой пятилетки!

В небывало ранние сроки, к 25 октября, Узбекистан выполнил план хлопкозаготовок, а в ноябрьские праздники — и свои социалистические обязательства. Свыше 80 процентов урожая сдано первым сортом. Отличный подарок тружеников Узбекистана к 54-й годовщине Великого Октября!

Как же добывалась эта победа? Опыт, конечно, дело первостепенное. Узбекский хлопкороб при одном взгляде на куст хлопчатника сразу скажет, в каком он «настроении», что ему в данную секунду надо, чтобы к осени превратиться в белейший хлопковый сугроб. Было бы вдоволь «еды» и «питья», да хватило бы рук, чтобы каждому растению (а их на полях миллиарды миллиардов!) вовремя преподнести все необходимое, чтобы оно не кричало обиженным ребенком на все поле!.. Но это только полдела. С начала сентября каждый куст-сугроб, каждая бело-золотая сердцевинка его коробочек властно требуют: «Убери меня с поля поскорее, спрячь под брезент до осенней непогоды!» А это уже бо́льшая часть дела.

Тысячу лет выращивается хлопчатник на этой климатически идеальной для него земле. Но за славное советское полустолетие и урожайность и общее количество ежегодно собираемого здесь хлопка-сырца возросли настолько, что в сопредельных хлопкосеющих странах зарубежного Востока просто диву даются: чудо!

А чудо-то рукотворное. И стало оно возможным только благодаря социалистическим условиям труда земледельцев. Такие подвиги не по плечу дехканину-единоличнику, даже если у него железный плуг вместо деревянной сохи-омача!.. Что ему делать, например, объявись вдруг на его крохотном наделе такой бич старопахотных хлопковых плантаций, как вилт, иначе говоря — рак хлопка, превращающий серебристые волоконца урожая в ржавую труху? И четырех-пяти центнеров с гектара не добудешь.

А вот умельцы Андижанской области вырастили в этом году на своих старопахотных, немало поистощившихся за долгие годы землях поистине огромный урожай: с каждого гектара они получили в среднем по 28 центнеров! Превосходные урожаи получили также ташкентцы, ферганцы, наманганцы, самаркандцы, хлопкоробы Сурхандарьи, Кашкадарьи, Бухары и Каракалпакии, находящиеся в не менее сложных земельно-

водных условиях. Мировое первенство по урожайности занимают хорезмцы — около 40 центнеров с гектара.

Исключительно важную роль сыграл при этом комплекс агротехнических мер. На сотнях тысяч гектаров были посеяны новые, вилтоустойчивые сорта хлопчатника, созданные селекционерами республики,— «Ташкент-1, 2, 3», «159-Ф», «С-6030». Широко использовались научные рекомендации по севооборотам, поливам, применению органических и минеральных удобрений, гербицидов, дефолиантов. В Андижанской и Наманганской областях, например, вилтоустойчивые сорта заняли в нынешнем году до 90 процентов посевных площадей.

Но сорта сортами, рекомендации рекомендациями. Без совершенной техники от них много не возьмешь, да еще на таких обширнейших пахотных площадях, как в нынешнем Узбекистане — основной хлопковой базе страны. Поэтому-то первыми и главными помощниками хлопкоробов стали специализированные машины, обеспечивающие весь объем работ по возделыванию и уборке урожая. Машинный парк колхозов и совхозов Узбекистана насчитывает ныне 212 тысяч тракторов, около 30 тысяч хлопкоуборочных комбайнов, сотни тысяч других сельскохозяйственных агрегатов. Настоящий хозяин полей сегодня — хлопкороб-механизатор. Это он и сотворил чудо.

В самом деле, как бы без стальных помощников справились со своими нынешними обязательствами, скажем, целинники Сырдарьинской области, где на одного рабочего совхоза приходится 10—12 гектаров посевов? А сырдарьинцы показали в этом году высокий класс работы. Хлопкоробы Голодностепья, например, собрали машинами около 93 процентов урожая. По 80—90 процентов урожая было собрано машинами во многих районах, колхозах и совхозах республики. И вот примета нынешнего года: в Узбекистане впервые не было массового привлечения на уборочные работы студентов и горожан!

Справились хлопкоробы и с давно известным, но подзабывшимся за последнее время бедствием: острой нехваткой воды. Нынешним летом, когда хлопчатник испытывал жгучую жажду, обмелели горные реки. До революции это могло стать трагедией народа. Но теперь пошли в дело миллионы кубометров влаги, накопленной впрок в чашах гигантских водохранилищ. Их в Узбекистане десятки, а протяженность оросительной и мелиоративной сети составляет 150 тысяч километров. Бережно, чуть ли не по каплям расходовали это живительное богатство мастера поливов. А ирригаторы, встревоженные прогнозами метеорологов, еще с весны в содружестве со многими промышленными предприятиями республики изыскивали новые источники водоснабжения. В исключительно короткие сроки было сооружено несколько мощных насосных станций для маневрирования водными запасами, пробурено около полутора тысяч артезианских скважин, поставлявших на поля подземные воды.

Когда началось массовое раскрытие коробочек столь нелегко давшегося урожая, вся уборочная техника была приведена в движение. Работали по оперативной технологической схеме: «поле —бункер комбайна— тракторная тележка — заготовительный пункт». Это и дало свои замечательные результаты: если не так давно привычным было выполнять плановое задание на третий-четвертый месяц после начала уборочных работ, то ныне многим хозяйствам для этого понадобилось около 30 дней. А хлопкоробы Джизакского района рапортовали уже на 25-й день. Самым же первым в республике — всего за шестнадцать дней — выполнил свое плановое задание джизакский колхоз «Москва», возглавляемый Героем Социалистического Труда Хамракулом Насыровым.

По срокам уборки среди областей первенствовала целинная Сырдарьинская, где уровень механизации работ особенно высок. А вот по объему продукции в нынешнем году всех обогнала старопахотная Андижанская область: более полумиллиона тонн! Значительный вклад в узбекистанские 4 миллиона 500 тысяч.

Около семидесяти тысяч механизаторов участвовали ныне в хлопкоуборочной кампании на полях Узбекистана. Они собрали машинами около одного миллиона восьмисот тысяч тонн хлопка-сырца. И тон в работе задавал лучший из них — Герой Социалистического Труда Шаймардан Кудратов из Сурхандарьи, превысивший свой прошлогодний мировой рекорд; он собрал машиной «Узбекистан» ХН-3,6 800 тонн сырца. Целое хлопковое море покорилось этому замечательному капитану голубого корабля. Под стать ему и такие гвардейцы полей, как Т. Дададжанов и А. Валиев из Голодной степи, Ч. Худоярова и С. Продан из Сурхан-Шерабадской долины, Х. Палванов, М. Юсупов, М. Тухтабаева, Б. Шавкиев, М. Фузайлова и многие другие.

Радостные вести приходят из братских хлопкосеющих республик — Таджикистана, Туркмении, Киргизии, Азербайджана, Казахстана, вырастивших в нынешнем году высокие урожаи белого золота и также выполнивших свои обязательства. Это прекрасный результат традиционного социалистического соревнования хлопкоробов братских республик.

Хлопкоробы Узбекистана хорошо знают, что победные миллионы тонн урожая делает малая, всего 5—7 граммов весом, коробочка хлопчатника. Поэтому они уже сегодня заботясь об урожае будущего года, принимают все меры к тому, чтобы у каждой коробочки было, как они говорят, «счастливое детство, радостная юность и почетная бело-золотая зрелость». А незаурядные способности «родителей и воспитателей» были убедительно продемонстрированы в нынешнем году. Не уставать вам, мастера-хлопкоробы!

МИХАИЛ ИЛЬИЧ РОММ

Советская культура понесла тяжелую утрату — скоропостижно скончался выдающийся кинорежиссер, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР Михаил Ильич Ромм.

М. И. Ромм был одним из крупнейших мастеров советского кино. Художник-коммунист, он всю свою большую жизнь в искусстве посвятил служению революции, делу коммунизма. Создатель многих фильмов, вошедших в золотой фонд нашего киноискусства, он внес большой вклад в развитие советской художественной культуры.

М. И. Ромм родился в 1901 году в Иркутске. По окончании школы находился на советской работе, служил в Красной Армии. После демобилизации поступил на скульптурный факультет Высшего государственного художественно-технического института. Работу в кино начал как сценарист, в 1933 году становится режиссером.

Первым большим успехом М. И. Ромма стал созданный в 1934 году фильм «Пышка». В 1937 году выходит на экраны его фильм «Тринадцать», правдиво и глубоко показывающий героический подвиг советских пограничников в борьбе с басмачами.

Все лучшее, что было в творчестве М. И. Ромма, с особой силой раскрылось, когда он обратился к теме революции, к образу В. И. Ленина. В поставленных М. И. Роммом фильмах «Ленин в Октябре» (1937 г.) и «Ленин в 1918 году» (1939 г.) впервые в нашем киноискусстве с такой проникновенностью и реалистической глубиной воссоздан характер великого Ленина, воплощена тема единства вождя и поднявшегося на борьбу трудового народа.

В таких фильмах, как «Мечта», «Человек № 217», «Секретная миссия», «Русский вопрос», «Обыкновенный фашизм», М. И. Ромм с политической остротой и художественной убедительностью разоблачает фашизм, ведет борьбу против буржуазной идеологии и морали. Один из самых значительных фильмов М. И. Ромма — «Девять дней одного года» — посвящен жизни и героическому труду советских ученых, работающих на переднем крае современной науки.

Фильмы М. И. Ромма получили всенародное признание и пользуются любовью многомиллионного зрителя.

Режиссерскую работу М. И. Ромм совмещал с активной общественной и педагогической деятельностью. Будучи профессором Всесоюзного государственного института кинематографии, он воспитал целую плеяду молодых режиссеров. М. И. Ромм участвовал в создании Союза кинематографистов СССР, неизменно избирался в его руководящие органы. Талант режиссера и педагога ярко проявился в работе М. И. Ромма на киностудии «Мосфильм», где он возглавлял одно из творческих объединений.

Заслуги М. И. Ромма перед советским искусством высоко оценены Коммунистической партией и Советским правительством. Он был награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции и орденом Трудового Красного Знамени, шесть раз ему присуждалась Государственная премия СССР.

Творчество выдающегося кинорежиссера, одухотворенное ленинской идеей партийности искусства, высокими принципами социалистического реализма, навсегда войдет в сокровищницу художественной культуры советского общества.

Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Е. А. Фурцева, В. Ф. Шауро, А. В. Романов, Л. А. Кулиджанов, А. А. Епишев, Е. М. Тяжельников, Г. В. Александров, Б. Ф. Андреев, В. Е. Баскаков, А. В. Баталов, С. Ф. Бондарчук, Е. И. Габрилович, С. А. Герасимов, А. Н. Грошев, Е. Л. Дзиган, М. С. Донской, Ф. Т. Ермаш, А. Г. Зархи, А. М. Згуриди, М. К. Калатозов, А. Я. Каплер, А. В. Караганов, Р. Л. Кармен, Г. М. Козинцев, В. В. Монахов, Ю. Н. Озеров, Н. А. Пономарев, Ю. Я. Райзман, С. И. Ростоцкий, В. В. Санаев, Н. Т. Сизов, И. М. Смоктуновский, Е. Д. Сурков, К. А. Федин, И. Е. Хейфиц, Д. Я. Храбровицкий, Т. Н. Хренников, М. М. Хуциев, М. И. Царев, Б. П. Чирков, Г. Н. Чухрай, С. И. Юткевич

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР

ВАХТАНГОВЦЫ...

В те далекие годы на театральном небосклоне ярко светилось замечательное созвездие талантов и подвижников искусства — таких, как Станиславский, Немирович-Данченко, Мейерхольд, Вахтангов... По-своему, с глубочайшим проникновением в суть системы Станиславского, Вахтангов стал страстным ее пропагандистом, одним из первых воплотил ее в реальном театральном действии. С присущей ему тонкостью творческого интуитивного чувства рассмотрел Вахтангов в учении Станиславского «зерно» театра — театра, плодотворно развивающего ростки народных талантов для воспитания и духовного совершенствования масс.

Третья студия Художественного театра, которую создал Евгений Багратионович Вахтангов, стала лабораторией актерского мастерства, своеобразным центром неустанного творческого поиска тех, кто шел за Вахтанговым с верой и одержимостью, с беспредельной преданностью театру своего учителя.

В те годы в театральных кругах Петрограда у всех на устах постоянно были имена московских новаторов, смелых и даже «отчаянных» мхатовцев. Для нас же, молодых актеров, имя Вахтангова было овеяно сказочным ореолом загадочности и того беспрекословного обаяния, которое как магнитом притягивало к нему молодежь.

О театральной студии в Мансуровском переулке много говорили, много спорили, но еще больше стремились увидеть ее работы, стать свидетелями нового, рождающегося в театральном искусстве необычного художественного явления.

И действительно, таким, по-настоящему счастливым явлением оказалось для многих, в том числе и для меня, в те годы открытие «Принцессы Турандот».

Теперь уже издано много книг, где подробно рассказывается о создании первых спектаклей Третьей студией МХАТ, о неутомимых поисках Вахтангова, его мучительных сомнениях, а порою даже и неудачах, которые, разумеется, могли возникать в процессе создания этих совершенно необычных и, как потом оказалось, незабываемых, великолепных спектаклей.

«Принцесса Турандот»... Сначала было задумано поставить шиллеровскую пьесу и решить спектакль как грандиозное романтическое зрелище. Однако Вахтангов остановился на одноименной трагикомической сказке знаменитого венецианца Карло Гоцци, и работа закипела. Народная итальянская комедия, разыгрывавшаяся на площади, где и зрители тоже становились как бы участниками спектакля, должна была, по мысли Вахтангова, стать близкой новому, советскому зрителю.

«Зритель все поймет, если то, что мы ему покажем, будет ему нужно... Романтика! Полет мысли! Мечты о будущем! Оптимизм, юмор, вера в жизнь, вера в то, что и он, ну, скажем, к примеру, подобно Калафу, добьется всего, чего хочет, разгадает все загадки, которые будет предлагать ему жизнь»,— вдохновенно говорил актерам Вахтангов.

Его экспрессия, увлеченность работой захватили всех. Участники спектакля стремились его отработать в мельчайших деталях, до ювелирной отточенности. Специальными упражнениями актеров, сценическим движением руководил по поручению Вахтангова Рубен Симонов, исполнявший в комедии роль Труффальдино... Юрий Завадский, Борис Захава и Ксения Котлубай занимались отработкой текста ролей с актерами; М. Е. Пятницкий учил владению голосом, управлению интонацией, певческой выразительности звука. Спектакль поражал глубиной режиссерской работы, ансамблевостью.

Поистине филигранной предстала работа артистов, начиная от героини в блистательном исполнении Цецилии Мансуровой, теперь народной артистки СССР. Ю. Завадский, Б. Щукин, Р. Симонов, А. Горюнов, А. Орочко, И. Толчанов, Б. Захава, О. Басов, И. Кудрявцев — таков был состав актеров знаменитого спектакля.

Но «Принцесса Турандот», разумеется, не определяла направления всей творческой работы театра, который, кстати, обосновался уже на Арбате, там, где он находится и теперь. Тут шли спектакли такие разные, как, скажем, «Чудо святого Антония» Метерлинка или «Свадьба» по Чехову.

...За все годы своего существования театр стремился вложить всю свою страсть, все свое мастерство, достигнутые великим, ежечасным трудом над образами героев, в сверхзадачу, поставленную перед коллективом великим Вахтанговым.

Он определял ее так: сыграть прежде всего «мятеж... дух народа», героический характер народа — творца истории, хозяина своей судьбы...

Я старался не пропускать ни одного спектакля театра вахтанговцев — театра, рожденного революцией. Со времени «Принцессы Турандот» моя привязанность, мое восхищение этим театром никогда не остывали. Да и могло ли это случиться, если здесь жили и творили такие художники, как Борис Щукин, Рубен Симонов!.. Все-все до одного талантливые актеры театра, бережно храня и воплощая на сцене заветы своего великого учителя, продолжали каждой новой работой завоевывать сердца зрителей, утверждая революционные идеи, их великую нравственную силу.

Когда-то Вахтангов сказал: «Чтобы одержать победу, художнику нужна Антеева земля. Народ — вот эта земля». Искусство театра, носящего его имя, всегда принадлежало и принадлежит народу. В своих лучших, значительных работах театр умеет сказать важное, главное о народной жизни, всегда оставаясь и глубоко верным жизненной правде и подлинно современным. Мы знаем театр Вахтангова и как театр выразительных сценических поисков. В этом сочетании, а главное, в глубине размышлений о жизни состоит значение и увлекательность его искусства, когда театр остается зрелищем и в то же время учителем жизни. Об этом красноречиво говорят осуществленные на сцене театра Вахтангова такие художественные полотна, как «Егор Булычов» и «Фома Гордеев», «На золотом дне», «Много шума из ничего», «Филумена Мартурано», «Перед заходом солнца». Я хорошо помню «Интервенцию» Льва Славина, «Человека с ружьем» Николая Погодина, где с исключительной силой раскрыл свое могучее дарование Борис Щукин. Исполненная им роль В. И. Ленина стала сценической классикой. Помню ставшие событием в дни Великой Отечественной войны «Фронт» Александра Корнейчука, «Русские люди» Константина Симонова. Это спектакли, исполненные духом высокого патриотизма. Но в те же трудные военные годы на сцене появился «Сирано де Бержерак» с Рубеном Симоновым в заглавной роли, спектакль, отмеченный подлинно вахтанговским оптимизмом.

Проходили десятилетия и приносили новые успехи театру, на афише которого профиль его организатора и создателя как бы свидетельствует о сохранении его традиций. Вахтангов, вахтанговское, вахтанговцы слилось для нас в одно общее понятие.

Можно долго рассказывать о каждом актере отдельно... Многие из них вошли в историю русской советской сцены, как, например, Рубен Николаевич Симонов, принявший на себя руководство коллективом театра Вахтангова.

Вклад Симонова в деятельность театра опять-таки неоценим. Необычайное, жизнерадостное творчество его как артиста, его всегда брызжущая выдумкой, глубоко осмысленная режиссура впрямую продолжили дело Вахтангова и развивали его, определяя путь театра на долгие годы вперед.

Мы были друзьями с Рубеном Николаевичем, мы мечтали о совместной работе в наших театрах, о творческом обмене — актерском и режиссерском... Мы много раз возвращались в наших разговорах к «Горю от ума», и, может быть, не случайно первой постановкой Евгения Симонова, сына Рубена Николаевича и его творческого преемника, был в Малом театре именно спектакль «Горе от ума»...

Выросший в окружении вахтанговцев, впитавший с самого детства стихию вахтанговского творчества, Евгений Симонов как-то очень органично возглавляет ныне этот прославленный театр.

В театре плодотворно работает блестящая плеяда выросших на вахтанговской сцене актеров, завоевавших большую любовь советского зрителя: Ю. Борисова, Н. Плотников, М. Ульянов, Н. Гриценко, Ю. Яковлев, В. Лановой, Е. Алексеева, Л. Пашкова, Л. Максакова, В. Этуш и многие другие.

Академический театр имени Евг. Вахтангова продолжает поиски новых путей в классической и современной драматургии.

Опираясь на революционные традиции, на живое наследие русской культуры, театр и ныне находится в таком же страстном творческом поиске, полон новых замыслов.

«Человек с ружьем». В роли Ленина — М. Ульянов. Шадрин — Н. Гриценко.

З. Лежава (Тбилиси). В ГРЯДУЩЕЕ.

Выставка произведений художников Грузии, Азербайджана и Армении.

Т. Симонян (Ереван). БЕСЕДА НА ДОРОГЕ.
Т. Салахов (Баку). НА КАСПИИ.

Выставка произведений художников Грузии, Азербайджана и Армении.

1821—1971

МИР ДОСТОЕВСКОГО

В. КИРПОТИН

По силе своего дарования Достоевский стоит в одном ряду с Толстым, Эсхилом, Шекспиром, Данте, Сервантесом и Гете. Но искусство, даже самое гениальное, обретает свою цену в служении народу, а потому народ всегда остается верховным судьей и самых великих своих художников. Достоевский противоречив. Многие критики и мыслители объясняли противоречивость творчества Достоевского метафизическими причинами, «вечной» будто бы расколотостью человеческой природы, «вечным» будто бы антагонизмом добра и зла. На деле же противоречия Достоевского, его сильные и его слабые стороны объясняются историческими причинами.

Достоевский никогда не отличался ни дворянской респектабельностью, ни буржуазной мещанской благообразностью. Он всегда ненавидел сытых, самодовольных и ликующих и в трагическом противоречии со своими исходными побуждениями искал прибежище у лидеров реакции, у Каткова, у Победоносцева. Искал и не находил, потому что никогда, до конца дней своих не мог подавить в душе своей страстной заинтересованности в участи униженных и оскорбленных, угнетенных и эксплуатируемых, не мог подавить голоса сомнения, неверия, протеста и бунта. Эта неспособность Достоевского примириться с тем, с чем он хотел примириться, и сохранила, к счастью для русской культуры и для культуры всего человечества, гениальную энергию его дарования, возвышенный пафос его гуманизма.

Глашатаями новых социальных, политических и культурных потребностей, возникших в сороковых годах XIX века, были Герцен и Белинский. Под их влиянием искусство и литература в России больше, чем когда-либо прежде, обратили внимание на самые острые вопросы современности. Они признали в «мужике», в бедном чиновнике, в труженике деревни и города, человека, и это сделалось исходным пунктом «натуральной школы». Примкнув к новому движению, художественным знаменем которого стал Гоголь, увлеченный «бурей Белинского» (выражение А. Майкова), никому дотоле не известный юноша создает роман «Бедные люди» (в 1846 году).

«Самый забитый, последний человек есть тоже человек и называется брат мой!» — эта идея «Бедных людей», утверждаемая со свежею силою молодого и оригинального дарования, сблизила Достоевского с Белинским и с естественной последовательностью привела его в круг петрашевцев — первой в России организации утопических социалистов.

Достоевский был больше поэтом, чем мыслителем-теоретиком. Его обуревали сомнения, которых не было у прекраснодушных и несколько слащавых утопистов. Он понимал, что «накипь веков» отразилась и на натуре «маленького человека» и что много надо еще поработать, чтобы вложить в его душу светоч передового идеала. Сомнения эти отразились в повести «Двойник», во многом расходящейся по своему смыслу с «Бедными людьми».

В самом разгаре идейных исканий над Достоевским разразилась катастрофа. 23 апреля 1849 года вместе с другими петрашевцами он был арестован, судим и приговорен к смертной казни. Вместе со своими товарищами он стоял в морозное декабрьское утро на Семеновском плацу в Петербурге, ожидая расстрела. Все это завершилось трагически-издевательской церемонией «помилования», заменой расстрела четырехлетней каторгой с последующей отдачей в солдаты.

Разгром петрашевцев знаменовал поражение общественного движения сороковых годов и начало длительного периода реакции.

Поражение всегда вызывает двойственные результаты. Наиболее стойких борцов, особенно если они связаны с массами, оно закаляет. У более слабых оно рождает разочарование, желание «пересмотреть» старые программы движения, что приводит нередко к той или иной форме капитуляции.

Достоевский оказался в самых неблагоприятных условиях для подведения итогов сороковых годов — в каторжной, уголовной среде, в которой было много напрасно загубленных людей из народа, но которую все же нельзя было отождествлять с народом, в духовном одиночестве.

О годах каторги Достоевский рассказал в «Записках из Мертвого дома». Это — одно из замечательнейших в мировой литературе произведений по духу гуманности, по боли и скорби за человека.

Книга Достоевского вошла в общий строй критически настроенной литературы шестидесятых годов, поднявшей к действию славное и могучее поколение. В большинстве преступлений, совершенных преимущественно людьми из низов, Достоевский увидел реакцию на гнет, на нищету, на обезличение, уродливое проявление жажды полной и свободной жизни.

Достоевский не оправдывал преступлений, но он понимал, что вопрос о причинах преступлений в неправильно устроенном обществе более важен, чем подведение их под ту или иную статью царского уголовного кодекса. «Ведь надо уж все сказать,— писал он о своих товарищах по каторге: — ведь этот народ необыкновенный был народ... Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?

То-то кто виноват?»

Это был герценовский вопрос, повторенный с герценовской же силой,— революционная демократия выработала на него революционный ответ. Но Достоевский отказался от революционных позиций, приведших его на каторгу.

В сердце Достоевского сохранились сочувствие и любовь к обездоленным, он продолжал верить в необходимость братства между людьми, он нетерпеливо жаждал перемен к лучшему в положении русского народа и народов всего земного шара, но применение революционного насилия он стал считать неоправданным.

Противоречие это пронизывает роман Достоевского «Униженные и оскорбленные». Достоевский обрушивается в нем со страстной ненавистью на деньги, как на орудие развращающей и бесчеловечной власти, превращающей одних людей в волков, а других — в их жертвы. «Морали» социальных хищников Достоевский противопоставил другую мораль, гласящую: каждый человек должен быть человеком и относиться к другим, как человек к человеку.

«Униженные и оскорбленные» были опубликованы в 1861 году, в разгар общественного кризиса, когда энергия демократического лагеря была сосредоточена на решении политической задачи низвержения самодержавия. Достоевский же сохранил от утопических учений самую слабую их сторону — страх перед революционным насилием. Негодуя против социального неравенства, морально отвергая все, что мешает братству людей, он попытался призвать борцов, построившихся для боя, к смирению и к христианским чувствам как единственному средству, дозволенному богом, для оздоровления жизни на земле.

Любопытно, однако, отметить, что правительство и церковь не доверяли Достоевскому, несмотря на критику последним революционной тактики. Издававшийся им журнал «Время» был закрыт. Господствующие верхи улавливали, что недовольство, социальный гнев, сочувствие народным низам в творчестве Достоевского неизмеримо сильнее его дидактической умеренности. Его чуткую и большую совесть продолжали преследовать, как неизбывный кошмар, картины нищеты, бедствий, поругания слабых, унижения женщин, страдания детей. Он трепетал от страха и ненависти перед надвигавшимся на Россию капитализмом, не понимая его природы, обращая свои надежды, однако, не к будущему, а к безвозвратно ушедшему пат-

риархальному прошлому («Зимние заметки о летних впечатлениях»).

Лагерь «Современника» даже в самых жарких публицистических схватках с журналами Достоевского никогда не оспаривал высокого значения его художественных созданий — «Записок из Мертвого дома», романа «Униженные и оскорбленные». Человек заслуживает счастья, человек должен жить в гармонии с другими людьми — положения эти продолжали оставаться идеалом Достоевского, но, как достичь этого идеала, он не знал.

Свое понимание опыта шестидесятых годов Достоевский воплотил в образы «Преступления и наказания». Произведение вылилось из-под его пера великое, грандиозное, потрясшее читателей всего мира, но доказывающее всем ходом повествования вовсе не то, что хотелось автору.

Достоевский стремился доказать недоказуемое — безнравственность революционного насилия и в то же время заклеймить бесчеловечие условий существования, осуждающих большинство на голод и уничтожение, превращающих любовь, родственные отношения, красоту, тончайшие привязанности сердца, таланты, знания, волю в предмет купли и продажи.

Исполненный сострадания к жителям земной юдоли, похожей на круги дантова ада, Достоевский с яростным гневом обрушился на черствый индивидуалистический эгоизм, на людей, которые, подобно Наполеону, способны были для своего возвышения переступить через чужую кровь и чужие слезы. Раскольников в отличие от Наполеона думал оправдать пролитую им кровь облагодетельствованием ближних: одно убийство оправдывается тысячью добрых дел, рассуждал он. Однако жестокая правда романа доказала, что софизм этот неосуществим, что безудержный эгоизм, эгоцентризм, что кровавый произвол неизбежно влекут за собой целую цепь последующих злодеяний.

Идея Раскольникова чужда массам, она ни в одном пункте не соприкасается с идеями подлинно демократического революционного лагеря. Его преступление — результат волюнтаристической гордыни заблудившегося одиночки, оно родилось наряду с пьянством, проституцией, чахоткой и беспризорностью из социальных причин, порожденных неправильно и несправедливо устроенным обществом.

Достоевский привел Раскольникова к покаянию. Мы принимаем покаяние Раскольникова, потому что он совершил не подвиг революционного самопожертвования, а хотя и необыкновенное, но все же уголовное убийство. Но мы не принимаем христианского смирения, отказа от революционного насилия, проповедуемого Достоевским. Наоборот, широкая и глубокая картина социальных и политических зол, нарисованная в романе, будит гнев, возбуждает активность, желание вмешаться в дела мира сего, чтобы направить их по другому руслу.

После «Преступления и наказания» Достоевский написал роман «Идиот».

«Главная мысль романа,— объяснял он,— изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь... Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался».

Как художник, Достоевский совершенно правильно полагал, что образ положительного героя увенчивает всякое великое искусство. Как художник гениальный, он чувствовал, что положительный персонаж — это не олеографическая картинка, а полноценный о б р а з, носитель великих и справедливых надежд.

Князь Мышкин, главное лицо «Идиота»,— это нечто вроде Христа, вновь сошедшего на землю. Уподобление его Христу принадлежит самому Достоевскому. Мышкин—весь альтруизм, в нем нет ни капли эгоизма. Он полон симпатии, сострадания и любви ко всем без исключения людям, что особенно чутко улавливали женщины и дети. Вот такого-то героя Достоевский ввел в мир братоубийственных страстей, в мир неправды, угнетения и капиталистического стяжания, чтобы повторить поучения евангелия о кротости и всепрощении, даже по отношению к жестокосердым злодеям, как о единственном будто пути перестройки отвергаемого неправедного мира. И великий художник победил мятущегося мыслителя. Роман Достоевского каждой клеточкой своей художественной структуры показал непригодность морали непротивления для преобразования мира. Мало того, вопреки религиозному учению о грехе как о единственной причине несчастий и бед на земле, роман объективно свидетельствует, что людей губит уклад, порядок, при котором счастье одних достигается за счет несчастья других.

«Идиот» вышел в 1868 году. В это время русская передовая мысль уже оправилась от поражения. На смену закрытому «Современнику» стали выходить реорганизованные Некрасовым и Щедриным «Отечественные записки». Оживилась деятельность революционных кружков. Обстановка эта пугала Достоевского. Достоевский не скрывал ни от себя, ни от других, что он пишет свой новый роман «Бесы» с тенденциозной целью — принизить, «разоблачить» революционное движение. «Хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность...—сообщал он Страхову,— пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь».

«Революционеры» и «социалисты» из «Бесов» похожи на кого угодно — на преступников, на маньяков, на авантюристов, но никак не на реальных революционеров. Достоевский сам вложил в уста Петра Верховенского фразу: «Я мошенник, а не социалист».

Художник в Достоевском, однако, не мог удовлетвориться «памфлетом». Он ввел в роман чрезвычайно интересный образ Ставрогина, и все произведение осветилось новым светом: источник силы и правды в народе, люди, оторванные от народа, теряют свои дарования, свои добрые возможности, как бы велики они ни были, они приходят к моральной пустоте, к отчаянию, к смерти.

Достоевский не умещался в рамки реакции, даже когда он к этому и стремился. В нем никогда не умолкали окончательно заветы сороковых годов, ознаменованных деятельностью Белинского и Герцена. Следующий его роман, «Подросток», созданный после «Бесов», полон такой социальной и политической тревоги, в нем столько понимания кризисного, переходного состояния России, столько желания перемен, что Некрасов напечатал его в своих «Отечественных записках» (в 1875 году), лучшем демократическом журнале эпохи.

Последнее произведение Достоевского — «Братья Карамазовы». Цель, которую поставил себе Достоевский в романе,— это его всегдашняя после каторги цель — утверждение религии. Достоевский не верил в самостоятельные, внутренние, положительные возможности человека, он полагал, что последний без религии теряет узду и перестает различать границу между нравственным и безнравственным. Такова в романе семья Карамазовых.

Федор Карамазов — еще более отвратительное «насекомое», чем старуха-процентщица из «Преступления и наказания». Но он отец, и поднять руку на отца — это значит стать на одну доску с ним самим. А между тем Иван Карамазов и Дмитрий Карамазов, один теоретически, другой в аффекте, считают не только возможным, но и вполне допустимым отцеубийство. Соблазненный их речами и их поведением Смердяков и у б и в а е т.

Третий брат, Алеша, выведен в романе в роли ученика монаха Зосимы. Алеша должен был по творческому плану Достоевского «отпасть от бога», стать революционером. («Братья Карамазовы» остались незаконченными — по замыслу они являлись только первой частью более обширного и всеохватывающего произведения.) Намек на будущую роль и судьбу Алексея Карамазова мы находим и в написанных частях романа; в ответ на рассказ Ивана о генерале-помещике, затравившем собаками крестьянского ребенка, Алеша готов требовать вопреки христианской этике всепрощения р а с с т р е л а изверга.

Тут мы вступаем в другую сферу того же романа, в сферу бунта, протеста, сферу человеческой правды, противоположной «правде» боговой и царевой. В душе Достоевского шел никогда не умолкающий спор, в ней жил раздор, из которого, несмотря на все старания, ему так и не удалось выйти. «Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки»,— говорил он сам о себе.

Это «неверие и сомнение» с огромной разъедающей силой сказалось и в «Братьях Карамазовых».

Достоевский влагает в уста Ивана такую аргументацию против созданного богом мира, которая, по логике своей, бьет по самой идее божества, ведет к отрицанию существования бога. Если бог всеблаг и всемогущ, то он должен был создать и мир благой и совершенный; значит, одно из двух: или бог не всеблаг или не всемогущ, или он не хотел создать совершенного мира и прекрасного человека или не мог сотворить мир, движимый законами гармонии и любви. Иван спрашивает: вот бог повелел, чтобы люди страданием купили себе «царство божие», но «при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста? Совсем непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию?.. Солидарность в грехе между людьми я понимаю, понимаю солидарность и в возмездии, но не с детками же солидарность в грехе... Иной шутник скажет, пожалуй, что все равно дитя вырастет и успеет нагрешить, но вот же он не вырос, его восьмилетнего затравили собаками».

Это — моральное, а не научное опровержение теологического учения. Однако и оно вызвало переполох в церковной среде. И в самом деле, уже один этот мотив показывает, насколько было расколото сознание Достоевского, насколько критическая, разрушающая, бунтующая сторона в нем была сильнее консервативной.

Достоевский видел, что дворянская культура выродилась в карамазовщину, что капиталистическая система уничтожает всякую нравственность, он ненавидел буржуазный индивидуализм, он переживал страдания и боль людей как свое собственное страдание и свою собственную боль, но, беспомощный и дезориентированный, запуганный двукратным поражением освободительного движения, он обращался за помощью к богу и к царю. Как был он неистов в проявлениях своего бунта, так же неистов и беспорядочен бывал он в своем смирении, докатываясь порой и до националистического шовинизма. Взывая на весь мир о недопустимости человеческих страданий, он тут же принимался благословлять страдание как «верную» ступень к блаженству.

Но могучий художник торжествовал в Достоевском над предвзятыми идеями, над дидактическими целями, которые он иногда ставил себе. Достоевский был реалистом, своеобразным и особенным, но реализм-то никогда и не стесняет природные возможности художника. Сквозь мелькание и сутолоку «текущего момента» антагонистического общества Достоевский проникал в скрытые, но всемогущие его силы, готовившие смену одной эпохи другой. Он понял и показал, что нет «маленьких», нет рядовых людей. Каждый есть личность, и каждый участвует в мировом историческом процессе — надо, однако, чтобы каждый при этом был воодушевлен великим и справедливым идеалом. Достоевский полагал, что без идеала невозможно настоящее искусство. Достоевский и сам был вдохновлен великим идеалом, выработанным не в церкви, не в затхлых подвалах консерватизма, а на просторах социального мира, взволнованного все нарастающими и новыми учениями. «Я никогда не мог понять мысли,— утверждал Достоевский свое кредо,— что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы... Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было...»

Только художник-гуманист мог начертать такие слова.

Оригинальность и величие дарования Достоевского поразительны. Сквозь обыденность фактов, взятых, казалось бы, из уголовной хроники, он проникает в трагические коллизии, сотрясавшие и еще сотрясающие антагонистическую действительность, чтобы призвать своих читателей к очищению мира от «накипи веков», от неправды и несправедливости, от моральной тьмы, чтобы указать путь к манящему идеалу братства.

НАЕДИНЕ С САМИМ СОБОЮ

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
Л. М. РОЗЕНБЛЮМ

I. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА В ЖИЗНИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, В ЖИЗНИ ДОСТОЕВСКОГО

Вряд ли нужно подробно объяснять, почему многие писатели на протяжении почти всей сознательной жизни не расстаются с записной книжкой, а некоторые из них ведут дневник. Ведь именно в записной книжке или в дневнике, которые близки по своим жанровым особенностям, художники слова обычно с большей откровенностью, чем в письмах, говорят о своих творческих исканиях и общественных интересах, литературных вкусах и личных переживаниях... Вот почему записные книжки и дневники являются драгоценнейшим источником для раскрытия сокровенного мира писателя, для более глубокого познания его духовных устремлений.

В беседе с молодым литератором И. С. Тургенев на закате жизни объяснил ему образно и ярко, почему следует систематически записывать свои наблюдения и размышления, даже такие, которые касаются самых тяжелых испытаний. «Однажды,— пишет этот литератор в своих воспоминаниях о Тургеневе,— рассказывая мне об одном молодом писателе, нашем общем знакомом, который жаловался Ивану Сергеевичу на свои жизненные невзгоды... он заметил: «Помилуйте, писатель не может, не должен поддаваться горю! Он изо всего должен извлекать пользу. Писатель, говорят, человек нервный, он чувствует сильнее других. Но потому-то он и обязан держать себя на узде, обязан решительно всегда наблюдать и себя и других. Ну, вот, например, случилось с тобой большое горе,— садись и запиши: то-то и то-то случилось, то-то и то-то испытываю. Горе пройдет, а превосходная страница останется; иногда такая страница может сделаться ядром большого творения, которое будет художественно потому, что правдиво, потому что живьем вырвано из жизни».— Да ведь это легко сказать, Иван Сергеевич, садись и пиши, когда человеку, может, и хочется только одного: пустить себе пулю в лоб,— возразил я.— «Что ж такое, и это запиши. Если б все несчастные художники пускали себе пули в лоб, не было бы их ни одного, потому что все они более или менее несчастны. Да и не может быть счастливых художников: счастье — покой, а покой ничего не создаст... **Что касается меня, я всегда веду дневник,** в котором записываю все, что меня интересует; в дневнике я у себя дома, сужу и ряжу всех и все».

И насколько расширили наши представления о творческом облике и заветных помыслах ряда великих русских писателей записные книжки или дневники Пушкина и Гоголя, Добролюбова и Чернышевского, Герцена и Льва Толстого, Чехова и Блока, а также некоторых выдающихся писателей недавнего времени — Маяковского, Фадеева, Ильфа и Петрова! Записные книжки или дневники этих писателей давно считаются важной и неотъемлемой частью их литературного наследия, включаются в состав собраний сочинений и обычно широко используются в комментариях. До нас, например, дошли 73 записные книжки Маяковского — они не только помогают глубже заглянуть в его творческую лабораторию, но и дают возможность осветить некоторые стороны биографии поэта. Сам Маяковский превосходно определил то значение, какое имеет записная книжка для мастера слова. Вот это высказывание Маяковского:

«...«записная книжка» — одно из главных условий для делания настоящей вещи. Об этой книжке пишут обычно только после писательской смерти, она годами валяется в мусоре, она печатается посмертно и после «законченных вещей», но для писателя эта книга — всё».

Ф. М. Достоевский. Первая половина 60-х годов.

Весьма дорожил своими записными книжками и тетрадями Достоевский — он считал их наиболее ценной частью собственного архива. И даже тогда, когда в силу обстоятельств он принимал решение уничтожить некоторые рукописи, оно не касалось записных книжек. Так, после четырехлетнего пребывания за границей Достоевский перед возвращением в Россию сжег в июле 1871 года в Дрездене творческие рукописи «Идиота», «Вечного мужа» и первой редакции «Бесов», но тетради с планами, заметками и набросками к этим произведениям он решил сохранить и взять с собой. И все же по разным причинам некоторые записные книжки и тетради Достоевского, даже заполнявшиеся им в последние годы жизни, в настоящее время неизвестны, хотя после смерти писателя на протяжении десятилетий они существовали. Это прежде всего тетрадь с первоначальными набросками к «Братьям Карамазовым», а также полная рукопись романа, сданные А. Г. Достоевской в дореволюционные годы на хранение в Государственный банк. Но где они находятся сейчас, пока остается неустановленным.

Всего сохранилось 19 записных книжек и рабочих тетрадей Достоевского. Самая ранняя из них — чудом уцелевшая тетрадь, которую писатель заполнял еще в Сибири, в годы изгнания. Остальные охватывают значительный период творческой жизни писателя — с 1860 по 1881 год; последняя запись сделана за несколько недель до кончины. В них заключен драгоценный материал по истории создания прославленных романов и повестей Достоевского, планы художественных произведений, которые не были осуществлены, конспекты публицистических статей, оставшихся незавершенными, размышления о литературе, о писателях, отклики на текущие запросы тогдашней действительности, записи, связанные с редакторской и издательской деятельностью писателя, автобиографические заметки, в том числе о трудных материальных условиях, в которых почти всю жизнь находился Достоевский. И главное: в записной книжке он — наедине с самим собою. Только ей он доверял свои сокровенные мысли и литературные планы.

Большой творческий материал, накопленный Достоевским, объясняет его решение издавать в середине 60-х годов свой собственный журнал под названием «Записная книга». Но лишь девять лет спустя, значительно преобразив свой первоначальный замысел, Достоевский приступил к созданию «Дневника писателя». Как характерны оба названия для того, кто в течение долгих лет изо дня в день заносил в записные книжки и рабочие тетради свои размышления о событиях общественных и литературных!

Но, несмотря на то, что для изучения творчества и биографии Достоевского, его воззрений эти записные книжки и тетради имеют исключительно важное значение, немалая их часть до сих пор оставалась неизданной.

Публикация отрывков из последней записной книжки была предпринята еще в 1883 году, а в советскую эпоху началось научное изучение записных книжек и тетрадей Достоевского. Так, в 1931 году были напечатаны отдельной книгой имеющиеся в его рабочих тетрадях творческие записи к роману «Идиот» (редакторы П. Н. Сакулин и Н. Ф. Бельчиков); в другом томе, вышедшем в том же году, были изданы его наброски к роману «Преступление и наказание» (редактор И. И. Гливенко); в 1935 году отдельной книгой были опубликованы записные тетради к роману «Бесы» (редактор Е. Н. Коншина); в 1965 году был выпущен 77-й том «Литературного наследства» «Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи», куда включены все имеющиеся в записных тетрадях материалы к этому произведению (подготовка текстов А. С. Долинина; редакторы тома И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм). В 1970 году вышло новое, научно подготовленное издание ру-

кописей «Преступления и наказания» (подготовка текстов Л. Д. Опульской и Г. Ф. Коган).

И все же названными книгами, а также отдельными небольшими сообщениями публикация рабочих тетрадей Достоевского отнюдь не была завершена. После проведенной кропотливой и трудоемкой работы по расшифровке записей, оставшихся не изданными в одиннадцати тетрадях писателя, выяснилось, что в них заключено около двадцати листов непубликовавшихся текстов Достоевского, многие из которых имеют большое значение для характеристики творческой лаборатории и духовных интересов писателя. Все это, вместе с подробными комментариями и двумя вступительными статьями, составило книгу «Неизданный Достоевский», являющуюся 83-м томом «Литературного наследства» (орган Института мировой литературы Академии наук СССР). Материалы, публикуемые в этом томе (его редакторы И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм), и по объему и по содержанию являются самой значительной частью рукописного наследия Достоевского, которая до сих пор оставалась еще не изданной.

Том выпускает издательство «Наука».

Некоторые из впервые публикуемых материалов этой книги использованы в печатаемых ниже очерках.

II. НЕНАПИСАННЫЕ РОМАНЫ И ПОВЕСТИ

Всемирно известны, переведены на сотни языков «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Но в записных тетрадях Достоевского сохранились первоначальные наброски к тем его романам, которые долго волновали воображение писателя, но по разным причинам так и остались неосуществленными. В этих набросках очень сжато, в кратких, но, как всегда у Достоевского, точных определениях сконцентрировано главное содержание будущего романа: его основные проблемы, характеристики действующих лиц, важнейшие сюжетные линии. Достоевский — художник-мыслитель, и поэтому его размышления на общественные, исторические, философские темы, которыми и наполнены страницы записных тетрадей, легко и естественно переходят в живые и яркие картины действительности, в столкновения характеров, в острые, взволнованные диалоги. И еще одно: Достоевский обладал могучей творческой фантазией. Его романы поражают увлекательным, захватывающим сюжетом. Начав писать роман, Достоевский создавал множество вариантов на избранную тему, как бы пробуя разные возможности в поисках единственной, наилучшей. И характерно, что каждый из таких вариантов имеет самостоятельное значение, перед нами отнюдь не схема, а живые наброски, эскизы большого полотна. Вот эта удивительная сила творческого воображения великого романиста объясняет и то, что на страницах его тетрадей мы находим не только многочисленные варианты известных произведений, но и планы, конспекты, наброски романов и повестей, не написанных Достоевским.

В середине 1860-х годов Достоевский задумал роман под названием «Брак». Сюжет, как в большинстве его произведений, трагический. Герои, люди сильных страстей, стремятся к счастью, но не могут осуществить его в мире, где каждый одинок и обездолен. И это — свойство не отдельных людей, а всей жизни в целом, о чем говорит и авторское уточнение заглавия:

«Брак (роман, вместо Современного человека).

Ч. умер, дети, Катя. Выходи хоть за писаря, аудитора. Он перебивает. Брак. Они не подходят, не сходятся. Неужели же жизнь убил?

Начинает любить (характер княжны Кати), все противуречие и насмешка. Звезда в городе. Губернатор за ней. Насмешки над мужем. Он ее тиранизирует. Она пробует быть женой, хозяйничает. Молодой князь. Непосредственное чувство. На горах поцелуй при всех. Отличилась! Она дома обратилась было к нему, не слушает, убей, дуэль не состоялась.

Любит ее безумно (под замок), падает перед ней. Она рыдает. Высказывает ему же его добродетели и сколько она ему обязана и как он хорош, начнет патетически, со слезами, а кончит насмешкой над ним же.

Наконец, она бежит. Откровенно разъезжает с ним. Он один со своей злобой. В цепи! Губернатор и все держат руку ей и князю. Князь увозит ее. (Губернаторская дочь.) Он один. Мать, которую он согнал для нее, та умирает. Он посмешище для всех.

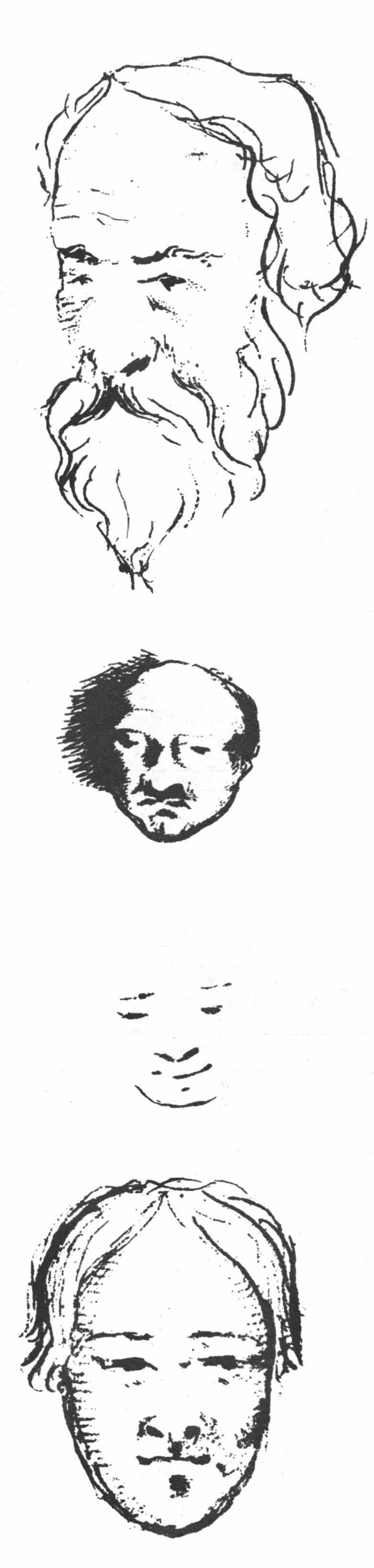
Тоска его. Полтора года спустя идет в Петербург. Во что вырождается князь.

2-я часть. Ищет ее, находит (роман в этом, в приключениях). Она прячется, в доверенность. Она ветренничает. Тоска ее. Эксцентричность. Ей скучно. Он у ней и при ней христианин. Она сходит с ума. В больнице. Ходит к ней, воскресает. Обновилась к новой жизни. Умерла любя. Он один...

Или судя по развитию:

3-я часть, где добил и умерщвляет ее.

Она ревнует его, умирая (грациозно). Умирает со словом ему: Живи».

Рисунки Достоевского в его записной тетради 1864—1865 годов. Воспроизводятся впервые. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.

В этом замысле много характерных для Достоевского особенностей. Катя — молодая девушка, видимо, старшая дочь в многодетной, внезапно осиротевшей семье. Героини Достоевского нередко оказывались в крайне бедственном положении: Катерина Ивановна в «Преступлении и наказании» после смерти мужа вынуждена выйти за Мармеладова, Дуня Раскольникова, рано лишившаяся отца, Соня Мармеладова, которая пошла на страшную жертву, чтобы накормить голодающих братьев и сестер. Катя, по замыслу Достоевского, послушная советам близких, не по любви, а по необходимости соглашается на брак с мелким чиновником («выходи хоть за писаря»). Но в душе ее живет мечта о большом чувстве, неосуществимом, невозможном в окружающей ее среде. Роман Кати с молодым князем становится развлечением для губернского общества: «губернатор и все держат руку ей и князю», а муж — «посмешище для всех». Так в беглых набросках угадывается острый социальный конфликт романа. Достоевский предусматривает два варианта финала: примирение между супругами, осознание каждым своей трагической вины или, что не менее вероятно,— жестокую месть мужа.

Интересно, что образ главной героини не только именем, но и некоторыми психологическими чертами напоминает княжну Катю из ранней повести Достоевского «Неточка Незванова». В плане романа «Брак» это специально отмечено автором. Обычно, говоря о сильных, гордых характерах героинь Достоевского, склонных и к мучительству и к благородному подвигу, исследователи ссылаются на впечатления писателя от женщин, ему близких, в частности на психологический склад Марии Дмитриевны Исаевой (первой жены Достоевского) и Аполлинарии Прокофьевны Сусловой. Это, конечно, справедливо. Но, видимо, была здесь и обратная зависимость. Еще в молодости Достоевский находился под обаянием именно такого женского типа и выразил это в «Неточке Незвановой» любовным изображением княжны Кати, которую, как видим, не забыл и впоследствии. О «грациозности» княжны Кати упоминается и в черновых рукописях романа «Подросток» в связи с характером Ахмаковой. Вот как описана Катя в ранней повести Достоевского (рассказ ведется от главной героини — Неточки Незвановой): «Все в этой девочке делалось скоро, резко,— иной бы сказал — грубо, если б в этих быстрых, как молния, движениях характера прямого, наивно-откровенного, не было истинной, благородной грации». И далее: «Она стала раздражительна, взыскательна, краснела и сердилась очень часто и даже со мной доходила до маленьких жестокостей».

Таким образом, в главной героине романа «Брак» должен был получить новое развитие противоречивый, но в основе своей благородный женский характер, всегда занимавший Достоевского-художника.

Другой неосуществленный замысел, о котором мы узнаем из записных тетрадей, относится к 1876 году и тоже связан с одной из важных тем, прошедших через все творчество писателя начиная с 1840-х годов. Это роман о мечтателе.

«Мечтатель» Достоевского — человек незаурядный по своим умственным и душевным качествам, ему чужд и даже ненавистен окружающий мир жестокости и пошлости. Поэтому он предпочитает порвать связи с действительностью, уйти в свою «мечту». Но отрешение от действительности не может быть реальной формой протеста, «мечтательство» искажает характер человека, делает его, по словам Достоевского, «существом среднего рода»: «Селится он большею частию где-нибудь в неприступном углу, как будто таится в нем даже от дневного света». Достоевский изображает раз-

ные типы мечтателей, иногда совсем не похожие друг на друга. Мечтатель из ранней повести «Белые ночи» — человек благородный, готовый помочь счастью любимой девушки и тем обречь себя на полное и окончательное одиночество. Озлобленный мечтатель в «Записках из подполья» — характер совсем иной: болезненно самолюбивый, жестокий, мстительный. Своеобразным «мечтательством» порождена и «наполеоновская» теория Раскольникова и идея обогащения Аркадия Долгорукого в романе «Подросток». Обе они выношены в часы горького одиночества, в «углу». Судьбы мечтателей у Достоевского отразили трагедию отчуждения человека в несправедливо устроенном обществе и различные формы протеста, которые нередко имели уродливый характер.

В широко задуманном, но не написанном романе о мечтателе Достоевский хотел показать, как это видно по наброскам, осознание трагедии мечтательства самим героем. Он хочет «стряхнуть паралич мечтательности и стать человеком». Герой думает о себе: «Я лгу и живу в мечтательном мире, хочу действительного». Этим определяются и его отношения с окружающими людьми. Но действительность каждый раз пугает и отталкивает его неразрешимостью проблем, он бежит от нее, «затыкая уши мечтами». Финал романа трагичен. Мечтатель кончает самоубийством. В заключение Достоевский подчеркивает, что этот акт отчаяния не единичное явление, а «одна из болезней века».

21 декабря 1876 года Салтыков-Щедрин, вместе с Некрасовым редактировавший «Отечественные записки», обратился к Достоевскому с просьбой дать рассказ для февральской книжки журнала 1877 года (в 1875 году «Отечественные записки» напечатали роман «Подросток»). Просьба эта, по всей вероятности, была связана с тем сильным впечатлением, которое произвел на Салтыкова только что появившийся (в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» 1876 года) рассказ Достоевского «Кроткая». По воспоминаниям Н. А. Белоголового, Салтыков так отозвался о произведении Достоевского: «У него есть маленький рассказ «Кроткая»; просто плакать хочется, когда его читаешь; таких жемчужин немного во всей европейской литературе».

Салтыков писал Достоевскому:

«Многоуважаемый Федор Михайлович.
Не можете ли Вы дать для февральской книжки хоть небольшой рассказ. Я бы лично приехал просить Вас об этом, но вспомнил, что в конце месяца Вы не имеете свободного времени. Ежели Вы доставите Вашу работу даже к 1-му февраля, то будет еще не поздно. Пожалуйста, не оставьте это письмо без ответа. Искренно Вам преданный М. Салтыков».

До сих пор было неизвестно, откликнулся ли Достоевский на предложение Салтыкова. Записные тетради отвечают на этот вопрос. В самом начале 1877 года Достоевский сделал ряд набросков для новой повести, предназначенной «Отечественным записка». Записи Достоевского на полях «В повесть. Некрасову» свидетельствуют об этом. Сюжет повести еще не определился, довести его до завершения автору не удалось, очевидно, из-за недостатка времени. Среди первоначальных записей обращает на себя внимание одна:

«Жизнь хороша, и надо так сделать, чтоб это мог подтвердить на земле всякий».

Здесь выражено главное, сокровенное устремление всей деятельности Достоевского — мечта о гармоническом, счастливом обществе равноправных людей. С этой мечтой он начал свое творчество в 1840-е годы, с ней он пришел в революционную организацию петрашевцев, она не покидала его, приговоренного к смерти, во время обряда казни на Семеновском плацу, в страшные годы каторги и ссылки и, несмотря на перемену многих убеждений, на глубокие заблуждения последующих лет, оставалась с ним до конца.

В записной тетради 1876 года сохранился план еще одного неосуществленного произведения, озаглавленного «Отцы и дети». Название знаменитого тургеневского романа привлекло Достоевского и выразительной краткостью и многогранностью смысла. В нем подразумевались конфликты социально-исторические и семейные, психологические. Уже создавая «Подростка», Достоевский ориентировался на этот круг проблем, о чем он сказал на первых страницах «Дневника писателя» 1876 года: «Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и конечно о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении. Поэма готова и создалась прежде всего, как и всегда должно быть у романиста («поэмой» Достоевский называл общий замысел произведения.— **И. З., Л. Р.**). Я возьму отцов и детей по возможности из всех слоев общества и прослежу за детьми с их самого первого детства. Когда, полтора года назад, Николай Алексеевич Некрасов приглашал меня написать роман для «Отечественных записок», я чуть было не начал тогда моих «Отцов и детей», но удержался и слава богу: я был не готов. А пока я написал лишь «Подростка»,— эту первую пробу моей мысли».

Через два месяца Достоевский заносит в тетрадь план нового произведения:

«Роман. ОТЦЫ И ДЕТИ
Мысли:
— мальчик сидит в колонии для малолетних преступников, ненавидит всех и ждет (мечтает), когда объявятся его родные (князья и графы). Любит правду.
Муж убил жену, но видел девятилетний сын; скрыли труп в подполье. Отец и сын обнимаются и трепещут. Сын любит отца, но отец видит, что сын поражен и мучается смертью матери. Оба пока принимают меры спрятать и спрятаться. (Вроде как в «Преступлении и наказании»). Наконец, отец решается предать себя для правды и для сына и для правды перед сыном. Перед преданием обнимает сына поминутно (продолжается несколько дней) и все спрашивает его: будешь или нет любить правду, честь и проч.? Он предает себя для того, чтоб сын продолжал любить его потом, хоть память его. Сыну не говорит, что идет предавать себя, но сын уж это понимает. Идут вместе предавать. Отец доносит на себя, а сын свидетелем.
Отец, оставшись вдовцом после жены, узнает, что сын его не его, а от любовника. По крайней мере подозревает. Заводит ночью, оставляет где-то на улице на морозе, а сам бежит от него. Потом не может найти.
Дети, бежавшие сами от отца.
Дети, в толпе, одолевающие неправду, одерживают победы, торжествуют и т. д.
№. Тип мечтателя (смотри в старых книжках).
Мальчик три дня у Спаса под престолом.
Американская дуэль двух гимназистов за Льва Толстого.
Мальчик (отрок) сокрушитель женских сердец и знаток женщин.
№. Для жены важно лишь то, чтобы муж оставался ей верным на деле; мечты же его о других идеалах и женщинах не могут смутить ее нисколько. Самая радикальная измена мужа в мечтах (например, влюбился) значит для жены — ничто сравнительно с самой крошечной изменой на деле (в случае какого-нибудь совсем случайного и нечаянного совокупления с какой-нибудь летучей женщиной, которая побыла минуту и ушла навеки)...
Вся история Кронеберга в эпизоде романа... Семейство. «Из-за трех целковых». Смерть с этими словами. Память вдовы, детей.
...Мечтатель, у него сын, которым он мало занимается физически, но духовно (иногда) воспламеняет его. Жену только воображает, что сын (мачеха и мальчик), но, когда еще он воображал, принесли и с оторванными ногами (железоконная дорога). Она умерла, прося у него прощения (по-русски)».

В замысле Достоевского несколько сюжетов развиваются параллельно и вместе создают картину всеобщей неустроенности: социальной, семейной, трагического существования отцов и детей. Творческое воображение Достоевского опирается, как обычно, на реальные события недавнего времени. «Дело Кронеберга», суд над отцом, жестоко истязавшим своего ребенка, посещение самим автором колонии малолетних преступников, железнодорожная катастрофа с большим количеством жертв. Считая, что крушение поездов, о котором писали газеты, произошло по вине хозяев дороги, Достоевский с горьким сарказмом замечает (в той же тетради): «Их много, они набивают карман, значит мне приятно, что они набивают карман из государственной идеи, что прибавляются капиталисты, и хоть у меня сломана нога, а все-таки мне приятно: способствовал-де ногой набивке карманов капиталистов».

Распад семьи, отсутствие настоящих сердечных связей между ее членами — то, что Достоевский образно назвал «случайным семейством», он также считал характерным признаком эпохи буржуазных отношений. Основной фон будущего романа, как и в «Преступлении и наказании»,— жизнь обездоленных людей большого города, где не только взрослые, но и дети несчастны, а некоторые, те, что постарше, иногда и порочны. И так же, как в «Преступлении и наказании» (это подчеркивает сам Достоевский), он имеет в виду показать нравственное неприятие зла, стремление человека к правде и справедливости. В этом смысле, с точки зрения Достоевского, исключительно важная роль принадлежит детям. (Отец, совершивший преступление, является с повинной «для **правды перед сыном**».) Душевная чистота ребенка, ответственность перед его совестью ко многому обязывают взрослых. «Дети благородят»,— замечает Достоевский в другом месте. Отношение к детям всегда связано у Достоевского с мыслью о будущем народа, ибо, как писал он в конце романа «Подросток», «из подростков созидаются поколения».

Роман «Отцы и дети» не был написан, но главная его проблема перешла в последний великий роман Достоевского «Братья Карамазовы» (вспомним хотя бы «нестройное» карамазовское семейство или изображение Илюши Снегирева и других мальчиков — его товарищей).

Гнев писателя против истязания малолетней дочери Кронеберга отозвался затем в знаменитой речи Ивана Карамазова в главе «Бунт», обличающей бесчеловечный мир, построенный на страдании.

Замысел «Братьев Карамазовых», по собственному признанию писателя, должен был состоять из двух романов. Во вступлении «От автора», говоря, что центральная тема произведения — «жизнеописание героя моего, Алексея Федоровича Карамазова», Достоевский сообщал: «...Жизнеописание-то у меня одно, а романов два. Главный роман второй — это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент. Первый же роман произошел еще тринадцать лет назад и есть почти даже и не роман, а лишь один момент из первой юности моего героя». Но написать второй «главный» роман Достоевскому не пришлось. Осенью 1880 года был закончен первый роман, в это же время писатель готовил отдельное издание своей «Речи о Пушкине», работал над «Дневником писателя» для следующего года. 28 января 1881 года Достоевский умер.

Ни планы, ни наброски к продолжению «Карамазовых» до нас не дошли. Если они существовали, то находились, по всей вероятности, в тех же — ныне неизвестных — тетрадях, в которых велась основная подготовительная работа ко всему роману в целом.

В «Дневнике» А. С. Суворина, хорошо знавшего Достоевского в последние годы его жизни, сохранилось интересное свидетельство о дальнейшей судьбе главного героя романа. Уйдя из монастыря, Алексей Карамазов должен был пройти сложный и тернистый путь идейных исканий: «Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером...» Будучи противником революционных методов борьбы, Достоевский все же понимал закономерность процесса, при котором лучшая часть молодого поколения, активно ищущая социальной справедливости, становится на путь революции.

III. МЫСЛИ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И ПИСАТЕЛЯХ

Рабочие тетради Достоевского содержат большое количество записей о мире прекрасного, о русских и зарубежных беллетристах и поэтах, драматургах и критиках.

Как результат глубоких размышлений Достоевского о нравственной цели искусства воспринимаются строки, внесенные им в записную тетрадь 1872—1873 годов:

«Эстетика есть открытие прекрасных моментов в душе человеческой, самим человеком же для самосовершенствования».

Необходимость неразрывного, органического единства идейности и художественности в искусстве была для Достоевского столь очевидна, что иногда он писал на эту тему в подчеркнуто шутливой форме:

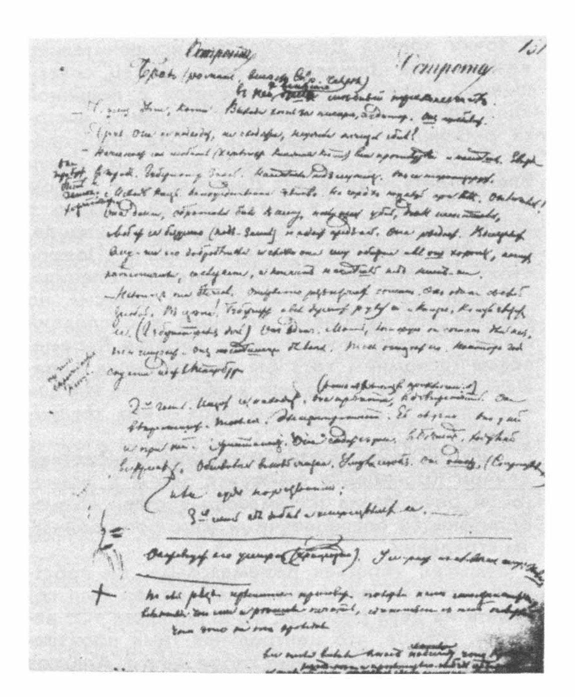
«Вопрос о художественности разрешается просто: худо иль лучше написать».

И в другом месте:

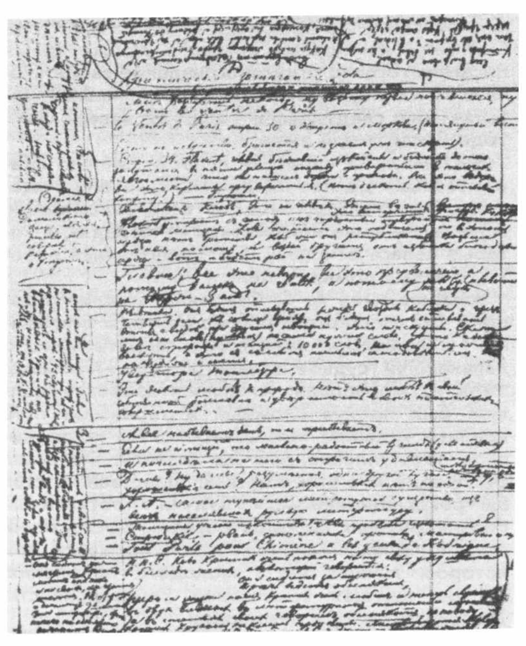
«Нет такого прекрасного, чтоб не нашлось еще прекраснее, и нет такого дрянного, чтоб не нашлось еще дряннее».

Завершает Достоевский свою мысль такой юмористической сценкой:

«Едет извозчик.
— Хуже твоей лошади, должно быть, нет.
— Нет, есть и хуже.
Великое утешение».

Наброски к неосуществленному роману «Брак». Записная тетрадь 1864—1865 годов. Воспроизводится впервые. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.

Критические заметки о романе Эмиля Золя «Чрево Парижа» и о критике Н. Н. Страхова. Записная тетрадь 1877 года. Воспроизводится впервые. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.

Считая, что язык литературы должен быть точным и ясным, а не вычурным («с завитком»), Достоевский требовал эстетической культуры и от читателей и тем более критиков. Одному из таких критиков он резко возражал в записной тетради 1875—1876 годов:

«Нелепость весьма часто заключена не в книге, а в уме читающего. А не понимаешь ты не оттого, что [я] не ясен писатель, а оттого, что неразвиты, тупы твои способности. Тупы и неразвиты».

Оценивать литературное творчество, по убеждению Достоевского, нужно объективно, имея в виду основное направление писателя, оставляя в стороне личные, приятельские отношения:

«Не наступит ли пора взаимного понимания (не взаимного восхваления). Острите, смейтесь, шутите, но искренно идущего к благородной цели отметьте как идущего к благородной цели».

Достоевский горячо спорил с теми, кто не понимал огромного влияния литературы на общественную жизнь:

«Этому удивляются! Пушкин и «Кавказский пленник» — разве не сила, Жуковский и влияние с ним Шиллера — разве не сила, зарождающийся социализм и Белинский — да неужто и Белинский не сила?»

Записные тетради дают возможность увидеть, что Достоевский постоянно внимательно следил за выступлениями критики. Задача критики, по его мнению,— рассматривать явления искусства на широком историко-культурном фоне, а не изолированно, в результате случайного выбора:

«У нас критика от руки, по вдохновению. Прочел несколько романов, а давай стану писать отделение критики. Вот почему столько бессодержательности».

Великим мастером художественного образа Достоевский остается и тогда, когда он говорит об изучении живописи, архитектуры.

В рабочей тетради 1875—1876 годов находим такую запись:

«Отчего почти никогда не пишут об архитектуре? Ибо надобны хоть какие-нибудь да познания (классический век. Ионический ордер. Колонна — изображает собой тело цветущего и красивого молодого человека, а колонна коринфского ордера — стройное девичье)».

Значительное место в тетрадях Достоевского занимают его размышления о русских писателях. Сохранились планы и наброски ряда статей, оставшихся ненаписанными. «Гоголь и Островский» — так хотел озаглавить Достоевский одну из этих статей. К ней относится следующий отрывок, вошедший в состав записной тетради 1860—1862 годов:

«Не в свои сани не садись, Бородкин и Русаков, да ведь это анализ русского человека, главное: прямота описаний. Он полюбит прямо, закорючек нет, прямо выскажет, сохраняя все высокое целомудрие сердца! Он угадает, кого любить и не любить, сердцем сейчас, без всяких натянутостей и проволочек, а кого разлюбит, в ком не признает правды, от того отшатнется разом всей массой, и уж не разуверить его потом никакими хитростями: не примет и к вам не пойдет, не надует ничем, разве прямо с чистым сердцем назад воротитесь: ну тогда примет, даже и не попрекнет».

Эта тема так занимала Достоевского, что он возвратился к ней, правда, в ином аспекте, спустя пятнадцать лет. В новом замысле характеристика Гоголя и Островского включена в систему широких размышлений о судьбах русской сатиры от Грибоедова до Щедрина, о сущности сатиры вообще, о соотношении сатиры и трагедии в отечественной и мировой литературе. Вот что записано Достоевским в рабочей тетради 1876—1877 годов:

«Гоголь по силе и глубине смеха первый в мире (не исключая Мольера, непосредственного, безотчетного), и это бы надо нам, русским, заметить».

Говоря далее о необходимости сочетать обличение отрицательных сторон действительности с положительным идеалом автора, Достоевский обращается к примеру Пушкина:

«Алеко. Разумеется, это не сатира, а трагедия. Но разве в сатире не должно быть трагизма? Напротив, в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира две сестры и идут рядом, и имя им обеим, вместе взятым: правда.

Вот это бы и взял Островский, но силы таланта не имел, холоден, растянут (повести в ролях) и недостаточно весел, или, лучше сказать, комичен, смехом не владеет.

Островскому форма не удалась. Островский, хоть и огромное явление, но сравнительно с Гоголем это явление довольно маленькое, хотя и сказал новое слово: реализм, правда, и не совсем побоялся положительной подкладки...»

Далее дается замечательная характеристика глубокого сатирического смысла сочинений «гениального Гоголя»:

«О, и Гоголь думал, что понятия зависят от людей (кара грядущего закона), но с самого появления «Ревизора» всем, хотя и смутно, но как-то сказалось, что беда тут не от людей, не от единиц, что добродетельный городничий вместо Сквозника ничего не изменит. Мало того, и не может быть добродетельного Сквозника».

С темой этой статьи внутренне связан и другой неосуществленный замысел Достоевского-критика. В 1876 году он хотел написать статью о значении нравственного идеала в литературе и в связи с этим о судьбе положительного героя в произведениях писателей разных стран и эпох. Судя по набраскам, сохранившимся в тетради, Достоевский имел в виду начать с древней греческой трагедии, затем перейти к Шекспиру, Сервантесу, Гете, Гюго, Диккенсу и современной русской литературе — Тургеневу, Толстому и др. Хотя эта статья не была написана, но ее главная проблема отразилась на всем, что писал Достоевский о литературе в середине 1870-х годов.

Две статьи в «Дневнике писателя» 1876 года посвящены памяти Жорж Санд, имевшей заметное влияние на духовное развитие молодого Достоевского.

«27 мая (8 июня) умерла Жорж Санд, великое, прекрасное имя»,— записал Достоевский в тетради.

И далее: «Ж. Санд — не мысль. Жорж Санд — убеждение. Благородная натура, художник, не лишенная ошибок».

Но главное, что, по мнению Достоевского, объясняет непреходящее значение Жорж Санд,— ее способность «заронить прекрасное в душу». Это свойство писателя и критика Достоевский ценил особенно.

Поэтому характерно, что, несмотря на сложное, противоречивое отношение к Белинскому, Достоевский записывает в тетради:

«...Он предвидел высшую цель».

Записные книжки вновь убеждают нас в том, каким мастером краткой и емкой психологической характеристики был Достоевский. Вот неизвестный отзыв об Аполлоне Григорьеве, бывшем соратнике писателя по журналам 1860-х годов, талантливом критике и, по слову Александра Блока, замечательном поэте. Отзыв Достоевского одновременно и сердечный и иронический:

«Эта вечно декламирующая душа».

Писателей, изображавших крестьянство без достаточного знания народной жизни, Достоевский называл «обучившимися русскому мужику иностранцами».

В рабочих тетрадях Достоевского сохранились очень интересные и, как правило, полемические записи с оценкой его собственных произведений:

«Меня всегда поддерживала не критика, а публика, кто из критики знает конец «Идиота» — сцену такой силы, которая не повторялась в литературе. Ну а публика ее знает... и т. д.».

Достоевский справедливо гордился тем, что в «Записках из Мертвого дома» на основании многолетних личных наблюдений он изобразил массу людей из народа, его огорчало, когда критика ограничивала значение этого произведения лишь правдивым описанием острожного быта и нравов:

«Буренин, разбирая Григоровича и Потехина, ...перешел к Решетникову по поводу народных романов. А «Записки из Мертвого дома», где множество народных сцен,— ни слова. В критике «Записки из Мертвого дома» значат, что Достоевский обличал остроги, но теперь оно устарело. Так говорили в книжном магазине, предлагая другое, ближайшее обличение острогов».

В оценках собственных произведений Достоевский всегда исходит из тех основных требований, которые он предъявляет к искусству вообще. Одно из них — современность художественного творчества, своевременность постановки общественных проблем. Об этом говорит и запись, сделанная в самом конце 1876 года, после выхода в свет повести «Кроткая», которую критика не сумела достойно оценить:

«Буренин требует современных типов в литературе, большего вникновения в жизнь... В то же время в «Голосе» ряд статей о критике и искусстве. А только что появившееся замечательное произведение искусства, моя повесть, о ней ни слова».

Высокое призвание писателя Достоевский видел в правдивом отображении сложной, трагической жизни, в исследовании глубин человеческой души, в нравственном воздействии на читателя. В одной из записей, до сих пор остававшихся не изданными, Достоевский как бы провозглашает свое эстетическое кредо:

«Литература — выражение всей жизни».

IV. АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

В записных книжках Достоевского очень много высказываний автобиографического характера. Некоторые из них написаны с большой душевной болью, когда Достоевский был глубоко задет несправедливыми обвинениями в печати. В 1864 году один из критиков упрекнул писателя в желании «вилять» перед «Русским вестником» из выгоды. Оставшись наедине с самим собою, Достоевский вносит в рабочую тетрадь такую запись:

«Вы не выставите ни одного факта про меня, лично, про Федора Достоевского, чтоб я вилял из-за выгод, из-за почестей, из-за самолюбия. Я с благородной гордостью говорю это. Говорю и в литературе».

К тому же вопросу Достоевский возвращается в другой записи:

«Во мне много есть недостатков и много пороков. Я оплакиваю их, особенно некоторые, и желал бы, чтоб на совести моей было легче.

Но чтоб я вилял, чтобы Федор Достоевский сделал что-нибудь из выгоды или из самолюбия,— никогда вы этого не докажете и факта такого не представите. (Вы меня вынудили сказать это. Вы лично меня назвали, вы лично напали на меня.) Наперед вам я это говорю, я бы не стал унижаться, а перед печатью с гордостью повторяю это. Не стану защищать себя фактами. Об этом другие за меня засвидетельствуют, что я не предал ни разу в жизни — за выгоду, на это есть фактические доказательства, и желаю, чтоб вы о себе тоже могли представить».

А когда тот же критик позволил себе сказать в статье о тяжелой болезни Достоевского, в записной книжке появились такие горькие и гневные строки:

«Да, я болен падучею болезнью, которую имел несчастье получить 12 лет назад, получил в неприятную эпоху жизни. Болезнь в позор не ставится. Но падучая болезнь не мешает деятельности. Было много даже великих людей в падучей болезни, из них один даже полмира перевернул по-своему, несмотря на то, что был в падучей болезни. К каким приемам вы прибегаете».

Достоевский не знал тогда, кто был автором статьи, против него направленной, и, приводя слова своего критика, писал далее:

«Он мне сам говорил». Стало быть, вы меня знаете, зачем же вы прячетесь. Если вы знаете, то знаете и больше. Ну что ж вы можете сказать... Не то ли, что я, может быть, вам же делал добро. Я знаю двух, которые мне напакостили и которые кроме [добра] помощи ничего от меня не видели. Таких множество».

В записной книжке 1864 года находятся теперь уже известные в литературе страницы, посвященные смерти первой жены Достоевского, М. Д. Исаевой,— взволнованная лирико-философская исповедь писателя.

В 1870-е годы Достоевский постоянно возвращался к воспоминаниям о детстве и юности, о необыкновенном успехе своей первой повести «Бедные люди», о знакомстве с Белинским, об участии в революционной организации петрашевцев, о годах каторги и ссылки.

И каждый раз, подобно тому как это было в записи о смерти жены, личные переживания воспринимаются Достоевским в связи с большими общечеловеческими проблемами. Во многих биографических записях остро звучит социальная тема.

Так, юношеское воспоминание о фельдъегере, который, спеша по казенному поручению, жестокими, методическими ударами бил ямщика, а тот, в свою очередь, изо всех сил хлестал по спине измученную лошадь, превращается в картину большого символического значения. Достоевский пишет:

«Кстати, расскажу анекдот из моего юношества.

Фельдъегерь... Главное ведь это не картина, а даже символ. В самом деле: он варвар, что так настегал лошадей, но ведь каждая плеть его была вызвана колотушкой ему же в спину, без колотушек этих он бы не стегал. Повторяю: это не картинка из воспоминаний, а символ, символ, вырезать на печати обществу, что картинка действительная, клянусь».

Другая «действительная картинка», развернутая затем в «Дневнике писателя», относится к детским воспоминаниям Достоевского о встрече с крестьянином Мареем, приласкавшим и ободрившим мальчика. Причем в записной тетради характеристика Марея более реалистична, менее идеализирована, чем в «Дневнике писателя»:

«Марей. Он любит свою кобыленку и зовет ее кормилицей. Если же есть в нем минуты нетерпения и прорывается в нем татарин и начнет он хлестать свою завязшую в грязи с возом кормилицу кнутом по глазам, то вспомните про фельдъегеря, тут: воспитание, привычки, воспоминания, зелено вино».

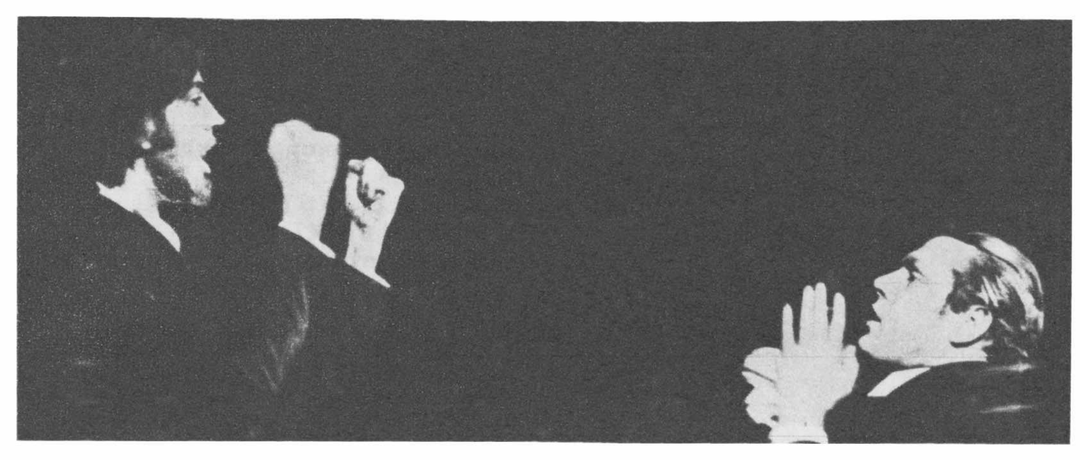
Биографические эпизоды соединяются с размышлениями Достоевского на большую тему народной жизни и естественно, на той же странице завершаются вещими словами:

«Я не хочу мыслить и жить иначе как с верою, что все наши девяносто миллионов русских, или сколько их тогда будет, будут образованы и развиты, очеловечены и счастливы».

* * *

В эти дни все цивилизованное человечество отмечает 150-летие со дня рождения великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского. И не будет ли лучшей данью его памяти, если все чаще и чаще станут вспоминать вдохновенные слова, сказанные им в 1877 году в том самом «Дневнике писателя», который возник из его записных книжек:

«...люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей».

«Петербургские сновидения». Раскольников — Г. Бортников, Порфирий Петрович—Л. Марков. Фото И. Галанюка.

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

Надежда КОЖЕВНИКОВА

У писателей, подобных Достоевскому, чей творческий пафос направлен скорее на бесконечный поиск истины, чем на решительное ее утверждение, есть какое-то особенно притягательное обаяние, таинственная противоречивость, которую хочется непременно разгадать.

И в самом деле, говоря о Достоевском, нельзя прийти к единственно правильному решению: однозначность непременно обернется односторонностью. Потому и не смолкают споры о нем. Потому произведения его — аккумуляторы противоречивой духовной жизни — так часто становятся источником все новых творческих замыслов.

Один из таких совершенно новых замыслов, почерпнутых в Достоевском,— спектакль «Петербургские сновидения», поставленный лауреатом Ленинской и Государственных премий народным артистом СССР Юрием Александровичем Завадским на сцене Театра имени Моссовета.

Ключом к решению сверхзадачи, как бы камертоном звучат слова Ю. А. Завадского в зрительном зале перед началом спектакля: «Мы не согласны с теми, кто считает Достоевского злым, темным певцом безнадежности и отчаяния. Нет! Достоевский — это гениальный художник; гениальность его в том, что он верил в человека, верил в человечество...»

Не может быть веры в человечество без веры в человека. Наполеоновские идеи Раскольникова, его убежденность, что все средства хороши, если цель оправдывает их,— типичная формула эгоцентризма — сломались, рухнули под бременем человеческого страдания. Не выдержала испытания «идея», не окупилась принесенной ей в жертву старухой-процентщицей, а только обагрилась ее кровью.

«О, если б я был один и никто не любил меня и сам бы я никого никогда не любил! Не было бы всего этого!» — говорит Раскольников.

Не было бы раскаяния, искупления вины страданием. Однако же не будь Сониной любви к Раскольникову, привязанности его к матери и сестре, не будь сердечной его отзывчивости на чужие несчастья, не было бы Раскольникова-Человека, его трагедии и трагедии о нем.

Чтобы перенести роман Достоевского на сцену, надо было перестраивать его в максимальном к нему приближении, исходя, как говорит Ю. А. Завадский, из своего понимания философской сверхзадачи романа и с заново найденным в нем «золотым сечением», как говорят в архитектуре...

«Золотым сечением» спектакля «Петербургские сновидения» стал дуэт — Раскольников Геннадия Бортникова и Порфирий Петрович Леонида Маркова.

В первом действии мы видим Раскольникова обреченно идущим на преступление, раздавленным «идеей», осуществленной в реальности. Уже спускаясь по шаткой лестнице из квартиры старухи-процентщицы после совершенного убийства, Раскольников знает, что потерпел поражение: он не выдержит, не вынесет взваленной на себя ноши. И мы, зрители, это знаем. Дальнейшее развитие спектакля будет направлено к возмездию, ожидающему Раскольникова. Какие формы оно примет, в чьем лице воплотится, пока можно только гадать...

Появление Порфирия подготовлено в нас, зрителях, редкими, но упрямыми замечаниями о нем, и мы ждем его с нетерпеливым волнением, ибо ждем решения раскольниковской судьбы.

И кого ж мы видим? Шута? Суетливого, полноватого, с бабьими жестами и умильными вскриками, насквозь притворного, нелепого и утомительного?.. Такого человека ждал встретить Раскольников? Но актер Л. Марков последовательно и непрерывно ведет некую подспудную линию жизни своего героя, и вот уже что-то заставляет приглядываться к Порфирию, не торопиться с его оценкой.

Раскольников насторожен. Его не обманула внешняя нелепость облика Порфирия. Он ждет. И вся эта сцена решена в спектакле так, что напряженность, нарочитость явственно ощущаются и в расположении предметов и в позах актеров, сидящих лицом к публике, словно отделенных друг от друга. Это поединок. И перевес сил столь явно на стороне Порфирия, что мы не можем не сочувствовать слабейшему — Раскольникову...

На втором свидании Порфирий уже не играет с Раскольниковым, как кошка с мышью. В поведении, в манерах Порфирия—Маркова, в цепком, неожиданно быстром взгляде умных глаз еще резче чувствуется диссонанс между шутовскими интонациями и железной логикой мысли. Это уже не поединок, а избиение. Порфирий знает о Раскольникове все и только ждет, пока преступник сдастся сам. Лицо следователя, на мгновение мелькнувшее перед нами, страшно; Раскольников все время чувствует и помнит это лицо. И только появление красильщика Миколки останавливает признание, почти вырванное Порфирием...

И третье свидание. Третий раунд — приход Порфирия к Раскольникову...

Порфирий сидит непривычно тихий, серьезный и очень усталый, сбросивший наконец утомительное бремя своего притворства, шутовства. Он пришел к Раскольникову не ради себя. Он говорит: «Сами видите, я не с тем к вам пришел».

Приход его — желание помочь Раскольникову, смягчить свою вину добровольным признанием. И не только судьба Раскольникова его волнует: ведь не придет с повинной Раскольников — погибнет невиновный Миколка...

Полюбил ли Порфирий Раскольникова, неизвестно. Да и вряд ли полюбил. Но его привело к нему человеческое, благородное чувство.

Но Раскольников не может пойти навстречу даже преображенному Порфирию. Слишком сильна у него обида, не забыты оскорбления. А Порфирий, получив в ответ на свою откровенность полную непримиримость со стороны Раскольникова, мгновенно, как улитка, прячется в свою раковину; как рефлекс, возвращается к нему его притворная улыбчивость, неизутиская манера речи; видно, он сразу же вспоминает, кто Раскольников... Но уходит от него Порфирий — Марков торопливо, сгорбившись, как бы придавленный тяжестью... Не встретились два человека, не поняли друг друга.

Высказать мнение о спектакле «Петербургские сновидения» едва ли не так же трудно, как изложить впечатления от самого романа. И в том и в другом случае будет томить желание дополнить, досказать.

О прекрасном исполнении Геннадия Бортникова, на чью роль падает наибольший вес из всего задуманного в спектакле.

Об Ие Саввиной, которая создала удивительно музыкальный образ Сони, и в облике своей героини и в мелодике ее речи сумев удержать, сохранить верно найденный чистый, светлый тон.

Об игре всего актерского ансамбля, где каждый решал сложнейшие задачи, свои собственные и общие, добиваясь, чтобы спектакль стал таким, каким определил его Ю. А. Завадский,— «не однолинейным и не двуплановым, а многослойным».

Специальные корреспонденты «Огонька» Дмитрий БАЛЬТЕРМАНЦ и Николай БЫКОВ продолжают рассказ о путешествии по реке Оби.

Семен Ананьевич Повх, известный буровой мастер. Его бригада пробурила первую на Самотлоре промысловую скважину.

Пусть засвидетельствует Обь: остались на томских берегах холода и дожди, и однажды тюменское солнце отогрело землю и воду, и стало жарко, потому что вернулось лето. Так встретила нас страна сибирской нефти. Был день двадцатый... Берега пораздвинулись еще шире, отстали леса. Теперь уже не только трубы лежали у кромки воды. Все чаще слепили серебром окраски резервуары с нефтью, высились красные горы кирпича. Баррикады из мешков с цементом, там и тут панели будущих домов и солнечный брус... Все приметы грандиозной стройки, затеянной на многие годы. Берег Нижневартовска, заваленный промышленным и строительным добром, возвестил: вы ступили на землю тюменской нефти! На землю потрясающих открытий века и серьезнейших забот новопроходцев. Мы проплыли мимо белокаменных зданий будущего города. На дебаркадере старого, застрявшего в полях поселка размашисто написанный плакат: «Добро пожаловать в город покорителей Самотлора!».

«Пушки с берега палят, кораблю пристать велят!..» Пушки не палили, но где-то тарахтел движок, у самого берега натужно ревела амфибия, прикатившая за почтой, и звала, звала пристать: «Добро пожаловать в город покорителей Самотлора!»

Одно из самых удивительных и богатейших в мире месторождений нефти на славном озере Самотлор оправдало надежды разведчиков. Значит, Нижневартовск умер — старый, черный поселок среди топей, да здравствует Нижневартовск — стремительно строящийся город нефтяников!

ХОЖДЕНИЕ

Отчего так волнует человека возвращение в места, когда-то знакомые, которых теперь и не узнать? Ни родных, ни близких, ни дела, оставленного здесь. Но колотится сердце, всматриваешься в каждого встречного, и не чувствуешь себя здесь чужим, сторонним, и чуть ли не гордишься тем, что так неузнаваемо ново все вокруг! А я помню, что тут вот ничего не было. Как внутренне торжествовал я, когда слушал рассказ молодого еще секретаря Нижневартовского райкома партии Сергея Дмитриевича Великопольского! Он сопоставлял сегодняшнее со вчерашним и, конечно, не мог знать, как отзывается во мне все, что несопоставимо с 1965 годом, когда я побывал в этих местах впервые. Тогда все только начиналось, и тогда еще никто не знал, какие же все-таки богатства под ногами, под траками вездеходов, под мхами, обагренными соком летошней клюквы...

Да, это огромная, богатейшая страна! С будущей столицей на месте нынешнего Нижневартовского. Мы проплывали мимо Баграса и дали несколько гудков в честь знаменитой партии разведчиков нефти Салманова (ныне лауреата Ленинской премии), которая нашла нефть в Баграсе. Это прямо на берегу Оби — дальше в болота и тайгу даже разведчики тогда еще не решались ходить. А в 1962 году в Мегионе высадил свой десант Владимир Алексеевич Абазаров (сейчас он был в отпуске, и мы так и не поздравили его с Ленинской премией!). Это был десант нефтеразведчиков. Помню слова легендарного Юрия Георгиевича Эрвье (ныне и он лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда), сказанные нам в мае 1965 года:

— Летите в Мегион. Как раз сегодня там открыли новое месторождение. Пятое за три года!..

Тот день у начальника Главтюменгеологии Ю. Г. Эрвье был особо счастливым, потому что тогда же из Усть-Балыка сообщили: «Мощно фонтанирует скважина № 120, свободный дебит до 470 кубометров в сутки». А мы летели в неизвестный Мегион. Добрались только случайным вертолетом (спецрейсом везли в поселок Нижневартовский великолепную вывеску из черного стекла: «Трест буровых и разведочных работ «Тюменнефтегазразведка»). Было уже воскресенье — никого в мегионской экспедиции. Только листочек прикноплен к двери конторы: «молния»!

«Р-1» на Самотлоре дала фонтан! Свободный дебит — 350 кубических метров!»

Первая ласточка! Через десять лет, к 1975 году, здесь, вокруг озера Самотлор, будут разбурены 1 300 промысловых скважин.

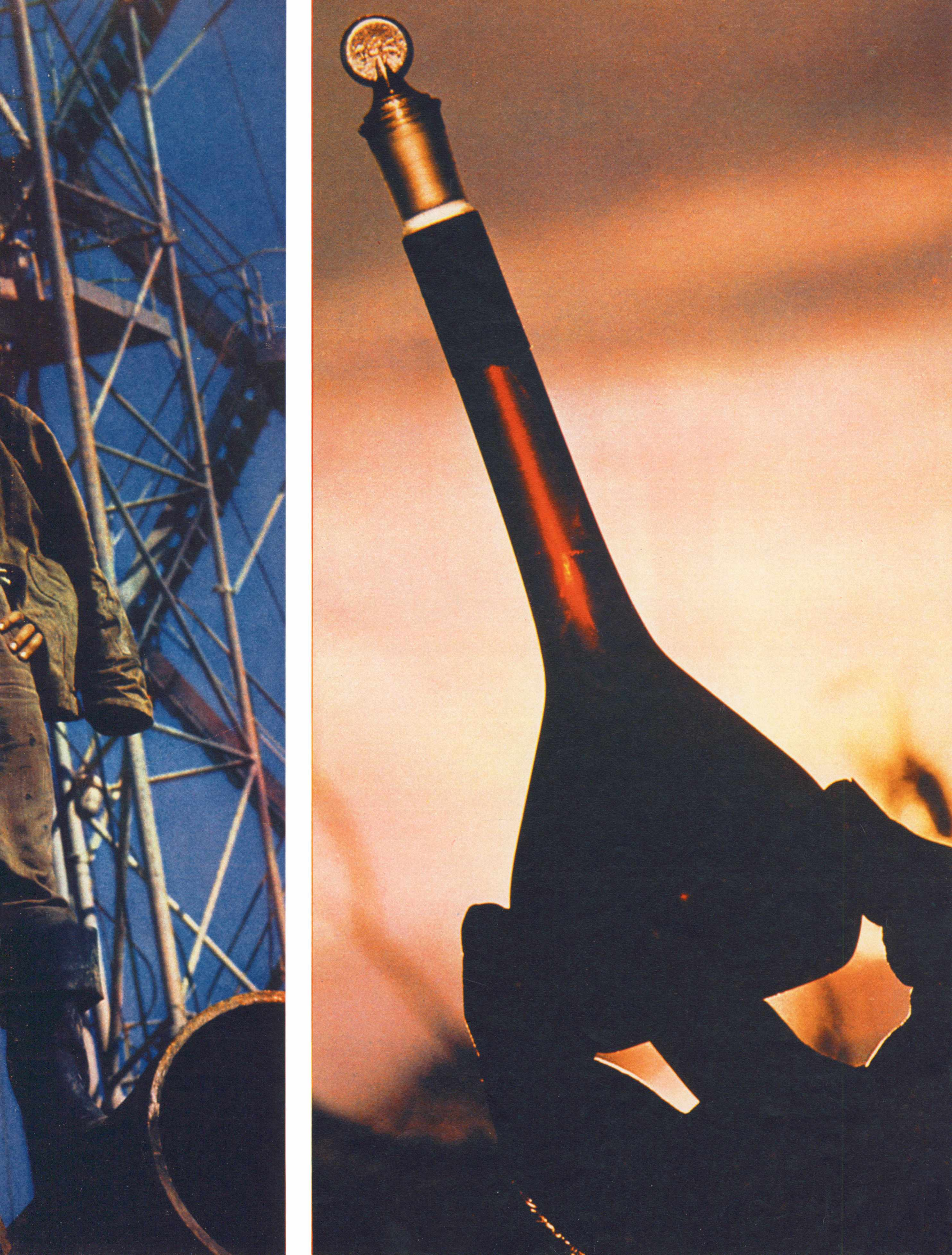
Ну, как тут не взволноваться, коли все так живо в памяти, будто и не минули годы... А теперь слово «Самотлор» известно, без всякого преувеличения, всему миру. В районе огромного озера с зеркалом десять километров на восемнадцать открыто и до сих пор не полностью разбурено уникальное месторождение сибирской нефти. Тогда же, в 1965 году, мегионская площадь дала первый миллион тонн нефти. Именно она заставила поверить в нефть Тюмени. Миллион... Ох уж этот сибирский счет! Красной строкой теперь выделю, сколько же даст Самотлор к концу новой пятилетки — в 1975 году, то есть ровнехонько через десять лет после того, как началось освоение: **Самотлор будет давать до шестидесяти миллионов тонн нефти в год.**

Продолжение. См. «Огонек» №№ 41, 42.

По земле, по воздуху и по воде, через тайгу и болота пролегли дороги большой нефти Сибири...

В ЗАВТРА

ВНК
САМОТЛОРА

Много это или мало? За последний год предыдущей пятилетки вся Сибирь, то есть Тюменская и Томская области, дала 32 миллиона тонн нефти. Очень много. Например, Баку к этой отметке поднимался сто лет. Так вот, один Самотлор через пять лет будет давать вдвое больше. Ежегодно.

Теперь понятно, почему салютовали мы, проходя мимо берега Баграса, в честь Салманова и его партии разведчиков? Теперь понятно, почему огорчило нас то обстоятельство, что Владимира Алексеевича Абазарова не было в Мегионе?..

Самотлор и его богатства перекроили карту области и даже некоторые далеко идущие планы. Любопытно, что древнейшее поселение Сургут, а вместе с ним и Нефтеюганск и Шаим, славные своими крупными месторождениями нефти, теперь отступили перед запасами, обнаруженными Мегионской нефтеразведкой. А ведь на Самотлоре все было проблематично еще даже в 1965 году, когда Сургут уже гремел. Нижневартовский тогда оставался неухоженным поселком. Нефтеразведчик Абазаров выкраивал лес для школы в Мегионе, затерянном среди болот и тайги. А в Сургуте спешно концентрировали перевалку, возводили дома. Там теперь есть и речной порт и свой домостроительный комбинат, там строят ГРЭС, построен аэропорт. Наконец, в Сургут ведут железную дорогу. Отлично. Но вот что рассказывает Василий Васильевич Бахилов, первый секретарь Нижневартовского райкома партии, Герой Социалистического Труда (столь высокое звание Василий Васильевич получил за деятельность, проявленную именно в Сургуте, где до недавнего времени возглавлял районную парторганизацию):

— Нефть диктует некоторую переориентировку. Теперь очевидно, что главная нефть Сибири здесь, в Нижневартовском районе. Следите за цифрами. В наш район входит Самотлорская площадь, и только поэтому Нижневартовский район даст за эту пятилетку половину всего прироста добычи нефти по стране. То есть семьдесят миллионов тонн! Район же в целом выйдет к уровню восьмидесяти пяти миллионов тонн нефти в год. Это львиная доля того, что даст вся Тюменская область. Отсюда и размах совершенно новых задач. Если бы раньше знать возможности Самотлора, то, безусловно, железную дорогу надо было бы вести сюда. И только сюда. Сейчас будем строить порт на реке. И город. Город просто обязательно. С этим делом явно запаздываем. Только в минувшем году приехали к нам пять тысяч человек. Нынче едет не меньше. С этим связаны немалые затруднения. Хотя мы все время строимся. Сейчас у нас более двадцати тысяч жителей, а город мечтаем построить для ста тридцати тысяч. Уже в предыдущую пятилетку дали людям около ста тысяч квадратных метров жилья. Но из этой площади лишь треть, можно сказать, благоустроена. В новой пятилетке благоустроенного жилья дадим в четыре раза больше.

■

Вечером размышлял я над тем, что рассказал Василий Васильевич. У него огромный опыт работы в Сургуте. И он не может не видеть, что не все проблемы освоения обского Севера решаются наиболее рациональным путем. Еще тогда, шесть лет назад, ясно было со слов В. А. Абазарова, что нефть надо брать «одной рукой» — комплексно! Но и сегодня проблема эта остается в силе. Василий Васильевич сетует: будущий город в Нижневартовском строят пять главков. Средства распылены, единого плана нет... А вот Нефтеюганск (и, добавлю, Стрежевой в Томской области) строит один заказчик — «Юганскнефть». У него есть генплан, и все средства сосредоточены в одних руках. Но вот беда — проект. Какие угодно проекты имеются, только ни одного северного варианта. В том же Сургуте домостроительный комбинат вынужден строить по старым проектам, завезенным сюда с западных краев страны.

Неплохой кинотеатр на восемьсот мест здесь додумались построить почти без фойе, а ведь морозы в Сургуте нешуточные! В Нефтеюганске кинотеатр поменьше, на шестьсот человек, а фойе может принять не более ста. И кассы — на улице! Еще больше я удивлялся огромным окнам и гигантским витринам магазинов, кафе, столовых: неужели проектировщики и строители не знают о силе ветров и морозов на Севере?

И все-таки лед тронулся! Рассказывают, что строителям Сургута помогли ленинградцы, которые разработали проекты жилых домов специально для северного Приобья. Новая серия пущена в дело.

Конечно, хотелось бы воспеть нефть. Но глупо становиться в позу заезжего поэта или только ахать по поводу действительно захватывающих масштабов. Нефть должны взять люди, новоселы. Вот почему разговор о них (значит, о жилье и дорогах) становится в конце концов главным. На сколько человек строят город в Нижневартовском, В. В. Бахилов уже сказал,— на 130 тысяч. Размах ощутит тот, кто вспомнит, что сейчас во всей Западной Сибири (в районах найденной нефти) всего-то проживает не более 150 тысяч человек. Ожидается, что уже к 1980 году население Западной Сибири увеличится миллионов на пять...

Сейчас жилью, снабжению, коммуникациям начинают уделять все большее внимание. Один факт: Нижневартовский район освоил за минувшие пять лет около 270 миллионов рублей капитальных вложений, а в нынешнюю пятилетку ему предстоит освоить полтора миллиарда рублей.

Нижневартовску потребуется все, что так или иначе уже получил Сургут.

Поскольку здесь нет железной дороги, потребуется аэропорт, причем такой, чтобы он принимал и тяжелые машины, притом в любую погоду. Такой аэропорт уже строят. Даже объявлен конкурс на лучшее название!

Нужны дороги с твердым покрытием. Начало положено. От нового Нижневартовского к озеру Самотлор и к аэропорту ведут отличные дороги — большая редкость для этих безлюдных, диковатых мест. Дорога с твердым покрытием — это, конечно, дело недешевое. Один километр такой дороги стоит больших денег, раз в пять дороже лежневки. Но окупается, и тут нет двух мнений! По существу, в год здесь надо бы укладывать до восьмидесяти километров дорог, а в плане только двадцать пять...

И еще одна большая забота: здесь, на Оби, должен быть порт. Настоящий! Ибо Нижневартовский уже сейчас принимает от реки грузов побольше, чем Новосибирск.

А главное — разбуривать месторождения нефти дальше. За прошлую пятилетку тут пробурили что-то около восьмисот тысяч метров проходки, а теперь спланировано пробурить втрое больше. Втрое!

■

Итак, мы подошли к нефтяникам — к тем, кто бурит, и к тем, кто эксплуатирует скважины. Это люди особые. Но первыми были нефтеразведчики, славные первооткрыватели тюменской нефти, и среди них буровой мастер Григорий Иванович Норкин из Мегиона. А вот мастер Семен Ананьевич Повх пробурил здесь первую промысловую скважину. С нее и началось освоение. Потом приехала из Нефтеюганска бригада Ричарда Аллаярова — знаменитые ребята, они сразу взяли быка за рога! Тут сказалась одна особенность Самотлора: нефть начали брать уже сложившиеся коллективы. Бригады сюда переезжали с других месторождений вместе со своими опытнейшими мастерами, как бы семьями (и с семьями!). Это, пожалуй, самое характерное. Иначе как же было нижневартовцам взять ее, большую нефть Самотлора! Великое это переселение продолжается. Только что перекочевали сюда и знаменитый вышкомонтажник Александр Григорьевич Тимченко, Герой Социалистического Труда, и новые бригады с Шаима...

Нам рассказали немало интересного о мастере Геннадии Михайловиче Лёвине и его ребятах. В прошлом году эта бригада прошла до шестидесяти тысяч метров проходки. Очень много, кажется, даже мировой рекорд. В среднем по стране проходят раза в четыре меньше. Как это получается, рассказал подробно другой буровой мастер, Виктор Васильевич Китаев. Он тоже откочевал на большую самотлорскую нефть из Шаима. Ему едва перевалило за тридцать, но он уже семь лет на буровых — сразу после института, так что опыт достаточный. Сейчас в бригаде вместе с ним тридцать человек. Организация труда здесь приближена к научной, насколько это возможно в условиях штурма Самотлора. За три года Виктор Китаев обошел самого Повха. Ас! Его нынешнее обязательство — сорок тысяч метров проходки в год. Это намного больше плана.

— Наша бригада комсомольско-молодежная. Артельно работаем,— четко сформулировал Китаев.— Артельно... Общий котел плюс риск.

Я записал: «Самотлорская формула». По ней действует не один Китаев. Мне она понравилась. И министерству нравится. И рабочим.

Общий котел — общий ответ. Это сплачивает. И обязывает каждого проявить себя только с одной стороны — самой лучшей. И поменьше проявлять себя с тех сторон, которые мешают работать и жить окружающим.

Ну, а риск — понятие, тесно связанное с индивидуальным мастерством, с творчеством каждого, с интуицией бывалого и опытного человека. Вот почему две бригады — Лёвина и

Бригада бурильщиков прилетела из тайги...

Нижневартовский. Все, как в песне: строится город, у которого названия нет...

Китаева — выполняют здесь объем работы, равный в среднем объему целого буроуправления: до ста тысяч метров проходки ежегодно. Теперь мне ясна одна из причин того, что себестоимость тюменской нефти пока столь невелика.

Самотлор — это не только жемчужина Сибири, но и своеобразный селекционный центр. Идет селекция человеческих характеров и достоинств. Так, наверное, было на фронте — в окопах. Приезжает людей на обский Север, к сожалению, куда больше, чем остается здесь. Остаются такие, как мастер Г. И. Норкин, как начальник экспедиции В. А. Абазаров, такие, как С. А. Повх, Г. М. Лёвин, В. В. Китаев... Остаются лучшие, крупные люди. Диктуют условия жизни и работы. Но не только они.

Происходит это еще потому, что Самотлор, по сути, экспериментальная база для наших нефтяников. Тут много делается впервые. И по-новому. Совсем по-новому, как нигде не делалось.

На буровых вместо дизелей попробовали электробурение. Говорят, это подлинная революция. Далее. Невдалеке от озера Самотлор мы побывали на трехъярусной экспериментальной вышке. Дело в том, что болота мешают просторно расположить хозяйство бригады буровиков. И вот родилась идея этажности. В основании вышки — растворный узел с насосом; выше — электрооборудование, электродвигатели; еще выше — бурильный станок. И все хозяйство умещается на одной и той же площади. И еще раз о дорогах. Здесь пробуют использовать для подсыпки торфяники, хотя такие дороги и дают неизбежную осадку, и все-таки это уже не лежневка.

А главное — экспериментальная скважина на озере. Все мучила мысль, есть ли нефть под водой Самотлора... Зимой нарубили лед, завезли грунт и отсыпали искусственный островок. Потом смонтировали вышку, подвели электроэнергию. Правда, рисковать не стали — летом не забурили: вдруг там газовая шапка? Лето минуло, и нынешней зимой обязательно забурят экспериментальную!

■

...До свидания, Самотлор 1971 года! Дорога рассекла мир ржавых топей надвое. По мхам и болотинам пролегли (четыре в связке) тонкие трубы выкидных линий — по ним идет самотлорская нефть. Удивительно, что трубы не закопаны. А как же знаменитые морозы в 40—60 градусов? Объяснили и этот эксперимент: в самотлорской нефти, самой легкой и дешевой, почти нет воды, она не замерзает. А ведь в иных местах нефть наполовину с водой...

Нефть собирается на КНС — кустовой насосной станции. Идет она сама. Ее не выкачивают, а выдавливают водой. ДНС — дожимные насосные станции. Они и освобождают нефть от газа.

Мы попрощались и с центральным товарным парком, где нефть хранится в булитах — огромных серебристых шарах, емкостях. На всех станциях и на товарном складе царит автоматика. Два дежурных — и только. А вокруг тайга. На видном месте у дороги — лицом к берегу — каменная скрижаль: «Черное золото Самотлора подготавливает Родине комсомольско-молодежный коллектив опытно-промышленной термохимической установки». Очень гордо и торжественно!..

Итак, до свидания, Самотлор. С гудками проплываем мимо Баграса, и я мысленно вижу обелиск в честь бригады Г. И. Норкина на месте рождения тюменской нефти, изменившей экономику Западной Сибири, продиктовавшей государству новые планы на долгие сроки.

■

Чтобы попасть в Мегион, нужно войти в речушку Мулку. Весной она как море. Осенью скромна, почти недвижна. Дни — повторюсь — в Мегионе стояли солнечные. Ребята даже купались! Крутая лестница подняла под оригинальную арку в виде нефтевышки. Знакомая скамья над обрывом, знакомое здание Мегионской экспедиции нефтеразведки. Знакомые... Нет, пожалуй, больше ничего не узнаю. Действительно, не узнаю Мегиона, который запомнил как тесный поселок с деревянными тротуарами, забаррикадированный от стужи поленницами дров. И тайга стояла за последним домом.

Главный инженер экспедиции Степан Леонидович Каталкин, заменявший начальника Абазарова, напомнил, что тут было. И куда с большей охотой рассказал, что стало. За достижения в прошлой пятилетке 7 января 1971 года Мегионскую нефтеразведочную экспедицию наградили орденом «Знак Почета».

Каталкин рассказывал не в кабинете, а на улице — не сиделось нам, больно уж хотелось побродить по новому Мегиону.

Школа уже не та, для которой леса не могли выкроить нефтеразведчики. Новенькая, просторная, многоэтажная. Гостиница. Еще школа. И еще строят! Столовая. Кафе «Северяночка», рядом универмаг. Домов двухэтажных не счесть — и тайга далеко отступила.

Каталкин же и напомнил, что места эти совсем недавно, еще только в 1960 году, считались неперспективными. Однако Мегионская экспедиция опровергла первоначальные расчеты. Нефть, предсказанная гениальным Губкиным, сейчас воспринимается большинством людей как нечто само собой разумеющееся. А в свое время тюменцы вынуждены были проявить небывалую настойчивость. За что и вознаграждены. А разведка продолжается. Пока еще неясен даже контур уникального месторождения, еще мало кто заглядывал за озеро — в дальнюю тайгу.

Поиск продолжается...

И, как шесть лет назад, ждет бригада Норкина вертолет — вахта улетает теперь километров за сто на новую площадь. И среди бурильщиков в робах знакомые лица. Такие невероятные встречи бывают разве что в кино! Буровой мастер Евстигней Липковский и бывший помбур, а теперь бурильщик Леонид Вялов... Все, как шесть лет назад. Только тогда был май. «Помните, мы карасей нажарили?..» Теперь осень. Тогда на амфибии пробирались на 610-ю Северо-Покурского месторождения. Теперь вертолет унес их на 2-ю Тарховскую... И здорово, что встретились, и грустно отчего-то...

Поиск продолжается! Косо улетел вертолет. Поднял стрекоз, растрепал волосы...

■

Нынешний год у нефтеразведчиков очень удачный. «Урожайный»,— как сказал С. Л. Каталкин. Больше стало вертолетов. Буровые установки иные — в блочном исполнении. Техника плюс опыт позволили разведчикам оторваться от Оби и других рек, начать поиск в глубинных таежных болотах, в тундре. За десять с небольшим лет в среднем Приобье открыто сто месторождений нефти и газа. Реальные богатства превзошли все самые смелые мечтания у сырых костров, когда не было спасу от гнуса.

И вот год 1971-й. К Самотлору за первый же год пятилетки добавлены Федоровское и Большое Черногорское месторождения — не менее емкие резервуары «черного золота».

А вахты улетают все дальше и дальше от Нижневартовского, от Мегиона, от Сургута...

Нам тоже плыть дальше. Потому что, как ни полюбились Мегион и вся эта страна Мегиония, да Обь не тут кончается. За Средней Обью начинается Обь Нижняя, а там свои дали, свои открытия, свои свершения. За кормой уже около 2 300 километров. Впереди последняя треть пути!

■

Над Мегионом осталось чистое и по-северному высокое небо. Вдали мрачно сгущалась синева, быстро темнела река, тяжело катилась против ветра. А ночью, когда проходили огни Сургута, навалилась гроза. Осерчал бог предков наших, «старик обской». Металась свинцовая река, но никак не могла она достать высоких огней Сургута. Да и мы не из робкого десятка — полюбовались грозой и легли спать. В ту ночь мне снились залитое солнцем озеро Самотлор и зеленая нефть в золотой колбе.

Нас ждало Приполярье. Вокруг пританцовывающая вода без берегов...

В КЛУБЕ ДЕЛОВЫХ ВСТРЕЧ «ОГОНЬКА»

О ТЕХ, КТО НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

рассказывает Игорь Иванович КАРПЕЦ, начальник управления уголовного розыска МВД СССР, профессор, доктор юридических наук, комиссар милиции 3-го ранга.

— Служба уголовного розыска в системе органов внутренних дел стоит на переднем крае борьбы с преступностью. Как только поступает сообщение о совершенном преступлении, сотрудники уголовного розыска первыми немедленно выезжают на место происшествия вместе со следователями и работниками научно-технических служб. Задача у всех одна — найти следы преступления. Каким образом, что помогает нам в этих поисках?

Нет таких преступников, которые бы не оставляли следы. Преступник, совершивший уголовно наказуемое деяние, всегда оказывается, как мы говорим, чуть-чуть впереди. И от оперативности сотрудников угрозыска, от их умения идти «по горячим следам» зависит, будет ли это «чуть-чуть» измеряться минутами или часами. Но случается, что преступление оказывается нераскрытым и гораздо дольше.

В одном из городов преступники ночью обокрали магазин. В милицию сообщение о краже поступило через час после совершения преступления. Группа сотрудников уголовного розыска выехала на место. Какое-то время ушло на осмотр места происшествия. Были опрошены двое свидетелей. Они заявили, что видели трех человек, которые вели себя подозрительно, но при-

На XXIV съезде КПСС отмечалось, что советская милиция за последние годы улучшила свою работу. Вместе с тем поставлена задача и дальше укреплять правопорядок и социалистическую законность, улучшать деятельность милиции, прокуратуры и судов. Накануне Дня советской милиции состоялась встреча редакции «Огонька» с министром внутренних дел СССР генерал-полковником тов. Н. А. Щелоковым и руководящими работниками МВД СССР. Шел разговор о работе советской милиции, о путях дальнейшего совершенствования ее деятельности в улучшении борьбы с правонарушителями. В беседе приняли участие начальник управления уголовного розыска МВД СССР, профессор, доктор юридических наук, комиссар милиции 3-го ранга И. И. Карпец, начальник управления БХСС МВД СССР, комиссар милиции 3-го ранга П. Ф. Перевозник, заместитель начальника управления административной службы МВД СССР, профессор, доктор юридических наук, комиссар милиции 3-го ранга М. И. Еропкин, начальник следственного управления МВД СССР, комиссар милиции 3-го ранга С. В. Мурашов, начальник управления ГАИ МВД СССР, комиссар милиции 3-го ранга В. В. Лукьянов, генерал внутренней службы 3-го ранга Н. М. Буланов, заместитель начальника УВД Мособлисполкома, комиссар милиции 3-го ранга А. Г. Экимян и следователь по особо важным делам следственного управления МВД СССР полковник милиции М. П. Дайнеко.

ДА НА СТРАЖЕ

Гости «Огонька». На фото слева направо: сидят — комиссар милиции 3-го ранга С. В. Мурашов, комиссар милиции 3-го ранга М. И. Еропкин, комиссар милиции 3-го ранга А. Г. Экимян, министр внутренних дел СССР генерал-полковник Н. А. Щелоков, комиссар милиции 3-го ранга И. И. Карпец, комиссар милиции 3-го ранга П. Ф. Перевозник; стоят — полковник милиции М. П. Дайнеко, композитор О. Б. Фельцман, комиссар милиции 3-го ранга В. В. Лукьянов, комиссар милиции 3-го ранга С. Л. Шевченко, генерал внутренней службы 3-го ранга Н. М. Буланов.

Фото М. САВИНА.

меты их были очерчены весьма смутно. Пока все это выяснялось, пришло сообщение, что поблизости из ларька украли вино. И при аналогичных обстоятельствах. В обоих случаях преступники оставили кое-какие следы своих деяний. В ходе преследования стало известно, что воры пытались проникнуть еще в один магазин. Опросив по маршруту тех немногих людей, которые попадались на пути, сотрудники уголовного розыска на рассвете вышли на след — помог житель дома.

Преступники были задержаны в тот самый момент, когда они собрались воспользоваться похищенным в магазине вином и закусками.

Казалось бы, все очень просто. Так кажется многим и при раскрытии куда более сложных преступлений. Все просто: приехали, увидели, опросили, ринулись в погоню, поймали. А, выражаясь языком кино, «за кадром» осталось огромное напряжение физических и духовных сил, опыт, искусство, умение ценить фактор времени, логически рассуждать, анализировать...

Раскрыть преступление — это важная задача. Но не менее важно предупредить последующие преступления, выявить условия, способствовавшие совершению преступного деяния. Бывает у нас и так. Получен сигнал о недостойном поведении человека. Пока еще нет никаких оснований подозревать его в уголовном преступлении. Но есть основание полагать, что человек этот идет скользкой тропой и вот-вот оступится. И тогда делается все возможное, а порой и невозможное, чтобы не дать ему оступиться. Каким образом? Нет тут однозначного ответа, готового рецепта. Здесь и повседневный, незаметный для него самого контроль за его поведением и долгие, терпеливые беседы — с ним, его друзьями, родными. Тропы, что приводят в конце концов к сознанию такого человека, тернисты, извилисты, и здесь от нас, работников уголовного розыска, требуются и такт, и настойчивость, и знание педагогики, психологии...

Но если нам не удалось предупредить преступление, тогда мы бросаем все силы на то, чтобы как можно быстрее раскрыть его, найти преступника. Каждое нераскрытое преступление доставляет нам огромное огорчение, чувство большой неудовлетворенности своей работой. И не всегда фронт нашей борьбы оказывается бескровным. Расплачиваться приходится порой самой дорогой ценой — жизнями наших сотрудников.

Времена частных детективов-одиночек миновали. Но и в наши дни есть среди работников уголовного розыска отличные мастера своего дела. Они действуют не в одиночку: одиночка сейчас бессилен. На место происшествия, как я уже говорил, выезжает комплексная бригада специалистов. И тем не менее нельзя сбросить со счетов талант, опыт, мастерство человека, которого принято называть сотрудником угрозыска. Успех приходит к тем, кто совершенствует свое мастерство. При этом мы добиваемся известной специализации, чтобы были мастера по раскрытию убийств, краж и т. д.

Не следует, конечно, думать, что в сфере нашего внимания только тяжкие преступления. Мы гордимся тем, что выполняем и столь гуманную обязанность, как розыск без вести пропавших людей, помогаем находить иных алиментщиков, забывших о своем отцовском долге.

Приходится много заниматься и розыском скрывшихся преступников. И здесь нам помогает народ. Вы, вероятно, обратили внимание на появившиеся в Москве, да и не только в Москве, витрины с фотографиями скрывшихся преступников. У иных скептиков это вызывает улыбку: ищи, мол, ветра в поле! Нет, это не так. Такие витрины оказались весьма эффективными и не раз помогали нам.

Но главное, конечно, — это мастерство, опыт, смелость работника угрозыска. У нас трудятся люди, влюбленные в свое дело. Приходит молодежь, образованная, культурная. У нас есть и специальная, высшая школа работников угрозыска. И молодежь и ветераны полны готовности любой ценой защитить жизнь, здоровье, честь и достоинство советских людей, оградить интересы государства.

О БОРЬБЕ С ХАПУГАМИ И ДЕЛЬЦАМИ

говорил Павел Филиппович ПЕРЕВОЗНИК, начальник управления борьбы с хищениями социалистической собственности МВД СССР, комиссар милиции 3-го ранга.

— Да, к сожалению, это гнусное племя живуче, и работы тут у нас еще много. Нас, как и наших коллег из уголовного розыска, очень волнует проблема профилактики: предотвратить преступление, закрыть каналы, по которым в грязные руки хапуг текут народные деньги, образумить иных ротозействующих руководителей предприятий, учреждений. Анализ дел, связанных с хищениями социалистической собственности, показывает: там, где хозяйственные руководители не

следят за учетом, хранением продукции, там, где благодушествуют бухгалтеры — хотят быть добрыми за государственный счет,— там вольготно чувствуют себя всякие проходимцы, жулики, дельцы. Вот так процветал в Одессе некий Шмушкис. Это жулик высшего класса. Когда он появлялся в ресторане, все находившиеся там дельцы вставали, и оркестр тут же исполнял его любимый танец — точно как в известной песне... Только после того, как Шмушкис усаживался на свое место, пиршество продолжалось.

Сей король одесских хапуг три раза был судим. И тем не менее он умудрился стать начальником цеха подсобного производства в одном из колхозов Одесской области. Чем это кончилось, установил уже следователь: Шмушкис положил в свой карман 50 тысяч рублей колхозных денег.

Порой приходится только диву даваться изобретательности дельцов. Про иного из них и не подумаешь: неужели способен на такое? Интеллигентный человек, доктор сельскохозяйственных наук, заместитель директора НИИ — и вот извольте... В марте нынешнего года в Баку была защищена докторская диссертация. Защита как защита. Все прошло наилучшим образом. Диссертант с нетерпением ждал решения ВАК. И вдруг... анонимное письмо: «Ваша диссертация находится на экспертизе у профессора...» Имярек. Он собирается дать отрицательный отзыв. «Уплатите 500 рублей, все уладим. Ваш хороший знакомый». Автора анонимного письма мы разыскали. «Хорошим знакомым» оказался... сам профессор. Когда его задержали, у него в кармане лежали 3 тысячи 500 рублей.

В Нальчике ведется расследование хитрых операций расхитителей народных денег, орудовавших на заводе безалкогольных напитков. Любопытная деталь. Директору завода представили на утверждение денежный документ, из которого явствовало, что энное количество рублей израсходовано на... хоккейную команду. Когда дельцы уже были арестованы, наши работники спросили главного бухгалтера и директора: «Что сие значит? Ведь хоккеисты в это время и не приезжали к вам — они находились за рубежом. Как же вы утвердили эти отчеты?» Молчат. Потупили очи и молчат. Да и что тут говорить? Ротозеи...

От наших работников мы требуем глубоких, всесторонних экономических знаний, умения анализировать все те экономические процессы, которые протекают и в сфере производства и в сфере торговли... Нет таких участков экономического, культурного строительства, на которых не приходилось бы действовать сотрудникам службы БХСС. И всюду надо обладать достаточным запасом знаний, чтобы распутать самые хитрые махинации. Мы работаем в тесном контакте с органами народного контроля, много нам помогают рабочие, служащие. По сигналу шахтеров удалось вскрыть преступления начальника участка шахты «Ткварчельуголь» Горсеванишвили и его дружков — не одну тысячу народных денег положили они в свои карманы.

Посягательство на социалистическую собственность опасно не только материальным ущербом. Нередко жулики, объединяясь в преступное сообщество, втягивают в свои махинации слабовольных людей, падких на выпивку, подарки, взятки. Моральный ущерб в таких случаях трудно исчислить рублями. Иные дельцы пытаются использовать все средства, чтобы любыми правдами и неправдами пускать пыль в глаза, фабрикуя «благодарственные письма», «восторженные отзывы поклонников своего таланта». Так создается определенное мнение. А жулику только это и требуется. База для всяких комбинаций уже подготовлена: «Вот каков я, читайте!» Так, в частности, орудовал делец — врач Нюренберг из Харькова, осужденный на 12 лет. Я пользуюсь случаем, чтобы обратиться к работникам печати с просьбой активнее помогать нам изобличать расхитителей народного добра.

«МОЯ МИЛИЦИЯ...»

С уважением и высокой требовательностью говорил о ней Михаил Иванович ЕРОПКИН, заместитель начальника управления административной службы МВД СССР, профессор, доктор юридических наук, комиссар милиции 3-го ранга.

— Каждый из вас в последние годы не мог не заметить больших перемен в облике, и не только внешнем, тех, с кем вы встречаетесь повседневно на улицах, в общественных местах. Я имею в виду постовых, патрульных милиционеров, участковых инспекторов, людей, готовых в любую минуту ринуться в погоню за преступником, пресечь нарушение общественного порядка, помочь человеку, попавшему в беду. В той или иной форме они каждодневно связаны с населением, выполняя необычайно широкий круг задач. И, конечно, главная среди них — предупредить, пресечь преступление, обеспечить общественный порядок.

Каким хочет видеть милиционера житель города или села? Прежде всего это, конечно, должен быть человек смелый, решительный, добросовестно выполняющий свой долг. Но в последние годы мы стали предъявлять к нему более строгие требования. В нем должны сочетаться высокие профессиональные навыки с высокой культурой, образованностью. Мы все строже и строже соразмеряем уровень роста культуры населения с уровнем культуры тех, кто призван охранять это население от смутьянов, хулиганов, правонарушителей. Было время, когда нас вполне удовлетворял участковый инспектор Анискин из популярной повести «Деревенский детектив» — человек большой доброты, честный, душевный и в общем-то профессионально неплохо подготовленный. Но время диктует иную меру оценки качеств Анискина. Ныне от участкового инспектора требуются и определенная теоретическая подготовка, и юридические познания, и, конечно, общая культура.

Недаром говорят, что «участковый инспектор — это милиция в миниатюре». Он и организатор охраны порядка, он борется с правонарушениями на вверенной ему территории, предупреждает и пресекает преступления, выявляет причины и условия, способствующие правонарушениям, борется с хулиганством, пьянством, тунеядством, осуществляет надзор за соблюдением паспортных правил, рассматривает заявления и жалобы трудящихся. Конечно, тут нужны не только милицейский опыт, душевность, умение разобраться в характерах людей, но и весьма широкий диапазон знаний, не исключая психологии, педагогики, не говоря уже о правовых знаниях.

Кое-чего мы здесь достигли. За последние пять лет в милицию по рекомендациям коллективов трудящихся пришел большой отряд молодых, образованных, культурных сотрудников. Среди них две трети — коммунисты и комсомольцы. В 1966 году лишь 12 процентов сотрудников милиции имели высшее и среднее образование, сейчас их число увеличилось втрое. Такой же уровень общеобразовательной подготовки имеют 95 процентов участковых инспекторов милиции.

Молодые работники быстро освоились с новой для них сферой деятельности, активно используют новую технику, поступившую на вооружение милиции, новые методы работы. Я не случайно так подчеркиваю слово «новые». У нас действительно появилось много нового — и в технике и в методах работы. Я имею в виду не только количество автомобилей, мотоциклов, но и средства связи, каналы управления и информации, электронно-вычислительные машины. Техника эта весьма эффективна. Кстати, многих интересует степень надежности электронной блокировки квартир, хозяева которых долгое время отсутствуют. Пока еще не было ни одного случая, чтобы такая блокировка не сработала.

Новые, современные средства сигнализации, связи позволяют милиции, как правило, быстро, за 10—15 минут, оказаться на месте происшествия. Мы неустанно боремся за достижение такой оперативности. И тут многое зависит от искусства управления милицейскими силами. В связи с этим хочу обратить внимание на одну острую проблему — вечернее время в общественных местах. Именно в вечерние часы, ближе к полуночи, в общественных местах совершается наибольшее количество преступлений и правонарушений. Значит, надо как-то перераспределить наши силы. Мы сейчас создаем специальные подразделения, которые будут отвечать за правопорядок в вечерние часы. На такие специальные, хорошо технически оснащенные подразделения возлагаются большие надежды. Первые месяцы их работы в Москве, Ленинграде, Киеве дали хорошие результаты.

Обязанностей у нашей службы много. И мы наверняка не справились бы с ними, если бы не имели сотни тысяч добровольных помощников — я имею в виду общественность, дружинников, граждан, которые не считают для себя возможным пройти мимо нарушителя порядка. И я хотел бы выразить всем им нашу благодарность.

СЛЕДОВАТЕЛЬ И ЗАКОН — проблема, которой посвятил свое выступление начальник следственного управления МВД СССР, комиссар милиции 3-го ранга, заслуженный юрист РСФСР Сергей Васильевич МУРАШОВ.

— Следственный аппарат МВД молод. И создан он был восемь лет назад исходя прежде всего из соображений укрепления законности, усиления борьбы с преступностью и расширения демократических начал советского уголовного судопроизводства. Деятельность наших следователей находится под постоянным контролем самых представительных органов власти — исполкомов Советов депутатов трудящихся. Это не формальность, а знамение времени — идет дальнейшая демократизация процесса исполнения закона.

Активно взаимодействуя с БХСС, с уголовным розыском, с ГАИ, наша служба тем не менее является самостоятельной. Следователь обладает процессуальной независимостью в предпринимаемых им действиях. И есть у него только один повелитель — социалистический закон, который предоставляет подследственному полный комплекс средств для защиты его чести и достоинства.

Долг следователя — как можно быстрее раскрыть преступление, изобличить виновных и в то же время обеспечить правильное применение закона. Невиновный не должен пасть жертвой ошибки, неквалифицированности следователя. И в этом направлении наши требования к людям, которым доверено вести следствие, все более и более ужесточаются. В свое время видный юрист профессор А. Р. Ратинов очень хорошо сказал о нашей профессии: «Перед следователем проходят и развертываются все стороны человеческой природы. Общественная польза, благородство профессии, острота борьбы, исследовательский поиск, торжество справедливости, творчество, искусство — трудно даже приблизительно очертить все привлекательные стороны следственной работы. Каждая из них, даже взятая в отдельности, стоит того, чтобы посвятить себя всего этому делу». Образно и точно сказано! Не каждому юристу дано быть следователем. Мы уделяем большое внимание подбору кадров следователей. Среди них есть немало кандидатов юридических наук, заслуженных юристов республики. Многие наши следователи по своему профессиональному мастерству достигли уровня своих старших коллег — следователей прокуратуры.

Следователь по особо важным делам З. Ф. Роганова вела дело о крупном хищении, взяточничестве в двух больших издательствах. 106 томов, тысяча страниц обвинительного заключения. 9 месяцев слушалось это дело в суде. Отлично размотала клубок всех преступных деяний Зинаида Федоровна Роганова. Недавно министр вручил орден Трудового

Красного Знамени старшему следователю по особо важным делам нашего управления Н. К. Поповой. Ей тоже пришлось расследовать деяния шайки матерых хищников. И здесь дело оказалось чрезвычайно сложным, запутанным, расхитители государственных средств всячески пытались увильнуть от наказания. Полтора года слушалось это дело в суде...

Нашим следователям в последнее время пришлось немало потрудиться... в вузах. Не в качестве студентов и не в качестве преподавателей. Они изучали неблаговидные дела некоторых коммерсантов от науки и их клиентов, то бишь абитуриентов, пытавшихся компенсировать недостаток знаний солидными деньгами родителей. В одном из вузов следователю пришлось провести любопытный эксперимент с группой первокурсников, писавших на вступительных экзаменах диктант. Им было предложено еще раз написать тот же диктант, тот же текст. И, увы, один из студентов, «отлично» сдавший вступительные экзамены, получивший в свое время отличную оценку за диктант, сейчас сделал 192 ошибки, почти по три в каждой строке... Комментарии к этому эксперименту излишни.

В последние годы коренным образом изменилось отношение следователей к своей работе. И после ареста иного правонарушителя следователь не считает свою работу законченной. Он задумывается: что послужило причиной преступления, почему не удалось его предупредить? Это сравнительно новая для нас задача, и мы стараемся успешно решить ее.

МАШИНЫ, ЛЮДИ, АВАРИИ — о наболевшей проблеме безопасности движения горячо говорил начальник управления ГАИ МВД СССР, комиссар милиции 3-го ранга Валерий Витальевич ЛУКЬЯНОВ.

— Неприятные явления, сопутствующие гигантскому росту количества автомашин на улицах, проспектах городов, на дорогах и проселках, общеизвестны. Об этом в прошлом году шел разговор здесь же, за «круглым столом» «Огонька». Ваш журнал много писал на эту тему, помогая борьбе с аварийностью на улицах и дорогах. Я хотел бы коснуться лишь некоторых проблем, которые волнуют нас, людей, призванных обеспечивать безопасность движения автотранспорта.

Сейчас бытуют крайние взгляды: поскольку количество автомашин растет бурными темпами, аварийность неизбежно будет увеличиваться. Другая точка зрения: достаточно повысить требовательность к водителям, и задача будет решена. Думается, что неправильны обе точки зрения. В социалистическом обществе процесс дорожного движения управляем. Мы можем и должны добиваться сокращения аварийности. Каким образом? Необходимо постоянно укреплять и совершенствовать **всю систему,** подчеркиваю, всю систему мер, в которой принимают участие государственные и общественные организации и население; совершенствовать транспортные средства, улучшать дорожные условия и главное — укреплять дисциплину водителей и пешеходов. В борьбе с аварийностью серьезные обязанности возлагаются на Госавтоинспекцию. МВД принимает меры к улучшению работы этой службы, ее техническому оснащению.

Изменяются взаимоотношения наших инспекторов с водителями, пешеходами. Все тверже устанавливается принцип максимального уважения и вместе с тем высокой требовательности. Мы считаем так: завоевывая уважение водителей и пешеходов, мы тем самым обретаем верных помощников в борьбе за соблюдение установленного порядка.

Есть необходимость начать подготовку инженеров дорожного движения. Это новая специальность и крайне нужная. Мы надеемся, что Министерство высшего и среднего специального образования пойдет нам навстречу.

Следует убедить Министерство просвещения в том, что пора уже во всех школах ввести обязательное обучение детей правилам поведения на улице, умению ориентироваться в сложных современных условиях движения автотранспорта.

Не менее важна проблема индивидуальных владельцев автомобилей. Их в одной только Москве 150 тысяч. Все они разобщены. Нужна организация, которая объединяла бы их, увязывала интересы владельца автомашины с интересами общества.

Очень серьезно стоит вопрос о спасении раненых, людей, попавших в беду во время автоаварии. Тут еще много нерасторопности, неорганизованности. Нужна четкая координация сил ГАИ, медицинских учреждений и ведомств, имеющих автохозяйства.

В заключение беседы за «круглым столом» выступил министр внутренних дел СССР генерал-полковник Николай Анисимович ЩЕЛОКОВ.

— Советский народ, все прогрессивное человечество торжественно отметили 54-ю годовщину рождения первого в мире государства рабочих и крестьян. Созданная на третий день Великой Октябрьской социалистической революции, советская милиция являлась одним из первых вооруженных отрядов победившего пролетариата. Она была карающим мечом для преступных элементов, пытавшихся ослабить силу и мощь диктатуры пролетариата, выступавших против сознательной дисциплины, новых законов, пролетарских принципов морали, норм и правил социалистического общежития. Ее история — одна из героических страниц истории советского народа, Коммунистической партии, истории борьбы за торжество дела Ленина. Исторический путь советской милиции отмечен массовым героизмом в пору Октябрьской революции и гражданской войны, ратными подвигами на полях сражений с гитлеровскими захватчиками, беспримерной доблестью по укреплению правопорядка и социалистической законности. История советской милиции — это создание и развитие новых форм и методов ее работы, рождение и приумножение революционных традиций, это непрерывный духовный рост людей, поставленных на стражу общественного порядка и социалистической законности.

Когда мы говорим о подвиге милиционеров Швыркова и Пекалова, Богданова и Иванова, Рыкова и Ведерникова, павших смертью храбрых при защите общественного порядка от рук озверевших бандитов в 1918 году, мы славим героизм советских людей, вставших на свою первую революционную вахту. Когда мы отмечаем мужество милиционеров, шедших плечом к плечу с воинами Красной Армии в атаку на белогвардейцев и интервентов в годы гражданской войны, мы воздаем славу бессмертному подвигу рабочих и крестьян нашей Родины, отстаивавших завоевания революции. Когда мы восхищаемся подвигом внука легендарного героя Парижской коммуны милиционера Казимира Домбровского, памятник которому воздвигнут в городе Пушкине, Московской области, мы восхищаемся доблестью героического советского народа, продолжающего дело коммунаров. Когда мы склоняем головы перед светлой памятью эстонского милиционера Якоба Кундерса, работника горьковской милиции Хазифа Зарипова, повторивших подвиг Александра Матросова, мы отдаем дань бессмертному подвигу советского народа в суровые годы минувшей войны.

Великая Отечественная война стала историей, и бег времени сейчас отмеряют не залпы орудий, а мирные стрелки часов. Но битва за нового человека продолжается, битва за человека, свободного от родимых пятен капитализма, человека, гармонически сочетающего в себе коммунистическую убежденность, нравственную чистоту и физическое совершенство. В этой битве, на «полях» которой коммунистическая мораль одерживает одну победу за другой, почетная роль отводится и советской милиции, органам внутренних дел в целом. Советская милиция и здесь наряду с будничным, кропотливым трудом по пресечению антиобщественных поступков ежедневно совершает героические подвиги, охраняя труд, достоинство и спокойствие советских граждан.

54 года советская милиция стоит на страже интересов своего народа. И главный итог ее деятельности — это то, что она всегда верно и самоотверженно служила народу, была предана великим идеалам коммунизма, надежно охраняла труд советских людей.

Многое изменилось в деятельности милиции за годы Советской власти. Изменились ее задачи и функции, другими стали организационная структура, система управления. Неизмеримо выросло ее профессиональное мастерство, коренным образом преобразились научно-технические основы, формы и методы ее работы. Но неизменными остались ее революционный дух, преданность делу отцов, сражавшихся за победу народа в дни Октября, в годы гражданской войны, в годы сражений с гитлеровской ратью, неизменными остались гуманистические принципы ее деятельности. В этом — сила нашей милиции.

Сегодня мы с полным правом можем сказать, что советская милиция встречает свой юбилей, окруженная уважением и признательностью народа. Высокая оценка ее деятельности, данная на XXIV съезде КПСС, вдохновляет наших работников, вызывает у них новый прилив творческих сил, инициативы, политической активности.

На каждом этапе своего развития советское общество предъявляет новые требования к милиции. В условиях развитого, зрелого социализма, в условиях развернутого строительства коммунистического общества эти требования особенно велики. Не следует думать, что они вызваны, скажем, осложнением борьбы с преступностью, ее ростом или более изощренным характером преступных деяний. Сегодня мы имеем все основания говорить о том, что антиобщественные действия имеют у нас устойчивую тенденцию к снижению.

Более высокие требования к милиции диктуются возросшей нетерпимостью нашего народа к любым отступлениям от норм социалистического общежития. «Новый облик советского человека, его коммунистическая мораль и мировоззрение,— говорил на XXIV съезде партии Л. И. Брежнев,— утверждаются в постоянной, бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого». Не может быть победы коммунистической морали без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стяжательство, взяточничество, тунеядство, клевета, анонимки, пьянство и тому подобное». Мы усиливаем борьбу с этими уродливыми явлениями не потому, что они растут, а потому, что перед нами стоит задача их полного искоренения. Нет им места в советском обществе! **Искоренение различных антиобщественных действий должно идти не через ослабление борьбы с ними, а через многократное усиление этой борьбы. В этом суть дела.** Речь в первую очередь идет о беспощадной борьбе с таким отвратительным явлением, как хулиганство, которое является не чем иным, как разновидностью хамства, интеллектуального убожества, духовной ущербности.

Не менее важно поставить под надежный контроль лиц, уже отбывших наказание за совершенное злодеяние, но не вставших на путь исправления. У нас созданы все условия, чтобы такие люди вернулись к честной жизни. И если они тем не менее становятся на этот путь, общество вправе применить к ним самые строгие меры для обеспечения своей безопасности.

Повышение требований к нашим работникам вызвано не только необходимостью надежно оградить личную безопасность и имущественные интересы граждан, обеспечить сохранность социалистической собственности, но и возросшей ролью милиции в предупреждении антиобщественных поступков.

Предупредить преступление — главное в борьбе с преступностью. Это обязывает нас прежде всего своевременно раскрыть каждое преступление и наказать преступника. Неотвратимость на-

ВАЛЬС

ДОБЛЕСТНОЙ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Слова О. МИЛЯВСКОГО.

Музыка О. ФЕЛЬЦМАНА.

Праздничный вечер настал,
Следуя доброй традиции,
Мы открываем наш бал
Музыкой вальса милиции.
Вечно мы с вальсом дружны,
В юности, в зрелости, в старости.
Вальс, точно так же, как мы,
Тоже не знает усталости.

Припев:

Кружатся пары, кружатся звуки,
Кружится в окнах рассвет.
Обняли нежные женские руки
Звездочки прожитых лет.

Мы на подруг с теплотой
Смотрим глазами влюбленными,
Им ведь при службе такой
Трудно быть нашими женами.
Если порой не до сна,
Если глаза не смыкаются,
Даже у жен седина
Раньше чуть-чуть появляется.

Припев.

И не нарушит наш вальс
Тихое слово прощания,
Если вдруг кто-то из нас
С танцев уйдет на задание.
Этого ждем каждый раз,
Но, соблюдая традиции,
Дам приглашаем на вальс,
Названный вальсом милиции.

Припев.

казания за содеянное зло — одно из важнейших условий предупреждения преступлений. Своевременно выявить и устранить причины, вызывающие преступление, предупредить его — все это связано с повышением роли милиции, всех органов внутренних дел в осуществлении воспитательных функций и в первую очередь среди лиц, нарушающих общественный порядок. Чтобы профилактическая деятельность была по-настоящему эффективной, от милиции требуется особенно высокое профессиональное мастерство. Интеллектуальный уровень ее работников не должен отставать от быстро повышающегося интеллектуального уровня народа. Нужна высокая сознательность, умение действительно культурно бороться за социалистическую законность. Совершенно недопустимы грубость, произвол, неуважительное отношение к гражданам.

В результате социально-экономических и политических преобразований, происходящих в стране в процессе строительства коммунизма, условия деятельности милиции, всех органов внутренних дел быстро изменяются. Значит, должны меняться формы и методы ее работы. Здесь ни в коем случае нельзя стоять на месте. В органах милиции проводилась и проводится большая работа по улучшению всех видов их деятельности, совершенствуется система сбора и обработки информации об оперативной обстановке, повышается уровень аналитической работы, улучшается текущее и перспективное планирование, все большее распространение находит прогнозирование. Значительно улучшена система управления, внесены существенные коррективы в организационную структуру, подготовку и воспитание кадров. Научной программой совершенствования работы органов внутренних дел являются постановления Коммунистической партии и Советского правительства по вопросам обеспечения правопорядка и социалистической законности. Для советской милиции нет более высокой чести, чем неустанно выполнять требования партии и правительства, верно служить советскому народу — строителю коммунизма.

Укрепление правопорядка и социалистической законности стало у нас общенародным, общегосударственным делом. И здесь нельзя не отметить огромный вклад советской общественности и в первую очередь народных дружин. Советские люди кровно заинтересованы в том, чтобы в городах и селах нашей Родины был образцовый социалистический правопорядок. В День советской милиции хочется горячо, от всей души поблагодарить многочисленную армию советских дружинников, творческую интеллигенцию, представителей печати, кино, радио, телевидения, всю советскую общественность, которая вместе с милицией, органами внутренних дел в целом, вместе с судом, прокуратурой неутомимо работает над тем, чтобы искоренить из нашей жизни те антиобщественные явления, которые еще омрачают жизнь советских людей.

* * *

В заключение этой интересной встречи композиторы О. Фельцман и А. Г. Экимян познакомили огоньковцев и их гостей со своими новыми работами. О. Фельцман исполнил написанные им вальс (на слова О. Милявского) и песню (на слова Ц. Солодаря), посвященные работникам милиции; А. Г. Экимян — песню на слова поэта Расула Гамзатова «Кунак».

Беседу на заседании клуба деловых встреч «Огонька» записал Юрий Чернявский.

Юрий ЖУКОВ

ВСТРЕЧА С ЗАТЕРЯННОЙ ЗЕМЛЕЙ

Случалось ли вам читать фантастический роман Конан Дойля «Затерянный мир»? Когда-то им увлекалась молодежь: знаменитый романист увлекательно описал путешествие своих эксцентричных героев — британского профессора Челленджера и его спутников — в неизведанные дали Южной Америки, где они якобы нашли на изолированном плато с недоступными, обрывистыми склонами удивительный мир, который существовал на нашей планете сто двадцать миллионов лет тому назад. Конан Дойль населил это плато динозаврами и летающими ящерами, игуанодонами и прочими чудовищами.

Насчет этих чудовищ, конечно, писатель-фантаст положил грех на душу: их нет ни в Южной Америке, ни в других местах; их окаменевшие кости мирно покоятся в музеях. Но край, куда он заставил направиться своих героев, реально существует, и это до сих пор поистине затерянный мир. Смею вас в этом уверить как очевидец. Правда, теперь уже не приходится добираться к удивительным и таинственным столообразным горам, которые так потрясли воображение героев Конан Дойля, теми сложными и трудными путями, которыми провел их писатель. Они плыли на пароходе вверх по Амазонке, затем поднимались на лодках к верховьям одного из ее притоков, потом прокладывали себе путь через леса и карабкались по скалам.

В наше время путешествие по Южной Америке куда проще: вы садитесь на аэродроме Каракаса в старенький «дуглас» венесуэльской компании «Авенса», набираетесь терпения и через несколько часов утомительного полета на этой трескучей, пропахшей бензином воздушной колымаге — полета, изобилующего нырянием в воздушные ямы и тряской, от которой мы уже отвыкли,— добираетесь до этой дальней, еще недавно казавшейся людям загадочной стороны...

Этот действительно затерянный, почти безлюдный, но, как сейчас выясняется, неимоверно богатый природными ресурсами край — Гвианское плоскогорье, лежит оно там, где рождаются могучие водные потоки, дающие жизнь величайшим рекам Южной Америки — бразильской Амазонке и венесуэльской Ориноко. Там, в дальней-дальней глубине этого все еще не изведанного и таинственного края, и находятся те огромные столовые горы, которые описаны Конан Дойлем.

Столовые горы стоят, как часовые, над травянистой Великой Саванной, отделенные непроходимыми лесами и горами от остальной части Гуаяны. И самая большая и дикая из этих гор — величественная Ауйантепуи, что значит гора Дьявола,— та самая, куда прихотливая фантазия Конан Дойля привела героев его романа «Затерянный мир».

Для того, чтобы вы могли себе представить, до какой степени мало исследован этот район, я приведу такой поистине удивительный пример. В 1937 году — обратите внимание на эту относительно недавнюю дату! — молодой американский авантюрист Джимми Энджел, прельстившийся красочным рассказом Конан Дойля о том, как герои «Затерянного мира» нашли на горе Дьявола россыпи алмазов величиной от боба до каштана, решил попытать счастья и отправился туда на небольшом спортивном самолете. Ему удалось совершить посадку на этом пустынном каменистом плато, находящемся на высоте 2 580 метров, но взлететь он не смог. Несчастный Энджел похолодел от ужаса: он сам оказался в положении героев Конан Дойля, ставших пленниками горы Дьявола и выбравшихся оттуда только чудом.

Целый месяц блуждал по этой огромной столовой горе потерпевший неудачу в своих планах американец. Однажды он услышал шум воды — текущая по горному плато река с ревом низвергалась куда-то в пропасть. Он подошел поближе, и у него закружилась голова: это был высочайший в мире — да, высочайший в мире! — водопад, о существовании которого не знал еще ни один географ.

Как определили потом ученые, высота этого водопада равна двадцати Ниагарам; поток так долго находится в свободном падении, что обращается в мельчайшую водяную пыль и как бы растворяется в воздухе, оседая внизу на камнях обильной росой.

Энджелу тогда было не до географических открытий. Он страстно жаждал только одного — спасения из этой гигантской каменной западни, но спасение никак не приходило. Исхудавший, оборванный американец уже прощался с жизнью, когда его случайно увидели индейцы из племени камарата и на руках перенесли вниз по глухим тропам, известным только им. У индейцев Энджел узнал, что водопад, который он увидел, они называют Чурум-меру — по имени образующей его реки Чурум. Долго добирался Энджел до ближайшего телеграфа, но, когда наконец добрался, он в ту же минуту стал знаменитым: его географическое открытие, сделанное в такую пору, когда, казалось бы, весь земной шар уже полностью обследован, вызвало сенсацию в научном мире, и гигантскому водопаду было присвоено имя Энджела.

Самолет Энджела остался навеки на горе Дьявола, его местонахождение сейчас отмечено крестиком на географических картах Венесуэлы. Иногда, но крайне редко, туда добираются исследователи, обладающие наиболее крепким здоровьем и спортивными навыками. 18 декабря 1955 года на гору Дьявола взобрался венесуэлец латышского происхождения Александр Лайме; он передал оттуда по радио, что нашел самолет Энджела. Четыре месяца спустя туда отправилась экспедиция Центрального университета Венесуэлы. Поднявшись на высоту в 2 395 метров, она установила там статую Боливара, героя борьбы за независимость венесуэльского народа.

Однако и до сих пор далекая Великая Саванна и возвышающиеся над ней столовые горы остаются весьма мало изученными. На географических картах в этом огромном краю отмечены лишь очень редкие индейские селения и крохотные, без всякого оборудования посадочные площадки, на которых могут приземляться легкие самолеты старых образцов. Одна из таких посадочных площадок расположена неподалеку от горы Дьявола, в Канаиме, у водопадов на реке Каррао, в которую впадает своенравная Чурум, падающая с головокружительной высоты.

Туда мы и держали путь на старомодном двухмоторном «дугласе» компании «Авенса».

Мы — это участники проходивших в Каракасе весенних заседаний Межпарламентского союза, которым венесуэльское правительство любезно предоставило возможность посетить этот край. На борту самолета — советские, венесуэльские, болгарские, чилийские и другие парламентарии.

Странное ощущение испытываешь, когда летишь над землей на этом самолете довоенного образца,— кажется, что ты вернулся вспять на сорок лет; в далекие дни молодости мы считали, что полет на «дугласе» стремителен и совершается на большой высоте—целый километр!— а теперь нам кажется, что он еле-еле ползет, чуть ли не задевая ветви деревьев. Впрочем, если ты не торопишься, такой полет имеет свою прелесть: тебе предоставлена редкая в наше время возможность внимательно разглядывать страну, в которой находишься, сверху.

Мы покинули Каракас ранним утром, когда было еще прохладно; солнце еще не взошло, и вокруг аэродрома в сизовато-розовой дымке скорее угадывались, чем виделись, мохнатые горы фиолетового цвета. Яркий, экваториальный солнечный свет ворвался в иллюминаторы, когда мы уже поднялись в воздух; ветхие, много потрудившиеся на своем веку моторы натужно стонали, медленно завоевывая высоту.

Стюард роздал нам картонные коробки с завтраком — точь-в-точь такие, какие были в авиационном обиходе в сороковых годах: несколько ломтиков ветчины, ложка салата, картонная чашечка остывшего кофе,— и мы, быстро расправившись с этими небогатыми съестными припасами, прилипли к иллюминаторам: ведь не каждый день случается путешествовать по Южной Америке!

Вначале мы пролетали вдоль великолепных песчаных пляжей Карибского моря. Это берег Гуаира, район фешенебельных курортов. Остался позади довольно большой порт. За лагуной Такаричи самолет сделал разворот и взял курс на юго-восток. Это все еще был густонаселенный район; венесуэльцы до сих пор жмутся к морю — именно в

этой, северной части страны сосредоточены их крупнейшие города. Здесь развита промышленность.

Через час полета под нами появились нефтяные вышки. Промелькнули города с забавными названиями Тигр и Тигренок (Эль Тигре и Эль Тигрито); здесь расположены крупные нефтяные промыслы. Еще немного погодя мы приблизились к большому городу Боливар — столице одноименного штата, раскинувшейся на берегах могучей Ориноко. Необычайный характер пейзажа захватил нас. Среди абсолютно безлюдных, сухих, желто-коричневых просторов, лишь кое-где расцвеченных зелеными пятнышками тропических рощ, высились абсолютно голые черные горы. Самая большая из них, опять же названная именем Боливара, проплыла левее.

— Это — будущее Венесуэлы,— сказал мне сидевший рядом чилийский парламентарий Марио Палестро, жгучий брюнет с пышными усами и подусниками, словно сошедший со старинного портрета, мой старый знакомый по встречам в Сантьяго; в 1967 году он необычайно гостеприимно встречал советскую делегацию, и мы подружились.— Да, это их будущее, если только они проявят крепкий характер и выдворят отсюда янки. Тут богатейшие залежи железной руды!..

Я уже слыхал о бурно растущих рудниках в долине Ориноко. Еще недавно здесь все было мертво. Но вот геологи установили, что эти горы, над которыми мы сейчас пролетаем, содержат миллиарды тонн железной руды наивысшего качества, и сразу же сюда, словно мухи на мед, устремились американские концессионеры.

В 1959 году здесь было добыто всего 199 000 тонн руды, одиннадцать лет спустя — уже свыше десяти миллионов, сейчас добыча продолжает возрастать. Но все промышленные резервы этого района целиком находятся в руках двух североамериканских корпораций: «Айрон майнс компани» и «Ориноко майнинг»; венесуэльцы тут пока не хозяева.

— Ирония судьбы,— сказал мой чилийский спутник,— в стране освободителя нации Боливара, в штате, который носит имя Боливара, в нескольких десятках миль от города Боливар янки все еще хозяйничают, как им заблагорассудится, будто Венесуэла — еще не независимое государство, а их колония...

Нынешнее руководство Венесуэлы предпринимает меры, чтобы ослабить эту зависимость. Уже вернувшись в Москву, я прочел в газетах, что 24 июня 1971 года оно аннулировало подписанный в 1956 году кабальный договор с «Ориноко майнинг», согласно которому эта компания должна была... контролировать судоходство по реке Ориноко — ни больше и ни меньше — до 2000 года. Контроль над судоходством взяло на себя государственное объединение «Венесуэльский институт речного судоходства». Но сами железные рудники все еще остаются во власти янки.

Шахтеры там бунтуют, требуя увеличения зарплаты, улучшения условий труда, восстановления на работе незаконно уволенных. В июле 1971 года в «железной зоне» бастовали сорок две тысячи рабочих и служащих. Обстановка стала такой напряженной, что правительство послало туда войска, чтобы защитить американскую компанию от рабочих. Полиция и национальная гвардия атаковали бастующих. Несколько человек было арестовано и избито, в том числе генеральный секретарь профсоюза горняков Виктор Мессон. Деятельность в городах этого района была парализована. Закрылись магазины, остановился транспорт. Опустели школы. По улицам патрулировали отряды полиции и национальной гвардии...

Шахтеры роптали: как же так, венесуэльцы подавляют венесуэльцев ради того, чтобы наживались янки? Они получили еще один урок классовой борьбы...

Но вот и город Боливар остался позади. Этот город, привольно раскинувшийся на берегах мощной реки, которые соединены великолепным подвесным мостом, сыграл особую роль в истории нации. Именно здесь 150 лет назад была штаб-квартира Симона Боливара, когда он поднял народ на борьбу. Именно здесь в те годы была основана одна из первых газет в Америке — «Эль Коррео дель Ориноко», призывавшая к борьбе против колонизаторов. Именно здесь был созван конгресс, провозгласивший независимость Венесуэлы.

Мы приближаемся к городу Гуаяна. «Это бум-город»,— говорят о нем венесуэльцы. Он был основан всего восемь лет тому назад, и в нем уже живут 140 000 человек. Там работает принадлежащий государству сталелитейный завод. Город Гуаяна стоит при впадении в Ориноко второй крупнейшей реки Венесуэлы — полноводной и стремительной Карони. «Для нас это то же, что для вас Енисей и Ангара,— сказал мне в Каракасе один видный экономист,— гидроэнергетические ресурсы Ориноко и Карони колоссальны». Сейчас уже разработан грандиозный проект сооружения каскада гидроэлектростанций на реке Карони,— сегодня нам предстоит ознакомиться с уже заканчивающейся первой очередью этого колоссального строительства.

Самолет идет на посадку. Недлинная бетонная полоса. Навес из оцинкованного железа. Несколько пальм. И вывеска: «Привет от Корпорации Гуаяны!» Жаркий ветер метет пыль и сухие, как порох, листья. Нас встречает молодой человек в грубой зеленой рубахе, белой каске и черных очках. Вначале мы принимаем его за гида, но потом выясняется, что это уже накопивший немалый опыт инженер-венесуэлец, суперинтендант, а по-нашему, директор строительства и эксплуатации первой очереди гидроэнергетического комплекса на реке Карони.

На ходу я записываю: «Герардо Чаварра. Окончил факультет строителей в университете. Начинал как помощник инженера на этой стройке восемь лет тому назад, когда она только начиналась с первого колышка. Сейчас руководитель ГЭС и распределительной сети». Мы катим в раскаленном до невозможности автобусе по новехонькому шоссе. Герардо Чаварра, напрягая голос, чтобы перекричать шум мотора, громко рассказывает: «Строим с 1963 года... Строительство ведет венесуэльская Корпорация Гуаяны по электрификации Карони — сокращенно «Эделька» — с государственным капиталом... Все рабочие и специалисты — венесуэльцы... Первая очередь плотины первого комплекса вступила в строй в 1969 году... Водохранилище уже заполнено... Уже работают три турбины мощностью по 185 тысяч киловатт. К 1974 году смонтируем еще две...»

Я гляжу на этого молодого директора с открытым волевым лицом и думаю: а все ж таки всем чертям назло и эта страна пошла вперед! Можно ли было мечтать, хотя бы лет десять тому назад, в то время, когда здесь безраздельно господствовали американские монополии, что не за горами дни, когда венесуэльцы сами, и притом на свои собственные деньги, начнут сооружать такие крупные современные сооружения? Конечно, электростанции Гури, которую строили, а сейчас уже и эксплуатирует Герардо со своими коллегами, далеко до Братской или Красноярской, но ведь мы еще не забыли то время, когда Днепрогэс была нашим крупнейшим гигантом, а Гури уже равна Днепрогэсу...

За поворотом показалась величественная желтоватая плотина, перегородившая глубокое ущелье, прорытое своенравной Карони,— она и впрямь напоминала по масштабам днепровскую. За нею плескалось ослепительно синее искусственное море.

Герардо Чаварра предложил нам пройтись по гребенке плотины, потом опуститься в машинный зал и осмотреть работающие турбины. Мы охотно согласились. На ходу суперинтендант с видимым удовольствием продолжал объяснения.

— Видите ли,— говорил он,— это наш первый опыт сооружения крупной гидроэлектростанции. Поэтому мы строим долго. Я уже сказал вам, что пока работают только три турбины. В 1974 году их станет пять — мы вводим в строй по одной турбине в год. Но это не конец. Всего здесь будет работать десять турбин, а общая мощность гидроэлектростанции достигнет, таким образом, 1 850 000 киловатт, а это уже кое-что...

Герардо Чаварра победоносно улыбнулся и продолжал:

— Однако и это еще не все. План предусматривает строительство целого каскада электростанций на этой реке, пока что планируется три таких гидроцентрали. Так что впереди еще уйма работы. Но учтите, что мы уже сейчас вносим свой вклад в энергоснабжение страны. Наша станция снабжает током всю промышленность этого района, а она бурно растет — много энергии требует сталелитейный завод в Гуаяне, еще больше — алюминиевый завод «Алюминио дель Карони». Наконец, мы передаем энергию по линии высокого напряжения в Каракас — на расстояние семисот километров. В общем, потребителей хватает, была бы энергия в наличии!..

Мы приглядываемся поближе к этому мощному сооружению. Вызывает уважение высокое качество строительных работ — венесуэльские рабочие и инженеры — отличные мастера своего дела. Работы неплохо механизированы. Рядом с плотиной — мощный бетонный завод. Он пока не работает, но в ближайшее время снова будет пущен в ход: сейчас перепад воды составляет девяносто два метра, а инженеры хотят поднять плотину еще на пятьдесят метров, чтобы усилить еще больше эффективность станции.

Обращает на себя внимание большая пестрота поставщиков: турбины — японские, генераторы — американские, трансформаторы — бельгийские, щиты — западногерманские, приборы — итальянские. Проектировщики и строители стремились раздобывать повсюду наиболее современное оборудование, да и соображения цены играли немалую роль: венесуэльская казна небогата...

Но нам пора торопиться в дальнейший путь. Мы тепло прощаемся с энергичным суперинтендантом этого великолепного сооружения, желаем ему и всем строителям энергетического комплекса на реке Карони новых больших успехов. Стоящий у входа в электростанцию солдат в зеленой форме и картузе, с автоматом салютует нам, и вот уже мы снова в дороге — впереди встреча со знаменитой горой Дьявола, до которой еще далеко — она высится в самом сердце Гуаяны.

Мы долго летим над густыми тропическими лесами. Их рассекают большие, поблескивающие на солнце реки, распадающиеся на десятки рукавов. Нигде не видно никаких признаков жизни,— под крылом нашего «дугласа» от горизонта до горизонта лишь однообразное чередование зеленых лесов и голубых вод. Я гляжу на эти пустынные просторы и думаю: как много еще надо приложить человеческих усилий, чтобы оживить этот гигантский край, дремлющий на протяжении многих тысячелетий!

Освоение юга Венесуэлы уже началось — мы видели это на берегах Карони. Нам говорили, что экономический рост этого края, охватывающего добрую половину территории страны, втрое быстрее, чем в других районах. И все же то, что пока свершается здесь,— это лишь капля в огромном зелено-голубом море. А возможности развития здесь так благодатны!

«Что предлагает вам Гуаяна? — прочел я в одном проспекте, обращенном к дельцам, ищущим применения своим деньгам.— Для человека, вкладывающего капиталы, для бизнесмена — это пульсирующий район с большим потенциалом, обещающим прибыли; для туриста — это район дикой природной красоты и величайшего исторического интереса; для спортсмена — идеальный район рыбной ловли и путешествий...»

Впрочем, я ошибся, когда сказал, что просторы, над которыми рокочут моторы нашего «дугласа», пустынны,— это не совсем так. Где-то

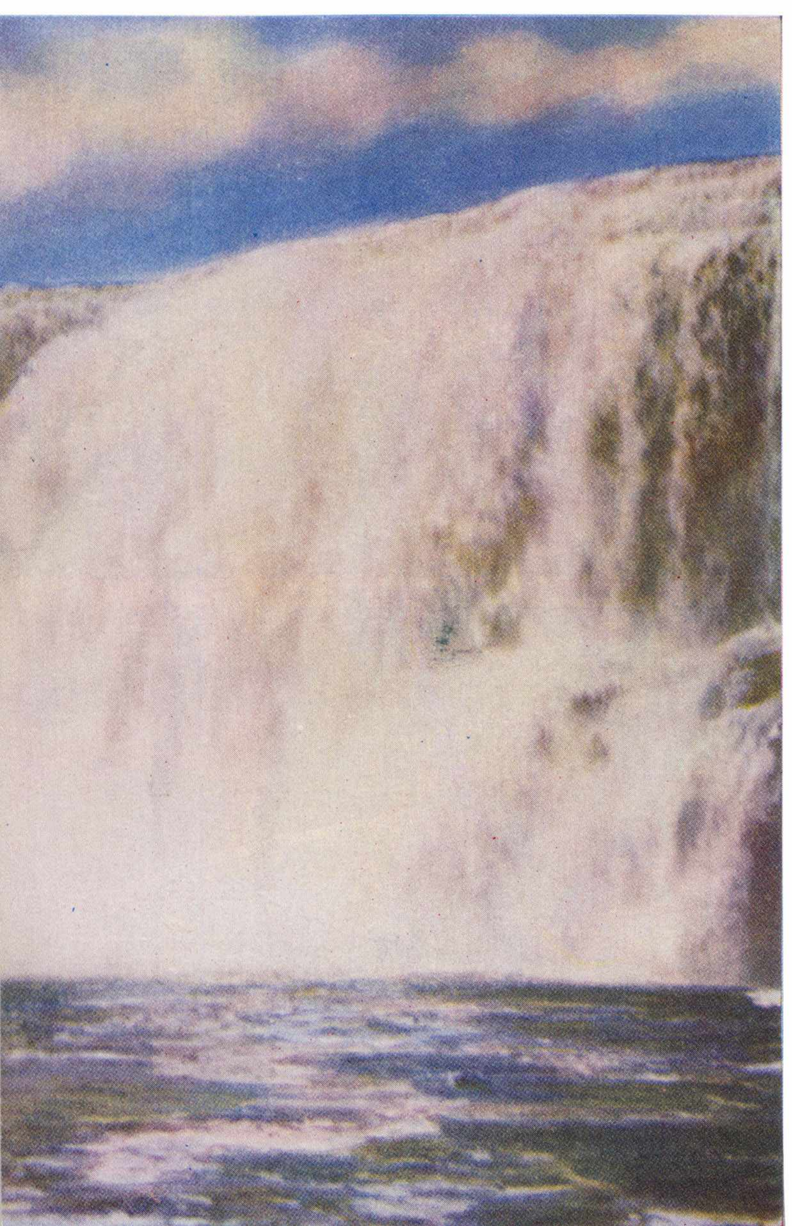
Итак, мы летим в ту часть Венесуэлы, которая была еще недавно известна как затерянный мир. Сейчас и там значительные перемены. С нами в самолете — чилийский сенатор Марио Палестро,— вот он, крупным планом на снимке. «Этот район — будущее Венесуэлы,— говорит он.— Тут скрыты огромные природные богатства!» И вот уже мы в Гуаяне — на стройке крупнейшей в Венесуэле гидроэлектростанции,— вы видите на снимках справа ее детали. Внизу слева — пейзаж этих далеких мест, а справа — усталые туристы на отдыхе.

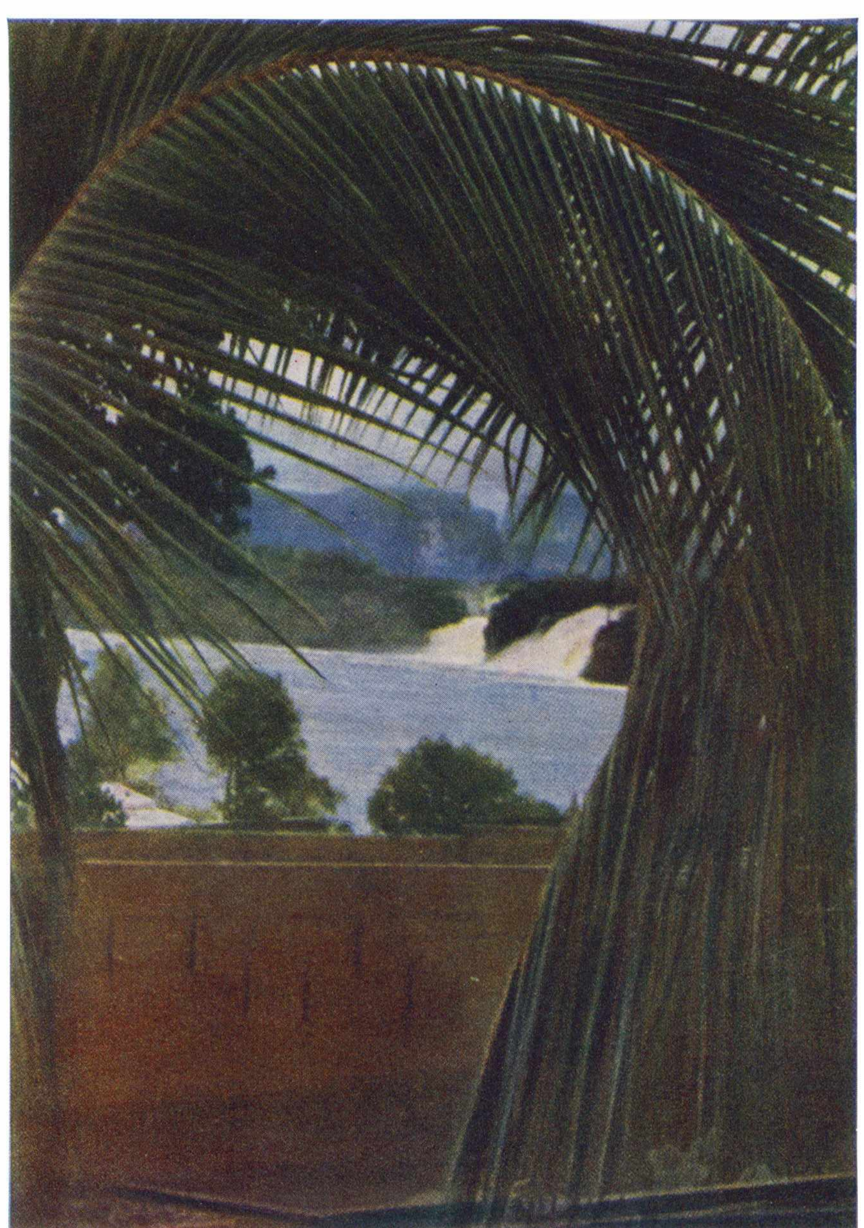

36

там, внизу, по берегам рек, укрытые пышной тропической зеленью, прячутся поселения индейских племен, нашедших здесь свое спасение после того, как жестокие испанские колонизаторы разорили их очаги в прибрежной зоне, осквернили и разграбили их святыни, истребили многие тысячи мирных жителей. Там, на севере, от них остались лишь индейские наименования рек, гор и селений, ставших городами белых. Здесь и еще южнее, в Великой Саванне, индейцы сотни лет после вторжения испанских колонизаторов оставались полновластными хозяевами своих обширнейших владений — белые крайне редко отваживались добираться туда.

Теперь, когда началось экономическое освоение юга Венесуэлы, рев авиационных моторов, грохот тракторов, шум бурильных установок все явственнее доносятся и в эти пока еще девственные дебри. И жители Затерянного мира охвачены острой тревогой: не собирается ли белый человек захватить и эти земли? Ведь дальше бежать уже некуда.

В июле 1970 года образованный индеец Исайя Родригес Варгас из племени макаритер, самого многочисленного в Великой Саванне, добрался до Каракаса и добился приема у министра юстиции. Он спокойно и дипломатично, но твердо сказал, что его племя хотело бы знать, «является ли предпринимаемая в последнее время некими частными лицами колонизация земель, на которых оно обитает, частью национальной политики развития юга Венесуэлы». Индеец пояснил, что какие-то белые люди появились на землях, принадлежащих испокон веков его племени, и утверждают, будто у них есть полномочия на захват их.

Министр успокоил его: «В соответствии с декретом № 250 от 1951 года никакое лицо не вправе обосноваться на землях, занятых индейцами, без официального разрешения». Ходок племени макаритер поблагодарил министра и отправился в дальний обратный путь. Последующее развитие событий показало, однако, что «некие частные лица», на которых жаловался ходок племени макаритер, сильнее закона,— они, нисколько не считаясь с декретом № 250, уже теснят индейцев, захватывая их лучшие земли точно так же, как это делали когда-то конкистадоры.

Племя, посылавшее своего ходока в Каракас, расселилось в области Территорио Амазонас вдоль берегов притока могучей Ориноко — матери Венесуэлы, как называют ее индейцы,— рио Вентуари. Люди макаритер живут там группами по восемьдесят — сто человек, они заняты охотой, рыбной ловлей, примитивным подсечным земледелием. Всего земли у них десять — пятнадцать тысяч квадратных километров. Археологи и ученые считают, что эти индейцы живут здесь более двух тысяч лет. Люди макаритер очень гордятся своей землей — их мифы утверждают, что именно здесь, на рио Вентуари, боги создали жизнь на земле.

В 1959 году несколько групп индейцев, принадлежащих к этому племени, решили объединиться в районе Какури и заняться там животноводством,— знающие люди сказали им, что это выгодней, чем охотиться на зверей в лесах. Замысел потерпел неудачу: власти помощи не оказали, не было опыта... Но десять лет спустя индейцы к нему вернулись.

Примерно в это же время в районе Какури была сооружена властями посадочная площадка для приема легких самолетов. Индейцы не возражали; наоборот, многие обрадовались: теперь наладится хорошая связь с внешним миром, пойдет выгодная торговля. Но потом оказалось, что вторжение техники XX века в Затерянный мир тысячелетней давности оказалось для них роковым...

Дело в том, что с одним из первых самолетов сюда прилетели трое предприимчивых белых дельцов, заявивших, что они намерены обосноваться на этой земле,— земля ведь божья, она никому не принадлежит, а чем они хуже индейцев? Это был некий Бишье, владелец авиетки, бывший искатель алмазов, о котором давно уж шла дурная слава: он зверски эксплуатировал индейцев; его двоюродный брат Дэвид Хелион, связанный с семьей нью-йоркских миллионеров Гугенхейм, и Абдельмур Мусса, отставной военнослужащий.

Пришельцы объявили, что они поселятся в Какури, будут здесь заниматься сельским хозяйством и вести геологическую разведку,— что найдут, то будет принадлежать им. Кроме того, они сказали, что будут принимать туристов. И хотя министр юстиции заверял ходока макаритер, что никто не имеет права занимать и эксплуатировать землю, принадлежащую индейцам, без официального разрешения, Бишье, Хелион и Мусса быстро начали наводить там свои порядки.

Пришельцы очертили на карте большой район вокруг Какури размером в 20 000 гектаров и заявили, что теперь он принадлежит им и что индейцам отныне запрещается там охотиться и ловить рыбу. Они привезли туда нанятых ими шахтеров и начали пробивать шурфы в поисках полезных ископаемых. Одновременно бесцеремонные чужаки силой согнали индейцев в устроенный ими лагерь и заставили их пахать землю и собирать для новоявленных хозяев урожай за нищенскую плату от 5 до 10 боливаров в день.

При этом авантюристы, вторгшиеся в Затерянный мир, похвалялись, что у них надежная опора в Каракасе, поскольку они-де взялись за трудное и неблагодарное дело освоения Гуаяны; говорили даже, что национальный аграрный институт выдал им аванс на эти цели — 300 000 боливаров.

Люди из племени макаритер, столкнувшиеся столь неожиданным образом с современной цивилизацией, снова забили тревогу. Хотя они и жили веками в своем замкнутом традиционном мире, это были сведущие и притом гордые и независимые по духу люди. Они, как и индейцы других племен, помнили, что их страна жила и процветала еще задолго до вторжения испанцев, считали себя полноправными гражданами современной Венесуэлы и никак не могли примириться с мыслью о том, что теперь им придется стать рабами каких-то трех чужеземцев.

Они вновь послали своего ходока в Каракас. На сей раз ходок не удовлетворился успокоительными разъяснениями представителей властей, а разыскал людей, которые обещали ему вступиться за интересы индейцев. 15 февраля 1971 года вся эта история была описана на страницах каракасской газеты «Эль Насьональ» — авторами статьи были этнолог Коппенс и миссионер Хуан Франциско Нортомб.

Возник скандал. В прессе началась полемика. Как и следовало ожидать, у «частных лиц», захвативших земли индейцев, нашлись защитники. Бывший миссионер испанского происхождения Даниэль де Барраидьяран цинично солгал: «Этих макаритеров всего три тысячи, а они претендуют на сто тысяч квадратных километров. Что касается Какури, то там вообще никого нет, это пустынный район... Нельзя же в самом деле тормозить прогресс из-за горсточки индейцев...»

Барраидьярану и тем, кто его поддерживал, не было никакого дела до того, что индейцы Венесуэлы — это вовсе не те дикари, которых так красочно и пристрастно описывал в своем романе Конан Дойль, глядя на туземцев глазами колонизатора. Среди индейцев племени макаритер есть свои образованные люди; жители долины рио Вентуари готовы активно участвовать в развитии юга Венесуэлы — им нужна лишь помощь государства. Но стать рабами каких-то авантюристов? Никогда!..

И вот макаритеры, видя, что помощь из Каракаса не спешит, выступили с грозным предостережением. «Мы даем правительству сорок дней для того, чтобы решить возникший конфликт мирным путем,— заявили они.— Если же к концу этого срока те 9 200 квадратных километров, которые мы рассматриваем как свою неотъемлемую территорию, не будут признаны нашей собственностью, а захватчики не будут изгнаны, тогда мы будем защищать нашу землю ценою наших жизней».

Этот призыв вызвал отклик в других племенах. Касик (вождь) самого крупного индейского племени Венесуэлы — гоахиро — Агустин Пуссхайна заявил, что пятьдесят тысяч его людей встанут на сторону своих братьев.

Вот как драматически оборачивается порой освоение земель этого далекого и во многом еще таинственного и загадочного Затерянного мира...

Было уже 12 часов 40 минут дня, когда на горизонте вдруг появилась пока еще призрачная в своей дали четырехугольная сизая громада горы Дьявола,— ее контуры почему-то напомнили мне наш крымский Чатырдаг, но по сравнению с этой громадой он выглядел бы, конечно, лишь как безобидная игрушка. Внизу все еще тянулись дикие, непроходимые леса, и, глядя на них, нетрудно было себе представить то отчаяние, которое охватило американца Джимми Энджела, когда его самолет, приземлившийся на этой фантастической горе, пришел в негодность и ему надо было думать о том, как добраться до цивилизованных мест.

Надо побывать в этих краях, надо увидеть их своими глазами, чтобы понять, почему до 1937 года величайшее чудо природы — водопад на реке Чурум, носящий ныне имя Энджела, который случайно его открыл, оказавшись в этой драматической ситуации, оставался никому не известным.

Но вот горы подступают все ближе и ближе. Внизу среди густого леса вьется розовая река — да, совершенно розовая, будто она подкрашена кровью. Это Каррао, та самая, в которую впадает Чурум; специалисты говорят, что красный цвет у нее оттого, что она течет сквозь тропические дебри и вымывает из корней лесных гигантов танин. Свою розовую воду Каррао отдает реке Карони, на берегах которой мы несколько часов тому назад видели мощную гидроэлектростанцию.

И вдруг зеленое море лесов внезапно обрывается — дальше, насколько видит глаз, обширнейшая травянистая равнина, среди которой маячат эти гигантские каменные столы неописуемых размеров, а над всеми ими доминирует обрывистая, суровая и мрачная гора Дьявола. Это и есть Великая Саванна.

Великая Саванна — огромное плоскогорье, охватывающее значительную часть Венесуэлы и распространяющееся далеко за ее пределы. Ее средняя высота — свыше двух тысяч метров над уровнем моря, но некоторые плато гораздо выше. Местами плоскогорье рассечено глубокими каньонами, по дну которых мчатся бурные реки.

Но нам некогда сейчас любоваться просторами Саванны и раздумывать о ней — все внимание сосредоточено на встрече с горой Дьявола. Вот уже наш летчик осторожно делает разворот и почти вплотную, как говорится, впритирку, подводит самолет к скалам. Стюард торжественно предупреждает:

— Леди и джентльмены! Приготовьте ваши аппараты...

Но мы и так уже во всеоружии: все, у кого есть и кинокамеры и фотоаппараты, прижались к иллюминаторам и щелкают, щелкают, щелкают... Скалы черные, растрескавшиеся, обветренные. Кое-где деревья

Богата, очень богата Венесуэла гидроэнергией. На весь мир славится ее могучая река Ориноко, одна из крупнейших в мире, а сколько у нее притоков, полноводных и бурных. Сама природа велит строить и строить здесь мощные гидроэлектростанции. И вот на верхнем снимке вы видите первенца национальной гидроэнергетики Венесуэлы — гидроэлектростанцию Гури на реке Карони. Нам показывает ее Герардо Чаварра, прошедший на стройке путь от прораба до директора. Здесь уже работают три турбины по 185 тысяч киловатт, а общая мощность станции достигнет со временем 1 850 тысяч киловатт. На снимках внизу: водопады еще не обузданной горной реки Чурум.

еще упрямо карабкаются по их склонам, цепляясь корнями за расщелины, но вскоре грань лесов обрывается, и выше ее лишь пучки сухой, жесткой травы да мхи.

Уступ за уступом, один круче другого. Вот такой виделась гора Дьявола Конан Дойлю, когда он заставлял своих героев карабкаться туда, наверх. И такими увидел эти скалы Джимми Энджел, когда он, потеряв свой самолет, пытался спуститься вниз. Иные скалы похожи на руины замков — мерещатся башни, шпили...

И вдруг раздается чей-то крик:

— Вот он, вот он, глядите вправо!

Он — это водопад Чурум-меру, ныне носящий имя Энджела. Летчик ведет свой самолет близко-близко к нему. Перед нами невероятно высокий — в километр! — упругий пенисто-белый водяной столб — тугая струя потока низвергается с плоскогорья в пропасть, на дне которой возрождается река Чурум, чье течение прервано этим сумасшедшим водяным прыжком,— кстати, по-испански водопад обозначается именно словом el salto, что значит прыжок.

Мы уже слыхали и читали, что высота падения воды здесь настолько велика, что поток, не достигая дна пропасти, обращается в водяную пыль, которая оседает на камни дождем. Но надо было увидеть это, чтобы почувствовать все своеобразие представившегося зрелища: где-то внизу, примерно на расстоянии трехсот метров от дна пропасти, мощный, упругий, кипящий поток вдруг как бы таял и обрывался в тумане. А еще ниже, словно рождаясь из ничего, бурлила река...

Летчик совершает еще один разворот, и мы снова, уже левым бортом, проходим мимо этого Прыжка Ангела, если дословно перевести название водопада,— ведь фамилия Энджел по-русски переводится словом ангел, хотя сам случайный первооткрыватель этого удивительного создания природы имел отнюдь не ангельский облик.

Как хотелось бы приблизиться к водопаду не на самолете, а по земле,— постоять бы около него, прислушаться к его рокоту, вдохнуть запах низвергающейся из поднебесья воды! Но это невозможно. Нам говорили, что путешествие к горе Дьявола по суше занимает несколько недель и доступно оно лишь отлично натренированным спортсменам,— сюда надо добираться в лодке, идя против течения своенравных и порожистых рек — сначала Каррао, а потом Чурум.

Теперь мы летим в Канаиму, этот изолированный в Великой Саванне своеобразнейший уголок, знакомый советскому читателю по переведенному на русский язык роману венесуэльского писателя Гальегоса. Под нами по-прежнему безлюдная пустыня: камень и лес, лес и камень. И вдруг самолет идет на посадку — впереди обнаружилась маленькая, без всякого оборудования посадочная площадка. Взгляд успевает зафиксировать любопытную деталь, которую трудно было разглядеть с километровой высоты: огромные деревья тропического леса покрыты яркими желтыми, фиолетовыми, красными, розовыми цветами.

Канаима... По сухой, пыльной дороге — сезон дождей еще не начался — мы спускаемся к удивительно красивой лагуне розового цвета, окаймленной золотистыми песчаными пляжами и зелеными пальмовыми рощами. Это широкий плес все той же своенравной реки Каррао, которая неподалеку отсюда приняла в свои объятия Чурум. На берегу несколько хижин, крытых соломой и пальмовыми листьями. Здесь же ресторанчик, переполненный туристами,— битком набитые самолеты то и дело садятся на посадочной площадке, где мы только что приземлились.

Шум, гам. Бесчисленные транзисторы извергают гремящую механическую музыку. Гости торопливо справляются, где же индейцы: туристская фирма обещала, что они будут торговать сувенирами. Ведь это так экзотично — привезти из Затерянного мира сувенир, сделанный руками настоящих туземцев! Но индейцев нет — может быть, их спугнул грохот транзисторов, а может быть, у них сейчас, когда идет борьба с вторжением чужеземцев в Великую Саванну, есть дела поважнее.

Мы садимся в один из катеров, стоящих у пристани, и молчаливый смуглый механик заводит мотор. Белый катер птицей устремляется вперед, рассекая розовую воду,— она и впрямь насыщена танином до такой степени, что вода кажется подкрашенной кровью. Но как она прозрачна! К счастью, здесь пока еще ни в какой мере не стоит проблема загрязнения окружающей среды, если не считать оставленных на пляже туристами окурков.

Дышится привольно и легко: мы находимся на большой высоте, и экваториальный жар совсем не ощущается. Огромная лагуна спокойна — ее поверхность словно зеркало. Но справа, там, где река Каррао, разделившись на семь рукавов, падает с каменистых уступов, происходит бурное кипение. Оттуда доносится глухое ворчание воды.

Водитель катера привычным жестом перекладывает руль, и мы вплотную подходим к этим водопадам — один красивее и мощнее другого. Солнце играет в брызгах розовой воды, и вдруг нам видится в них яркая радуга. Шумливое туристское племя осталось позади, грохота транзисторов не слышно — только водопады ревут, как ревели они и тысячу, и десять тысяч, а может быть, и сто тысяч лет тому назад. Вдали синеют контуры горы Дьявола...

Таков этот Затерянный мир. Мы только каким-то краешком своей души прикоснулись к нему, мы знаем лишь воображаемых героев Конан Дойля, которые сражались здесь с птеродактилями и питекантропами, мы не имели возможности повидать реальных героев Затерянного мира, которые воюют сейчас с вполне реальными, во плоти и крови врагами, которые грубо вторгаются на их землю.

Но что поделаешь? Мы обязательно должны были к вечеру вернуться в Каракас: до отлета в Москву оставались считанные часы...

И все же даже то немногое, что мы увидели в этом полете на край Венесуэлы, оставило у каждого из нас поистине неизгладимое впечатление, и было бы грешно не поделиться им с читателями. В самом деле, далеко не столь уж часто доводится бывать в таких удивительных местах!

ИНТЕРВЬЮ САЙРУСА ИТОНА НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ

ДОЛОЙ ЗАПАЛ ИЗ БОМБ

У подъезда Октябрьского зала Дома союзов одна за другой останавливаются машины. Мимо торопливых москвичей проходят с портфелями и папками в руках посланцы Европы, Америки, Азии, Африки и Латинской Америки, члены парламентов и всемирно известные ученые, академики, инженеры-атомники, представители самых различных общественных организаций мира. И все эти люди, в основном уже далеко не молодые, отложив свои личные дела, совершили кто близкое, а кто очень далекое и утомительное путешествие, чтобы принять участие в работе расширенного заседания комиссии Всемирного Совета Мира по разоружению.

Вынуть запал из бомб, остановить производство оружия массового уничтожения и обеспечить мирное сосуществование государств с различным социальным строем — это единственное решение мирового термоядерного конфликта. Для обуздания гонки вооружений уже сделано немало. Но все это только подступы к разоружению. А пока что мировые расходы на военные цели в прошлом году превысили 200 миллиардов долларов.

Во всемирной борьбе за мир объединились люди доброй воли нашей планеты независимо от их взглядов и убеждений, в том числе представители деловых кругов. К числу последних относится выступивший на встрече в Доме союзов лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сайрус Итон и его супруга Анна Итон, которая, несмотря на свою тяжкую болезнь, ведет активную борьбу за мир.

Я встретилась с супругами Итон и услышала их рассказ о том, как относятся они к главным проблемам современности.

Сайрусу Итону, одному из богатейших людей Америки, восемьдесят восемь лет, но он не думает о покое. Вот уже много лет этот человек во многих своих статьях и речах призывает к ослаблению международной напряженности, к всеобщему полному разоружению. Вспоминая о тех днях 1957 года, когда он у себя, на канадской ферме в Пагуоше, помог собраться видным ученым мира и обсудить проблемы, связанные с угрозой ядерной войны, Сайрус Итон говорит о том, что рад был увидеть в Москве многих известных участников Пагуошского движения, которое за минувшие годы сделало много добрых, полезных дел, защищая безопасность народов.

«Я с радостью наблюдаю в последнее время,— говорит Итон,— прогресс в умах моих сограждан, ответственных за внешнеполитический курс страны. Они обнаружили, что это неумно — жить во вражде с социалистическим миром, и начали делать первые шаги для установления с ним прямых контактов. Я имею в виду намерение президента США посетить Советский Союз».

По пути в Москву супруги Итон побывали в Канаде, где в те дни находился с официальным визитом Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. К советской программе мира, включающей в себя установление дружественных межгосударственных контактов на высоком уровне, Сайрус Итон относится с большим интересом и пониманием: «У Канады и США общая граница большой протяженности, так что для Америки имеет большое значение, что говорит, думает и делает Канада сегодня. И если Канада думает о мире, то это имеет резонанс и в нашей стране». Отмечая как важное явление этих дней растущее стремление деловой Америки к установлению тесных экономических контактов с Советским Союзом, Сайрус Итон подчеркнул, что в содействии расширению этих контактов он видит сейчас одну из главных целей своей деятельности. И когда минувшим летом он получил приглашение выступить в Сан-Франциско в одном из самых больших и влиятельных клубов делового мира, время, отведенное ему для выступления, он посвятил активной пропаганде сотрудничества США и Советского Союза. Вот почему Сайрус и Анна Итон с горячей заинтересованностью отнеслись к обсуждению участниками московской встречи инициативы Советского Союза о созыве Всемирной конференции по разоружению. «Такая конференция должна непременно состояться,— сказал Сайрус Итон.— В этом реальное решение проблемы разоружения. Мы, американские сторонники мира, подходим сейчас к высшей точке нашей деятельности. В предстоящем году Америка будет выбирать президента и новых членов правительства. И уже сейчас мы прикладываем все силы к тому, чтобы в это правительство вошли противники как «холодной», так и «горячей» войны».

И супруги Итон вместе с другими участниками международной встречи ученых и общественных деятелей по проблемам разоружения встретили аплодисментами два важнейших документа, принятых ими в Москве,— коммюнике и послание XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в которых была высказана горячая поддержка идеи созыва в ближайшее время Всемирной конференции по разоружению.

Н. ЦВЕТКОВА

На снимке: Анна и Сайрус Итон в Октябрьском зале Дома союзов.

Фото Б. Кузьмина.

Бердия Бериашвили принадлежит к молодому поколению грузинских поэтов, к той поэтической смене, которая нынче входит в жизнь, полная надежд и обещаний. Первая книга стихов Бердии Бериашвили, «Лунные качели», вышла в Тбилиси в 1968 году. Им подготовлены к печати два новых сборника.

В его стихах, продолжающих с новой силой традиции грузинской лирической поэзии, оживают долины и холмы родной Кахетии. Он слагает песни в честь молодости, красоты, мечты. Он полон горячей любви к Родине.

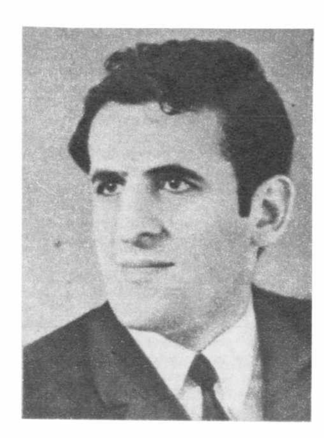
Бердия Бериашвили молод и талантлив. Стихи его неоднократно переводились на русский, азербайджанский, молдавский, осетинский, на языки народов Дагестана.

Перед ним открыт путь к большой поэзии, к новым лирическим высотам.

Николай ТИХОНОВ

Бердия БЕРИАШВИЛИ

ПОД ЯСНЫМ НЕБОМ

ЛОЗА

Пусть моя лоза засохнет,
если тебя подведу когда-нибудь.

Клятва древних грузин.

Меня давно убить хотели,
След на моем ветвистом теле,
Оставшись, муки причинял.
Тот, кто хотел убить грузина,
Тот бил сперва лозу — лозину,
Тот, кто хотел убить грузина,
Тот с винограда начинал.

А я в Кахетии спасеньем
И всей надеждою была.
Такого не было с рожденья,
Чтоб он, расставшись с сновиденьем,
Не спрашивал, с открытым зреньем,
Как у лозы моей дела.

А мне мельчайшая лиана
Так окружила сердце странно...
Но не могла сровнять с землей.
Какой грузинский летописец,
В тиши молитвенной возвысясь,
Сравняться б мог со мной — лозой?

Ведь в каждом из моих волокон
И тьма и свет минувших дней.
Ведь на пути моем далеком
Я ничего не избежала —
Ни ятагана, ни кинжала.
Я столько видела огней!

Те шрамы смотрятся, возможно,
Как цвет фиалки бестревожной
Или как роза и роса.
Но я в простом моем уборе,
Я — Грузия, что знала горе.
Я — Грузия, что знала горе.
Я только Грузия! Лоза!

И если нынче все чудесней
Грузин поет за песней песню
И не томит его слеза,
То это потому, что корень
Мой и живуч и непокорен,
Что я всегда стою на месте,
Я, виноградник, я, лоза.

Мне хорошо глядеть на солнце,
Сияя свежею росой,
Под небом тем, где поклянется
Любой детьми или лозой.
Моя земля не стала пылью.
Она страна счастливых глаз.
Где, Шах Аббас, твои усилья?
Ведь ты топтал меня не раз.

Зачем кричал твой каждый всадник:
«О, не оставьте ни лозы!»
Ведь мы великий виноградник.
Пусты следы твоей грозы.
Я с болью справилась такою,
Что дышит Грузия легко.
Росла живою я стеною,
Чьи корни в почве глубоко.

Любой грузин целует лозы,
Их корни рад поцеловать.
Я пла́чу. Радостны те слезы,
Что могут счастьем наполнять.
Я — общей радости слеза.
Я — виноградная лоза.

Вовек не будет ни лозинки,
Ни виноградинки любой,
Чтоб ими справили поминки
По нашей родине большой.

ДВА ТБИЛИСИ

Стремится к солнцу город мой крылатый,
Высокой синью радуя меня.
Нам прошлого достаточно для клятвы,
Но нет чудесней нынешнего дня.

Мой город, вечно устремленный к выси,
Решил в метро сойти к корням своим.
Под ясным небом два поют Тбилиси,
И подземелье радуется им.

Так как мне быть с напевами земными?
И, под землей улыбки не тая,
Как с новыми знакомыми моими,
Здороваюсь со станциями я.

ЮНОСТИ

Ты, юность, улыбаясь небосводу,
Несешь в сухую степь живую воду,
Отчизне сердце нежно отдаешь
И грозно песни мирные поешь.
И хочешь с подлинника срисовать навеки
Поля зеленые и голубые реки.

Ты хочешь, чтоб тот день не повторился,
Когда мой брат ушел, не воротился;
Чтобы с войны, презрев любые муки,
Не приходил художник одноруким;
Чтоб из объятых зеленью ветвей
Не делали холодных костылей;
Чтоб небо — общий потолок всех стран —
Не затемнял пожарища туман.

Ты хочешь с подлинника срисовать навеки
Поля зеленые и голубые реки.

* * *

Спокойный сердцем Алазани,
Я взбунтовался от дождей.
Их переполнен голосами,
Гремлю я песнею моей.

Как мне закончить спор в напеве
Раздумьями смиренных строк,
Когда и молодость деревьев
Во мне и бешеный поток?

Мое гуденье, как «Варада» [1],
Звучит и в поле и в лесу.
В горах разрушусь, если надо,
Иль сам хребты их разнесу.

Я — ручеек. Но, с сушей споря,
Все разрастаюсь по пути,
Ведь я хочу волненье моря
До высшей цели донести.

Я в храме лирики средь многих
Свечой свечусь едва-едва.
Но, как у мельниц хлеб, в итоге
Мои не кончатся слова.

Прорвусь сквозь русло, знаю, знаю,
Разбушевавшись от дождей.
Пусть я не с каждым в бой вступаю,
Но коль вступлю, так одолей.

Я — всадник смелый, не ребенок,
Лечу, ликуя и звеня.
Любое слово — жеребенок,
Что ждет ученья от меня.

Слова, как угли в ярком жаре!
На нить попробуй нанижи...
Но, как Кура, хочу, как Мтквари,
Осилить даже рубежи.

Пока я — маленькие строки.
Но, устремленный к душам весь,
Лечу я быстро по дороге,
Как ожидаемая весть.

Я — как лавина, как «Варада»,
Гремя и в поле и в лесу,
В горах разрушусь водопадом
Иль сам все кручи разнесу.

Перевел с грузинского
Владимир Соколов.

КЛЯТВА РОДИНЕ

Отцом клянусь и предками его,
Клянусь всем тем, что мне дано на свете.
Меня учили клятвам для того,
Чтоб за тебя я был всегда в ответе.

Сквозь даль, сквозь время ты меня веди,
Даруй бессмертье, как даруют крылья.
И сердце зажжено в моей груди,
Чтоб им от всех невзгод тебя прикрыл я.

Самозабвенно Родину любя,
Любые муки примем и лишенья.
И если умираем за тебя,
Ты — наших жизней свет и продолженье.

Мне ненависть священная дана
К твоим врагам, завистливым и лютым.
И без тебя, как зяблик без гнезда,
Моя строка слаба и бесприютна.

К твоим деревьям, травам и снегам
Навечно я привязан кровной сутью.
Я сердце отдаю своим стихам —
Они тебя всегда прикроют грудью.

Перевел Г. Серебряков.

[1] «Варада» — грузинская походная песня.

РОМАН

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА 4

— Загрузи работой: начальник должен держать аппарат в напряжении,— сказал, ухмыляясь, Сашка. — У тебя случайно в столе сигарета не завалялась? Все выкурил...

Зная, что я не курю, ребята специально кладут в нижний ящик недокуренные пачки и прибегают ко мне в тяжкие минуты. Я пошарил в столе и нашел красную квадратную коробочку с изображением собачьей морды. Сашка покрутил пачку, положил обратно на стол:

— «Друг». Замечательные сигареты... Я такие даже посреди ночи не курю.

— Уж больно ты разборчив,— сказал я сварливо.— Шел сегодня на работу и видел велосипедиста: едет себе и курит трубку!

— Проживет до ста лет — огромный запас душевного спокойствия,— невозмутимо прокомментировал Сашка.— Вот Батон до ста лет не проживет. Очень нервная жизнь у него.

— Никто ничего не знает. Может быть, у меня на панихиде выступит от группы перевоспитавшихся товарищей.

Сашка ехидно посмотрел на меня:

— Я вижу, ты свою панихиду мыслишь порежиссерски: от благодарных граждан, от руководства, от коллектива, от перевоспитавшихся. Драматическая мистерия памяти капитана Тихонова.

Я махнул рукой:

— Профессор Авдеев считает смерть естественным, необходимым завершением жизни. Читай учебник судебной медицины.

— Тоже мне утешение нашел! Мне не нравится эта естественная и необходимая концовка. Я бы предпочел что-нибудь менее необходимое.

— Можешь обжаловать в надзорную инстанцию. Как раз завтра к прокурору пойдем.

Сашка почесал затылок и сказал:

— Знаешь, неудобно как-то сразу с двумя просьбами. Решил бы он нам вопрос с Батоном, и ладно. А с бессмертием — в следующий раз.

— Ну и чудненько. Раз с бессмертием вопрос отложен, займемся нашими бренными делишками. Ты будешь и дальше отрабатывать всю линию с железнодорожными перевозками Батона. Завтра утром мы уже получим ответы из Конотопа и Кишинева. Поездная бригада «Дунай-экспресса» обратным рейсом вернется в Унгены через двое суток на рассвете...

— Встречные перевозки — главный транспортный бич,— вставил Сашка.— И мы...

— Молодец, Александр,— сказал я строго,— но не отвлекайся. У нас остаются еще два канала информации — орден и фотоаппарат, найденные в чемодане. Орденом займусь я, а ты сдай аппарат в научно-технический отдел и, если в нем есть пленка, поставь перед экспертизой два вопроса: что за пленка в фотоаппарате, страну-производитель пусть установят, и второе — пусть определят профессиональный уровень снимавшего. Кадры с пленки, коли она там есть, пусть отпечатают крупноформатные.

— Указание получено. А с орденом что ты собираешься делать?

— Думаю отвезти его в исторический музей, показать. Очень уж он меня развлекает, этот орден.

— Чего так?

— Скорее всего это старинный русский орден. Видишь, тут славянской вязью выписано: «Св. Александра Невскаго...» Эта вязь, наверное, и сбила Батона с толка — решил, что болгарская... Непонятны две вещи: зачем такую драгоценность возят с собой в чемодане и кто же тот человек, которому он принадлежит.

— Когда будешь?

— К вечеру, наверное. И брось, пожалуйста, свою привычку отвечать на любой телефонный звонок, что я буду через двадцать три с половиной минуты.

Сашка недоуменно поднял брови:

— Для твоего же блага. Я воспитываю в людях уважение к твоей точности, не зависящей от занятости.

— Но меня же не бывает через двадцать три с половиной минуты?

— Вот это уже не имеет значения. Первое впечатление всегда самое сильное. Кроме того, если такой точный человек задержался, значит, произошло что-то чрезвычайное, наверняка оправдывающее и извиняющее его. Люди очень расстраиваются почему-то, когда им про нужного человека говорят «неизвестно, будет ли» или «сегодня не будет».

Когда меня не бывает на месте, Сашка выдает такие ответы, что людей на другом конце провода бросает в дрожь. Всем женщинам он говорит коротко, но внушительно: «На операции...»,— хотя знает, что я поехал на вещевой склад за новой шинелью или в судебный архив за справкой. У него на этот счет есть даже теория, которая сводится к тому, что служащему или производственнику трудно поверить, будто работа может состоять в целодневном болтании по городу, и очень часто совсем безуспешном. Или просто — в долгих бесплодных поисках какого-нибудь пустякового свидетеля, а то и вовсе в стрельбе в тире или борьбе самбо. Если ты сыщик или следователь, то давай целый день допрашивай преступников, а ночью сиди в засаде или проводи обыски и задержания. Поэтому, мол, в век специализации не надо разрушать иллюзий о характере нашей работы, вносить новые сомнения в подмытую романтику нашей профессии. Впрочем, у него на каждый случай жизни есть или своя теория, или это ему напоминает историю, как...

Я вышел на улицу, солнечный свет был такой яркий, плотный, холодный, что хотелось плыть по нему. Тени ложились на асфальт синие, точные, и не было полутонов, а голые деревья, впечатанные в тротуар железными решетками, казались нелепыми конструкциями, расставленными вдоль улиц, как абстрактные украшения в современном интерьере. И в этом яростном неистовстве света, отбрасывающего от каждого препятствия четкую злую тень, где добела желтый цвет уничтожил все остальные, оставив лишь черно-синий, была какая-то прямолинейная непримиримость, крикливая незавершенность природы. В такие дни, когда тебя еще не разморила радость начала весны, пока не охватило бессмысленное блаженство от одного ощущения, что ты живешь в этом прекрасном мире голубых рассветов, клейкой молодой листвы, прозрачных снеговых луж, я думаю, что жизнь все-таки складывается не так, как бы хотелось. В такие дни этот нестерпимый свет высвечивает тебя насквозь, лучше всякого рентгена, потому что лучи старого умного немца не могут показать душевные рубцы, проявить незажившие душевные раны, не зафиксируют очаги жизненной неудовлетворенности. Да и вообще он утверждает, что нет такого органа у человека — душа. Легкие есть, мозг, сердце есть, а души нет. Он был большим утешителем людей, настоящим лириком, мудрый физик Рентген, лучи которого снова подтвердили, что никакой души у человека нет, а потому и болеть нечему. И если все-таки пожалуешься на душевную боль, то тебя пошлют к кардиологу или психиатру. А ты не пойдешь, потому что в карточке — запись последней диспансеризации: «Отклонений от нормы не имеется». И тогда тебя на улице будет ждать апрельский свет, холодный, яростный, непримиримый, не знающий, что у тебя нет души, и высвечивающий все ее закоулки. Он разбудит память, как дремлющего зверя, и бросит его на тебя, когда ты с ним не хочешь и не можешь бороться, когда ты уже понял, что не может быть мира между мечтой и буднями, и согласен провести в душе хотя бы линию прекращения огня. Но апрельский свет не знает компромиссов, ты его не уговоришь, потому что он — это ты, а себя не обманешь. И не выключишь его, потому что это острота необломанных углов, свет твоей молодости, нешлифованной опытом нетерпимости.

От этого, наверное, охватывает меня в такие дни мучительное волнение, стремление что-то сделать, все изменить, куда-то бежать или промчаться по стене. А по ночам снятся цветные сны растворившегося в годах детства, когда ты счастлив в ощущении своей вечности и нужности людям, когда нет времени дня, а существуют лишь времена года, и никогда не возникает вопрос: «Зачем ты живешь на земле?»

Я где-то читал, что каждые семь лет в человеке происходит полная замена всех клеток. Вроде бы заново появился человек. Значит, я должен был уже четырежды обновиться, и, если бы это случилось, все было бы наверняка нормально. Но мне кажется, что когда-то — в семь, а может, в четырнадцать лет — что-то сломалось в моем человеческом механизме, и больше ничего не изменялось, и я рос только количественно, унося в страну взрослости маленький прямолинейный мир детства. И с годами моя память, пробивающаяся сквозь сумрак времени лучами игрушечного проектора-аллоскопа, превратилась в мучительный апрельский свет, проходящий сквозь всю мою жизнь и никогда не дающий ей развалиться на отдельные бессвязные куски, обрекший меня на пожизненный моральный дальтонизм, ибо я не различаю полутонов, а из всех цветов для меня существуют только белый и черный.

Но, кроме того, когда бушует на улице апрельский свет, я всегда думаю о Лере. Он не позволяет мне забыть ничего, и тогда я снова жалею, что клетки во мне замерли и не хотят сменяться новыми, потому что за это время я бы успел полностью переродиться и сбросить себя, прежнего, как змея сбрасывает старую, прошлогоднюю кожу, и, став совсем, стопроцентно, новым, смог бы навсегда все позабыть. Но оттого, что клетки не меняются, я и сам остаюсь таким, как был, и не хочу ничего забывать, и в этом вихре ослепительного света часами бесцельно вспоминаю все, и думаю о Лере, о себе, о нас, о том, как могло быть, и ничего не получилось, и, наверное, оттого, что клетки не меняются, они устают, и тоска моя перешла в ровную грусть, которую почти не беспокоит этот неистовый свет, если только накануне мы не встречаемся ночью в ресторане, куда я прихожу есть борщ.

Я шел по улице Горького, через этот нестерпимый свет, будто плыл в нем, зная, что человек освобожден от бессмертия, потому что ему очень трудно ответить на вопрос, зачем он вообще живет. А во внутреннем кармане пиджака лежал тяжелый драгоценный крест, волнующий своей непонятностью, как таинственный знак кабалы, определяющий судьбу.

ГЛАВА 5

За дверью моего кабинета был слышен голос Сашки:

— Э, Дедушкин, бросьте, это не довод. Лет двадцать назад моя бабушка с большим трудом устроила меня в ближайшую к нашему дому школу, чтобы я сам не переходил дорогу. А потом искренне хвасталась, что я первый в школе ученик. Правда, школа была для недоразвитых. Понимаете, все относительно...

Ответа Батона я не расслышал и вошел в комнату. Задушевная беседа была в разгаре, но

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43, 44.

каких-либо сдвигов явно не произошло. Я хорошо знаю Сашкины беседы и, признаться, несколько завидую его дару толковать обо всем и ни о чем, четко придерживаясь русла интересующих его вопросов. Когда я со стороны слушаю, как он разговаривает с людьми, у меня возникает перед глазами картина: кладоискатель чутко и осторожно простукивает стенку, выискивая пустоты и полости, внимательно прислушиваясь к отраженному стуку.

Сейчас перед ним были, как в пасьянсе, разложены цветные фотоснимки, и я сообразил, что это — содержимое пленки из аппарата.

— Тринадцать снимков. Чертова дюжина. Я сразу сказал Дедушкину, что это не к добру,— сокрушенно развел руками Сашка.— Мой знакомый фоторепортер по фамилии Занудько специально пропускает тринадцатый кадр, чтобы не испортить всю пленку.

— Это действительно плохо,— согласился Батон.— Но ведь вы тоже проявляете интерес к этой пленочке. Может быть, это для ва́с дурной знак? Мол, отцепитесь, граждане начальники, и пока от прокурора не нагорело, отпустите товарища Дедушкина с его вещичками. А я, принимая во внимание старое знакомство с Тихоновым, даже жаловаться за незаконный арест не стану. Ошиблись, дело житейское, перестарались несколько, так сказать...

— Во-первых, мы вас пока еще не арестовали, а только задержали,— сказал я, усаживаясь за стол.

— Вы говорите так значительно, как будто, во-вторых, сейчас достанете из кармана потерпевшего,— нагло перебил Батон.

Не спеша рассматривая фотографии, я продолжил:

— А во-вторых, мы атеисты, и на нас действие примет не распространяется. Арестуем же мы вас незамедлительно, как только обнаружим хозяина чемодана.

Батон, видимо, уже начал нервничать, потому что неожиданно громко крикнул:

— Наши разговоры похожи на сказку про попа и его собаку! Хозяин чемодана я, и, пока вы не докажете другого, мое содержание под стражей — форменное беззаконие!

Не повышая голоса, так же спокойно я сказал:

— Что касается хозяина чемодана, то не исключено, что я достану его как раз из кармана.— С этими словами я вытащил крест и легонько поболтал им перед глазами Батона.— Изволите иметь друзей — высших сановников Российской империи?

— Что-что? — не понял Батон.

— Друг, говорю, был у вас чрезвычайно высокопоставленной персоной. Он, видимо, из скромности этого вам не сообщил. А орден этот не болгарский, как вы ошибочно полагали, а русский. Третий по значению орден Российской империи — «Святого благоверного великого князя Александра Невского». Слышали, наверное, про такого?

— Псов-рыцарей разбил,— услужливо пояснил Сашка.— Кино даже есть такое. Вы пока подумайте про орден, чего-нибудь стоящее, глядишь, придет в голову, а мы в это время разберемся с фотографиями.

Снимки были интересные. Очень красивая девушка, мужчина лет тридцати пяти и мужчина лет пятидесяти были героями ленты. На шести карточках сняты девушка и пожилой, на трех — девушка и молодой, на двух — девушка позировала одна, на одной — оба мужчины, и, наконец, на последней — только пожилой. Сашка передавал мне их именно в этой последовательности, и я понял, что у него есть на сей счет какие-то соображения.

Фотографировались на улицах, на фоне каких-то памятников — видны были только фрагменты, один снимок был сделан скорее всего в гостиничном номере. На этой фотографии девушка сидела на коленях у пожилого гражданина, нежно обнимая его за толстую шею. Фигура у девушки была великолепная, и она это знала наверняка и позировала так, чтобы лучше можно было рассмотреть острые холмики груди, а ноги — длинные-длинные, стройные, с круглыми коленями и розовыми пятками — расчеркивали снимок пополам.

— Ваше лихоимство, Дедушкин, вынуждает нас быть нескромными и рассматривать картинки из интимной жизни посторонних людей,— с тяжелым вздохом сказал Сашка.

— А вы поберегите свое целомудрие,— посоветовал Батон и пояснил: — Не смотрите.

— Не могу: служба обязывает меня рассматривать все это очень внимательно,— сказал Сашка серьезно.— А вы так и не вспомнили, кто эти люди и где вы их фотографировали?

— Нет, не вспомнил. На курорте, наверное, в прошлом году. Лица-то вроде знакомые, а вот точно не припомню.

— Ну-ну, допустим,— сказал я.— А чего же вы себя не запечатлели в этом теплом коллективе?

— А я еще более суеверен, чем знакомый фоторепортер гражданина Савельева. Я не только пропускаю тринадцатый кадр, но на первых тринадцати вообще не снимаюсь. Я как раз на следующем хотел сфотографироваться, да не успел, наверное.

— Такая предусмотрительность греет мое сердце,— сказал Сашка.— А где пленочку цветную достаете? Это же дефицит сейчас!

— В магазине на улице Горького была.

Сашка записал ответ, дал Батону расписаться, потом поцокал языком и достал из ящика бланк.

— Никак, эксперты наши ошиблись? Пишут-то чего: «Извлеченная из аппарата пленка производится в ФРГ компанией «Коллер»; цветная, обратимая, светочувств. 17 дин, в СССР не импортируется...»

Я засмеялся и сказал:

— Дедушкин, сейчас самая пора схватиться за голову и заявить что-нибудь вроде «Эх, старость — не радость, склероз проклятый» и вспомнить, что аппарат вы давно купили вместе с пленкой у какого-то поиздержавшегося иностранца... Врать, так с размахом.

Батон посмотрел на меня, хлопнул себя ладонью по лбу и воскликнул:

— Эх, старость — не радость! Склероз проклятый! Вспомнил! Я ведь давно купил этот аппарат вместе с пленкой у одного поиздержавшегося иностранца! Говорить правду, так с размахом, всю до конца! Чистосердечно, с искренним раскаянием!

У Сашки в глазах полыхнул нехороший огонек, но он сдержал себя, сказал невозмутимо:

— Слушай, Стас, у Дедушкина, как у моей соседки Агнессы Петровны Корх, гипертрофированное чувство юмора. Правда, она работает конферансье. Так вот, ее муж не вынес всех этих шуток и накануне серебряной свадьбы ушел к эквилибристке...

— Тихонов-то меня не покинет,— уверенно заявил Батон.

— Это точно,— кивнул я.— Кроме того, я не страдаю забывчивостью и прекрасно помню, что обещал вам найти потерпевшего.

Я посмотрел на Сашку. Он наклонил голову, дескать, все правильно, давай попробуем. Он только сказал, вроде бы ни к кому не обращаясь:

— Курс — по количественному убыванию...

Батон оглянулся на Сашку. Он чувствовал, что мы ему приготовили какую-то пилюлю, но никак не мог сообразить, как ее подадут, не мог занять оборонительную стойку, и вообще его сильно нервировало, что мы с Сашкой будто играем в невидимый волейбол, и этот опасный шар стремительно носится над его головой, а он никак не может разглядеть, у кого сейчас подача и кто будет гасить.

— Давайте, Дедушкин, поразмышляем вместе над этими фотографиями,— сказал я спокойно.

— А чего там размышлять? Разлагается буржуазия, как хочет, и все там,— сказал он вроде с юмором, но раздражение просвечивало все заметнее.

— Э, нет,— не согласился я.— Джины, вырвавшись на свободу, одержимы жаждой осмысления происходящих вокруг событий.

— Да-а? — осторожно спросил Батон.

— Несомненно,— заверил я.— И могущество их не от бога, а от дьявола и заключается в знании, которое они добывают трудом и любознательностью. Итак, мы располагаем тринадцатью фотоснимками...

Я взял фотоснимки, сложил их в одну пачку и перетасовал вроде карточной колоды.

— Чтобы осмыслить их содержание... Что нам надо, Саша, чтобы осмыслить их содержание?

— Система,— бойко отрапортовал Сашка.— Кроме камерного снимка с полуобнаженной девицей, где формы исчерпали содержание.

— Нужна система, все правильно. Теперь надо решить, что нам взять за основу для классификации. Дедушкин, есть соображения?

— Я свои соображения для другого применю,— категорически отказался от соавторства Батон.

Надо сказать, что все эти шуточки и болтовня давались мне нелегко, ведь ставка была сделана на то, чтобы раскачать Батона на моральных перегрузках, и если я сделаю ошибку в расчетах у него на глазах, тогда дело будет швах. Мы ведь не случайно вели все эти разговоры в его присутствии: весьма вероятен был шанс, что Батон не выдержит «психической атаки» и сдастся. Дело, наверное, в том, что следователя и преступника всегда разделяет изоляция тайны. Чем толще этот спасительный для преступника пояс, тем он чувствует себя увереннее. Если расследующий располагает какими-то серьезными доказательствами, то взламывать защитную броню лучше всего неожиданно, чтобы преступник вдруг увидел, как от всех бастионов его тайны остается шлак и прах,— тогда он психологически не готов к дальнейшей борьбе и, бывает, сразу сдается. С Батоном это было особенно важно. Какой бы он ни был матерый ворище, от этого он не перестает быть человеком со всеми человеческими слабостями. И когда мы впотьмах шарили в омутах его тайны, все ближе подбираясь к ней, сердце у Батона не могло не сжиматься в тревожном предчувствии, даже скорее предвидении: сейчас нащупают, схватят — и тогда все запирательство становилось бессмысленным, и, как он говаривал: «...опять передо мной — решетка, вышка, часовой...» Поэтому все маневры мы проводили у него на глазах, неизбежно выводя его из равновесия. Только бы не ошибиться. Мне очень важно было доказать Батону, что воровать н е л ь з я...

— Раз Дедушкин не хочет думать вместе с нами, разрешите мне внести предложение,— сказал Сашка.

— Давай.

— Снимки нужно классифицировать по группам изображенных на них лиц,— охотно поделился соображениями Сашка.

— Принято за основу. Против нет? За — двое, воздержавшийся — Дедушкин. Принцип подбора групп? Какие предложения?

— Чего ж тут думать? Везде, где девка,— в одну группу, все остальные — в другую,— неожиданно сказал Батон.

Сашка чуть не подпрыгнул от радости:

— Гражданин Дедушкин будет участвовать в прениях только по второму вопросу! Председатель, внесите в протокол заседания. Предложение Дедушкина принимается?

— Проголосуем,— сказал я флегматично.— Я против.

— И я против,— огорченно сказал Сашка.— Вы, Дедушкин, условия задачи, наверное, не поняли. Девулька-то, красавица, нас пока не интересует. В чемоданчике вещи мужские были. Эти трое на снимках — все равно как уравнение $X + У = 5$. Нас пять не интересует — пять, оно ведь и есть пять. Нам надо узнать, кто такие Х и У.

Я усмехнулся:

— А для этого отложим первый фиш — девица с пожилым. Я тебя правильно понял, Саша?

— Абсолютно. Шесть карточек — основа нашего пасьянса. Выведем за скобки два кадра, там, где дева одна, они нам не нужны сейчас. Под ними три снимка с дамой и молодым джентльменом. Сюда кладем фото обоих мужчин, а вниз — пожилой. Итого?

Пальцем для верности я пересчитал их:

— Девица на одиннадцати, пожилой на восьми снимках, и молодой — на четырех. А все трио вместе — ни разу. Выводы?

Батон понял, что мы вышли на цель точно, и мрачно молчал.

Сашка эпически поведал:

— Вот видите, Дедушкин, оказывается, Тихонов выполнил свое обещание.

Батон затряс головой:

— Не шейте, чего не было, не знаю я тут никого...

— Как же не знаете,— разозлился Сашка.— Мы для вас здесь все, как на блюдечке, разложили, а вы: «Не знаю, не знаю...» Давайте еще раз повторю. На снимках три человека в разных сочетаниях, но нигде их нет втроем. Поскольку это памятные снимки на фоне достопримечательностей и теде и тепе, значит, их было только трое, иначе они все вместе снялись бы. Вот два совершенно одинаковых фото, снятых почти с одной точки: старик с девкой около какой-то пушки — это кадр номер восемь, и то же самое на кадре номер девять, но место старика занял молодой. Трое их было, понимаете, трое!

— Ну, а если трое, так что? — спросил Батон.

— А то, что нам нужно, чтобы их не было четверо,— сказал я.

— Почему? — продолжал прикидываться дураком Батон.

— Потому что тогда мы точно определили бы хозяина чемодана,— терпеливо сказал Сашка.— Фотоаппарата, во всяком случае.

— И кто же это?
— А вот этот молодой,— ответил я спокойно и очень уверенно.
Ни один мускул, ни один нерв на лице Батона не дрогнул. Так же тупо и настойчиво он сказал:
— Почему вы так думаете?
— Саша, объясни.
Сашка покорно наклонил голову и монотонно стал объяснять:
— Из двадцати трех объектов съемки молодой зафиксирован только четыре раза. Трижды его фотографировал пожилой и один раз девица. Это уже достаточно реальное основание предположить, что хозяином аппарата является он. Во-вторых, экспертиза дала заключение, что эти четыре снимка сделаны гораздо менее опытными людьми: выбор ракурса, панорамы, а один кадр немного смазан. Это дополнительно подкрепило наше предположение, что хозяин аппарата — молодой. Ясно?
— И еще одна милая моему сердцу деталь,— подключился я.— Давайте, Дедушкин, внимательно посмотрим вместе, что делают на этом снимке. Девица курит, а рядом улыбается молодой человек. Видите, какую красивую струйку дыма она выпускает. Присмотритесь внимательно к ее сигарете...
Не глядя, Батон сказал:
— Чего я там не видел. Сигарета как сигарета. Обычная...
— Верно, обычная. Но это не окурок, это только что прикуренная сигарета, видите, какая она длинная. И вот такую струю дыма курильщики выпускают со смаком обычно после первой затяжки, знаете, так, от души.
— Ну и что?
— А теперь скажите, откуда она достала пачку? Знаете, есть такая детская рисовальная игра: найди охотника и девять зайцев. Взгляните, у нее ничего нет в руках, а на платье нет карманов...
Сашка подошел, встал у меня за спиной и через плечо стал внимательно рассматривать фотографию.
— Видите, в руках у парня какая-то плоская коробочка,— усмехнулся он.— Ручаться трудно, но скорее всего это тот золотой портсигар, что мы нашли у вас. Как, Дедушкин, перед фотографическим ликом потерпевшего, может быть, начнем рассказывать правду?
— Я так полагаю, что вы обойдетесь,— грубовато сказал Батон.
— Эх, Дедушкин, с вами не в МУРе, а в священной инквизиции разговаривать,— сказал с сердцем Сашка.
Я сказал:
— Мне, честно говоря, тоже надоели эти разговоры. Поэтому в дальнейшем доказывании вашей вины я постараюсь обойтись без вас. Обещаю вам работать по делу добросовестно и энергично.
Батона увели, а мы еще долго разглядывали фотографии, пытаясь извлечь из них какую-то дополнительную информацию. Но ничего наводящего на предметные размышления найти не смогли. Правда, на четырех снимках был виден бирюзовый мерседес, причем на один попал даже кусок номера — «392»... Остальные знаки загораживала фигура девушки. Она была сфотографирована, по-видимому, около кинотеатра, потому что прямо над ее головой висел афишный щит, на котором два молодца выясняли отношения — один совал в нос другому пистолет. В рамку кадра влезли три светящиеся буквы названия кинотеатра — «...СКВ...».
— Что будем делать? — спросил я Сашку.
— Давай пошлем в Унгены фотографию хозяина чемодана. Если поездная бригада его тоже опознает, то вместе с пограничниками установят его личность.
— Это программа-максимум: поездная бригада вернется в Унгены через сорок часов. А через сорок шесть часов надо решать вопрос с Батоном. Ты не забывай, мы ведь могли и ошибиться. Представляешь наши физиономии тогда?
— Да, это будет малопривлекательное зрелище. Но почему он все-таки не заявил о пропаже чемодана?
— Вот я об этом и думаю все время. И орден этот непонятно как попал к нему...
— Кстати, что с орденом?
Я в двух словах рассказал суть дела.
— М-м-да,— помычал Сашка.— Слушай, а тебе не приходило в голову, что мы, может быть, несправедливы к Батону?
— То есть как это? — удивился я.
— А вдруг он действительно не воровал у него чемодана? Вдруг это была какая-то совсем другая операция — фарцовка, укрывательство или что-то еще в этом роде?
Я подумал и отрицательно покачал головой:
— Не думаю. Чемоданом с грязным бельем обычно не фарцуют. Но мне кажется, что независимо от Батона надо плотнее заняться этим человеком. Давай попробуем оценить по-настоящему наши «вещдоки». Я буду по-прежнему ковыряться с орденом. А ты, раз уж так пошло удачно, продолжай заниматься фотопленкой.
— А что с нее еще возьмешь?
— Надо попробовать выяснить, где они фотографировали. Тут возникает два «если». Первое: если его опознает поездная бригада, и второе: если мы установим, где они фотографировались, тогда это открывает для нас дальнейшую перспективу.
Сашка, не вдаваясь в обсуждения, сразу кивнул:
— Надо произвести архитектурную и скульптурную экспертизы — специалисты, возможно, по памятникам определят, где они установлены...
— И еще одно дело надо будет завтра же организовать. Внешнеторговая организация «Экспортфильм» должна, по-видимому, получать проспекты всех зарубежных фильмов. Там наверняка должна быть какая-нибудь просмотровая комиссия.— Я протянул Сашке снимок с девицей на фоне киноафиши.

ГЛАВА 6

Заканчивался еще один день. Сашка ушел, и я долго сидел один в кабинете. Верхний свет я погасил, настольная лампа вырывала из темноты сплющенный желтый круг, из коридора доносились звуки шагов и обрывки разговоров уходивших домой сотрудников. Потом все стихло, и кабинет затопила густая, вязкая, как нефть, тишина. На работе мне было нечего делать, впрочем, как и спешить куда-то, поэтому я и сидел в этой теплой сонной тишине, лениво передвигая по желтому сплющенному кругу тяжелый золотой портсигар. Наверное, многое нужно иметь или многого достигнуть, чтобы позволить себе таскать такую дорогую, такую неудобную штуку. Подобного портсигара я еще никогда не видел — вся нижняя крышка была покрыта гравировкой нотной партитуры. На лицевой стороне монограмма — «П. В.». Будь я хозяином такой дорогой вещи, вместо никому не понятных нот и таинственных инициалов я бы гравировал свой почтовый адрес — для сохранности. Долго сидел я так, и мысли текли неспешно, тягучие, как этот пустой весенний вечер, когда не к кому пойти, да и идти неохота. Потом набрал телефонный номер. Трубку сняли мгновенно, будто дожидались моего звонка, и я услышал:
— Нет, милочка моя, вам с сольфеджио еще надо повременить, извините, я только отвечу. Аллеу! У телефона...
— Здравствуй, мама. Это я.
— Стас, мальчик мой! Здравствуй, родной! Ты совсем меня забросил!— началось обычное телефонное представление. Я мог побиться об заклад, что мать сейчас стоит, облокотившись на рояль, прижимая ухом трубку к плечу, и прикуривает новую сигарету, пока другая дымится в пепельнице на столике, а глазами, бровями, губами, всей своей богатой и пластичной мимикой поясняет очередной дурынде-ученице, что вот он, тот самый, тот мифический, легендарный, таинственный сын-нелицей! В ее рассказах я выгляжу дьявольски похожим на лорда Байрона, и я ужасно доволен, что от меня не требуется сломать ногу, чтобы придать этой легенде окончательную достоверность. Мать раскуривает сигарету, усаживается в кресло, подтягивает ближе к себе телефон на длинном проводе. Телефон у нее почему-то всегда стоит под роялем, наверное, ей кажется, что так элегантнее, хотя меня это ужасно раздражает. Может быть, я этого не понимаю, но мне кажется, что телефон должен стоять на столе, висеть на стене, где угодно, и я никогда не поверю, будто правильнее после каждого звонка нырять под рояль. Конечно, дело не в том, где стоит аппарат, но я перестал спорить с ней на эту тему, когда понял, что мать больше не ждет никаких важных вестей по телефону, и из средства первой необходимости он превратился для нее в часть обстановки с чисто эстетической нагрузкой...
— Стас, никаких перестрелок больше не было?..
— Мама, о чем ты говоришь? Какие перестрелки! Их со времен нэпа нет. Можно подумать, будто по Москве разгуливают банды вооруженных гангстеров...
— Все секретничаешь. А у Ксении Андреевны на работе из профкома украли марки. Ты ничего об этом не знаешь? Может быть, их уже поймали?
— Какие марки?
— Не прикидывайся, будто тебе ничего не известно. Настоящие профсоюзные марки. Для взносов.
— Как это ни странно, но я действительно ничего не слышал про марки. Я и не мог их должен был слышать про эти марки, и вообще их, наверное, не воровали, а скорее всего потеряли...
— Ах, Стас, чтобы успокоить меня, ты что угодно наговоришь.
— Мама, я не успокаиваю тебя, потому что тут и волноваться не из-за чего. В жизни есть многое, из-за чего стоило бы поволноваться.
— К сожалению, вы, дети, никак не можете понять, что большинство наших волнений из-за вас.
— Но я ведь, мама, доставляю тебе очень мало волнений. Я даже не курю.
— Ах, Стас, ты еще совсем маленький и глупый мальчишка. Я даже не понимаю, почему ты такой.
— От своей праведности.
Мать вздохнула:
— Беатрисса Уэбб писала про Уэллса, что у него был редкий дар переводить теоретические дискуссии в личные ссоры.
— Спасибо. Правда, я ни о чем личном и не говорил.
— Ты говоришь со мной, будто я желаю тебе зла,— сказала растерянно мать.— А я ведь тебе только добра хочу...
— Я это знаю, мамочка. И я себе добра хочу. Но, честно говоря, я даже не очень-то понимаю, какого. Поэтому я ищу...
— Но тебе ведь уже тридцать! В восемнадцать ищут!
— В восемнадцать, мама, человек обязан идти в институт или в армию, как в семь идут в школу, а в шестьдесят — на пенсию. Я говорю не об этом.
— Но так ты можешь и не найти ничего никогда!
— Возможно. Но я оптимист. Кроме того, живи мы в Италии, то мы бы с тобой разорились: там повременная оплата телефонных разговоров. Я к тебе лучше заеду попозже, и мы обо всем поговорим...

Продолжение следует.

СВЕТЛ СЕВЕР СОЧИ

На первый взгляд такое сравнение кому-то покажется неоправданным. В самом деле: что может быть общего у небольшого прибалтийского городка, название которого не известно большинству жителей нашей страны, со всемирно популярным курортом на берегу Черного моря? И все-таки сравнение Светлогорска — маленького центра курортной зоны Калининградского взморья — с Сочи имеет глубокий смысл. Правда, Светлогорск играет пока небольшую роль в индустрии здоровья страны, но нет никаких сомнений, что его ждет большое будущее, ибо этот курорт на Балтике располагает огромными природными и климатическими богатствами.
Вы сошли с поезда, который подходит почти к самому синему взморью. Вы сделали первый шаг по пляжу, и вам уже не хочется уходить с этого берега — так мягок, ласков и бархатист песок. Вы окунулись в море и уже покорены его прозрачной, с зеленоватым отливом водой. И не такое оно уж, кстати, прохладное, как принято считать: летом температура воды достигает 22—25 градусов — результат влияния теплого Гольфстрима. А солнце! Оно не опаляет, как на юге, а ласкает своими лучами, и хотя в разгар лета термометр порой показывает и 30, а то и 32 градуса, жары вы не ощутите: свежий морской бриз смягчает зной. Одним словом, климат этих благословен-

«ОГОНЕК» ВЫСТУПАЛ ДВАЖДЫ. ЧТО СДЕЛАНО?

ПРОБЛЕМЫ ВЕЧНОГО ПЕРА

ОГОРСК-
НЫЕ

Новый корпус санатория. **Фото К. Каспиева.**

ных мест именно тот самый, который географы называют умеренным, а врачи — щадящим.

Светлогорск — город. Но, к счастью, не из тех курортных городов, которые загромождены большими каменными корпусами, наполнены шумом автобусов и троллейбусов, мчащихся по раскаленному асфальту. Отличительные черты Светлогорска — маленькие уютные коттеджи, укрывшиеся под сенью могучих деревьев, и тишина, которая так успокаивающе действует на нервы.

Стоит свернуть с улицы, и попадешь в лес, где вековые сосны соседствуют с могучими дубами, грабы с пихтами, клены с березами. Да и многие улицы города, по сути дела, лесные просеки, где дома далеко отстоят друг от друга и спрятаны за живыми изгородями. Статистика утверждает, что почти семьдесят процентов территории города составляют сады и парки. А старый лес на берегу озера распростерся на семидесяти гектарах.

Об озере хочется сказать особо. Это самый поэтичный уголок Светлогорска. Называется оно Тихим. В его действительно тихой зеркальной глади отражается зелень окружающего парка, по нему скользят лодки, а страстные удильщики вытягивают красавцев окуней и даже, случается, угрей.

Но давайте спустимся к морю. Сейчас к нему ведут разнообразные спуски, но уже строится и вот-вот войдет в строй фуникулер. Прежде всего вы попадете на Променад. Старинное и немного жеманное название, но оно как нельзя точнее определяет назначение этой высокой открытой террасы: на Променаде совершают именно променад, и в любую погоду.

Но вот мы и на пляже. Подойдите к самой кромке берега, вглядитесь в прозрачную воду моря, и, быть может, вы найдете зернышко янтаря. Это место славится чудесным солнечным камнем, а в соседнем поселке, носящем название Янтарное, ведется его промышленная добыча и переработка.

Все, что говорилось до сих пор, относится, так сказать, к природным красотам этого чудесного уголка советской земли, который часто называют жемчужиной Прибалтики. Но Светлогорск славен не только этим. Вот что говорят врачи, например, главный врач одного из самых крупных санаториев Светлогорска А. В. Скрипкин:

— Я уже много лет работаю в санаториях, бывал на различных курортах, но лучшего места для лечения сердечно-сосудистых заболеваний не знаю. Здесь лечит сам климат, создающий идеальные условия для больных. У гипертоников наблюдается стойкое снижение артериального давления и исчезают головные боли, нормализуется давление и у гипотоников, очень полезен курорт для больных, страдающих различными заболеваниями сердца. Заслуживает внимания и светлогорская минеральная вода. Ее состав поистине целебен при лечении многих заболеваний.

Статистика убедительна: 98 процентов тех, кто хоть раз побывал на этом курорте, возвращаются сюда вновь.

Читателю может показаться странным: стоит осень, а автор поет дифирамбы прибалтийскому курорту. Но дело в том, что Светлогорск — курорт круглогодичный. Бассейн с морской водой — в любую погоду к услугам отдыхающих. Создано немало проектов расширения Светлогорска, многое уже осуществляется, но недостаточно энергично. Северные Сочи заслуживают самого заботливого внимания: курорт этот уникален.

Михаил **ХОДАКОВ**

Светлогорск.

Опубликованные в «Огоньке» материалы «Проблемы вечного пера» (№ 26 с. г.), «Из какой эры?» (№ 27 с. г.) продолжают вызывать отклики читателей. «Перьевые авторучки, особенно школьные, все еще очень плохи». «Чернила «Радуга» засоряют ручку, оставляют на пере нерастворимый осадок». «Недостаточен ассортимент шариковых ручек». Это строки из писем. «Очень хорошо, что вы серьезно занялись авторучками и чернилами к ним,— пишет Стефан Сергеевич Моисеев из Могилева.— Каждый знает муки, когда рука тянется к перу, перо — к бумаге, а чернила с пера к бумаге тянуться никак не хотят. А ведь авторучка — это инструмент миллионов».

Заместитель министра торговли СССР С. М. Семичев пишет нам: «Огонек» справедливо отмечает, что вопросы ассортимента, качества и внешнего оформления авторучек пока не решены. Большинство авторучек (к сожалению, этим особенно страдают школьные модели) непривлекательны по цвету. Нет пластмасс ярких, сочных тонов, нет авторучек из прозрачной пластмассы. Очень мало многоцветных и сувенирных авторучек, не поступают в торговлю авторучки первого класса. Министерства торговли и приборостроения договорились об организации в Москве двух специальных магазинов для детального изучения спроса на различные авторучки, вырабатываемые нашей промышленностью...

С. М. Семичев сообщает далее, что ряду промышленных министерств предложено помочь Министерству приборостроения в повышении качества перьевых и шариковых ручек. И многое зависит от того, как быстро и квалифицированно это будет сделано.

Некоторые министерства уже взялись за решение проблем вечного пера. Заместитель министра химической промышленности СССР К. К. Чередниченко информирует наших читателей.

«За два года,— пишет он,— в производственных условиях проверено 40 рецептур чернил. В настоящее время испытываются 14 видов чернил, полученных по новым рецептам. Завершив их проверку, Минхимпром и Минприбор выберут лучшие рецептуры, по которым и будет организовано производство чернил улучшенного качества».

Научно-исследовательский институт органических полупродуктов и красителей продолжает работу по дальнейшему улучшению качества чернил, по созданию специальных несмываемых и невыцветающих сортов и снижению нерастворимого остатка в черных (почему только в черных? — К. Б.) чернилах.

Вопрос о дальнейшем снижении содержания сухого остатка в чернилах будет решен после окончания научно-исследовательских и опытных работ. Они уже начаты. Пересматриваются технические условия на выпускаемые чернила. Намечено создание новых видов чернил, саморастворяющих сухой остаток, образующийся на пере и в подающих каналах.

После выступления «Огонька» проведено обследование шестнадцати предприятий, изготавливающих чернила. На некоторых заводах производство чернил временно прекращено, на других ликвидированы нарушения технологической дисциплины.

Пластмасса для авторучек — вопрос особый. Начат выпуск ударопрочного полистирола более ста цветов и оттенков. Выпускается и передается для проведения широких испытаний МБС — ударопрочный прозрачный материал, который должен найти широкое применение в авторучечной промышленности. Осваивается и в ближайшее время будет начата поставка авторучечным заводам других новых полимерных материалов.

К сожалению, до сих пор редакция не получила ответа на свои выступления от Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления, министерства, которому отведена главенствующая роль в производстве авторучек. Между тем некоторые недостатки авторучек, скажем, скверное качество многих перьев, следует отнести прежде всего за счет предприятий именно этого министерства...

К. БАРЫКИН

СЫНОВЬЯ ДЯДИ АСЛАНА

Тренер Ф. Д. Газзаев.

Вратарь команды Сережа Шагров.

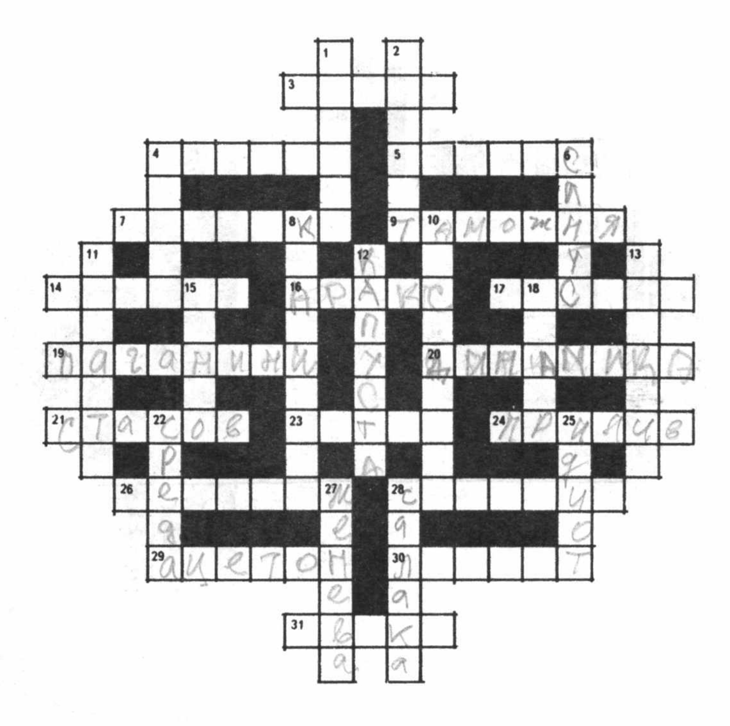

Автор «золотого» гола Эдик Мамиев на уроке химии.

Марат ЦЕБОЕВ

Фото автора.

Команда «Рубин» из Северной Осетии стала победительницей Всесоюзного турнира «Кожаный мяч». Самые юные чемпионы страны — одиннадцати-двенадцати лет — показали футбол высокого класса: острый, техничный, изобретательный. Весь турнир начиная с районных соревнований команда провела не только без поражений, но и без ничьих. Лучшим бомбардиром турнира стал Жора Мамуков, пославший в ворота противников 11 мячей. Лучшим «технарем» признали Руслана Хаева, нападающего. В турнире участвовало более трех миллионов ребятишек.

...В Осетии темнеет рано. Но и после захода солнца на дворовых и школьных площадках мальчишки играют в футбол. Свидетелем вечерних матчей часто бывал, возвращаясь с работы, наладчик орджоникидзевского завода «Рубин» Фарзон Газзаев. Ему это увлечение знакомо: сам был таким. Да и сынишка Юра с малых лет не расстается с мячом. Газзаева удивляло: сколько энергии тратят мальчишки и не устают. Всю ночь бы играли, если б не родители: «Казбек, спать пора! Аслан, где ты? Эдик, домой!» Газзаев, сам бывший спортсмен и прекрасный знаток футбола, предложил ребятам устроить соревнование с командой соседней улицы. Для начала разровняли поле и поставили ворота. Дядя Аслан, так нарекли мальчики Газзаева, принес новенький кожаный мяч и сетку для ворот. Начались серьезные тренировки. Мастерство ребят росло быстро, улучшалась техника. Так родилась команда «Рубин»... А теперь в квартирах ребят из команды «Рубин» висят на стенах золотые медали чемпионов.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Русский писатель. 4. Форма рельефа. 5. Фламандский живописец. 7. Неоконченная драма А. С. Пушкина. 9. Учреждение, контролирующее провоз грузов через границу. 14. Танец. 16. Река, впадающая в Каспийское море. 17. Яркая звезда в созвездии Близнецов. 19. Итальянский скрипач. 20. Раздел механики. 21. Русский художественный и музыкальный критик. 23. Порт в Польше. 24. Периодический подъем уровня океана. 26. Спортивная игра. 28. Лесная певчая птица. 29. Растворитель в производстве лаков. 30. Областной центр в РСФСР. 31. Сорт кофе.

По вертикали: 1. Штат в США. 2. Древнегреческий философ. 4. Приток Днепра. 6. Тригонометрическая функция. 8. Персонаж романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери». 10. Музыкальный инструмент. 11. Часть весла. 12. Овощное растение. 13. Фотографическое изображение. 15. Действующее лицо оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 18. Бег лошади. 22. День недели. 25. Роман Ф. М. Достоевского. 27. Столица европейского государства. 28. Балтийская сельдь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали: 5. Стайер. 8. Европа. 9. Атмосфера. 10. Флокс. 12. Канва. 14. Левко. 16. Корнель. 18. Колпица. 20. Консерватория. 21. «Арзамас». 23. Гадулка. 24. Алыча. 25. «Фауст». 28. Гайка. 30. Амфитеатр. 31. Климат. 32. Карета.

По вертикали: 1. Баркас. 2. Буерак. 3. Кабул. 4. Попов. 6. Бемоль. 7. Слепок. 11. Консонанс. 13. Амплитуда. 15. «Варвары». 17. Ласка. 19. Осока. 22. Сапфир. 23. Гавань. 26. Архив. 27. «Тартюф». 28. Греков. 29. Купер.

На первой странице обложки: Портрет Ф. М. Достоевского работы В. Перова.

На последней странице обложки: Закат на Оби (см. в номере очерк Н. Быкова «Хождение в Завтра»).

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

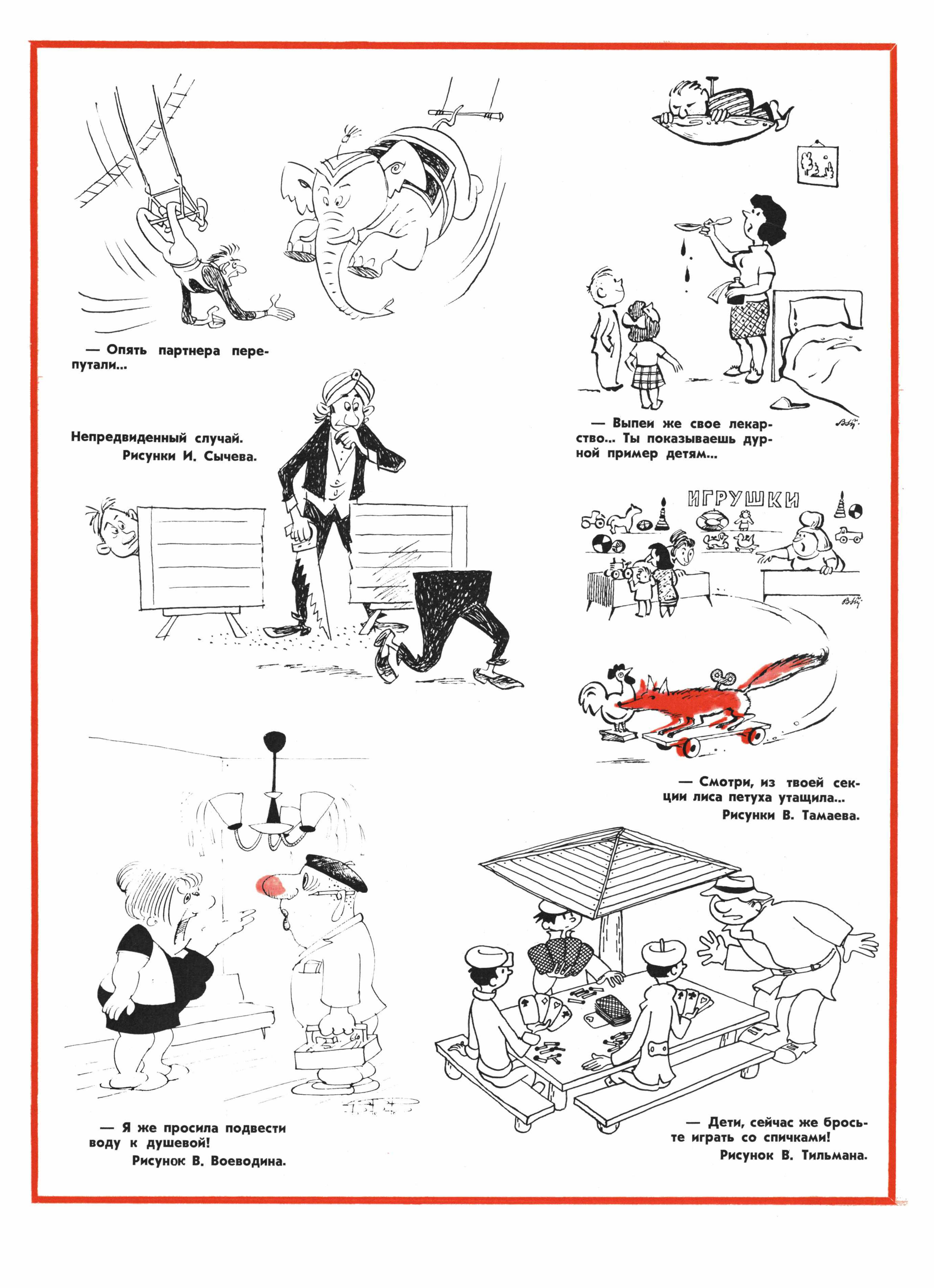
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/X-71 г. А 00648. Подп. к печ. 9/XI-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2425. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2061.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

— Опять партнера перепутали...

Непредвиденный случай.
Рисунки И. Сычева.

— Выпей же свое лекарство... Ты показываешь дурной пример детям...

— Смотри, из твоей секции лиса петуха утащила...
Рисунки В. Тамаева.

— Я же просила подвести воду к душевой!
Рисунок В. Воеводина.

— Дети, сейчас же бросьте играть со спичками!
Рисунок В. Тильмана.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.